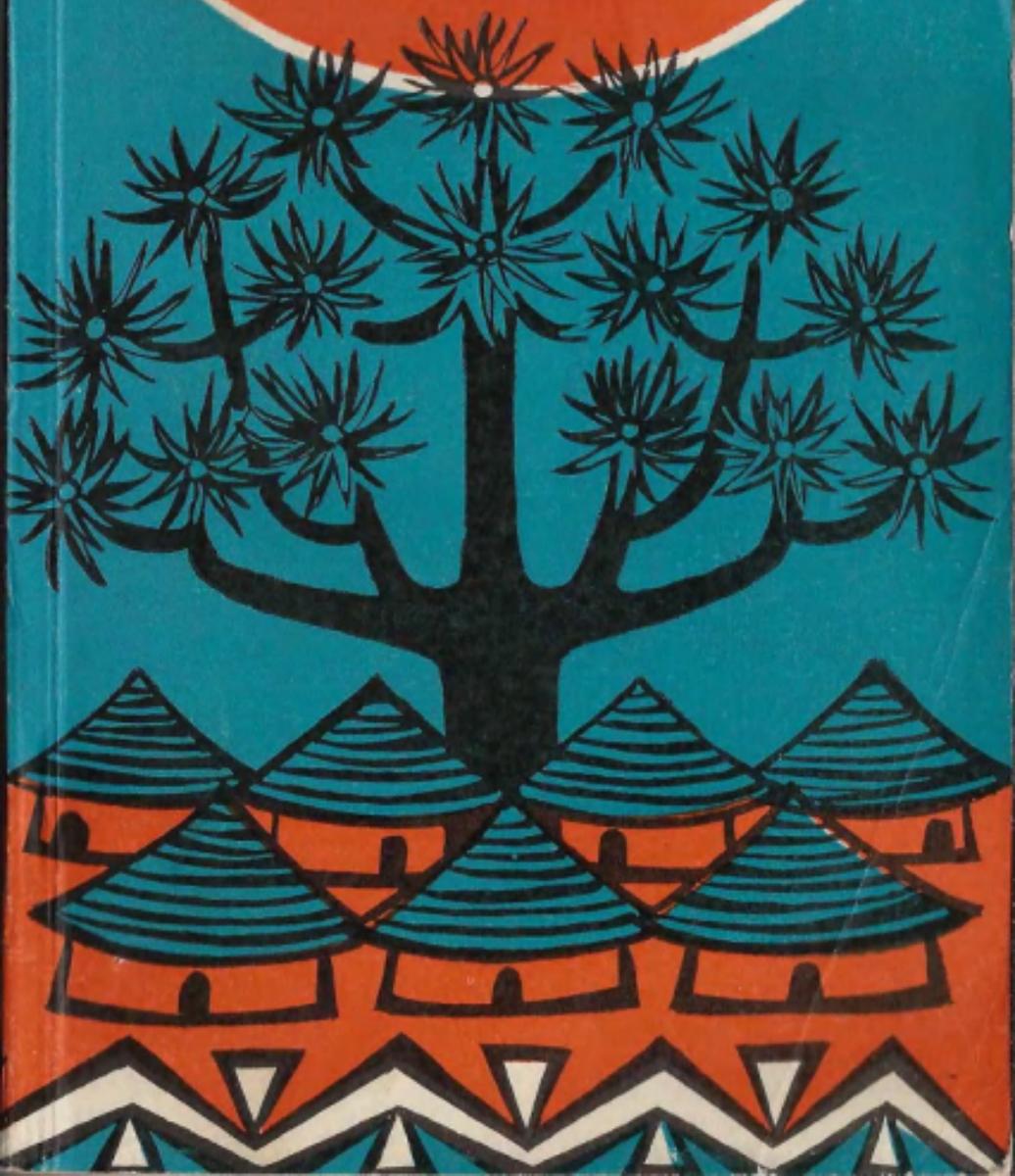

Франсуа Бальзан

ПЕШКОМ
ПО СЕВЕРНОМУ СОМАЛИ

АКАДЕМІЯ НАУК ССРС • ІНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДІННЯ

Франсуа Вальзан

ПЕШКОМ
ПО СЕВЕРНОМУ СОМАЛІ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»
ГЛАВНАЯ РЕДАКЦИЯ ВОСТОЧНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1977

FRANÇOIS BALSAN
A PIED DU NORD SOMALI
PARIS - GENEVE, 1965

Перевод с французского
Ф. Л. МЕНДЕЛЬСОНА

Ответственный редактор
С. Я. КОЗЛОВ

Бальзан Ф.

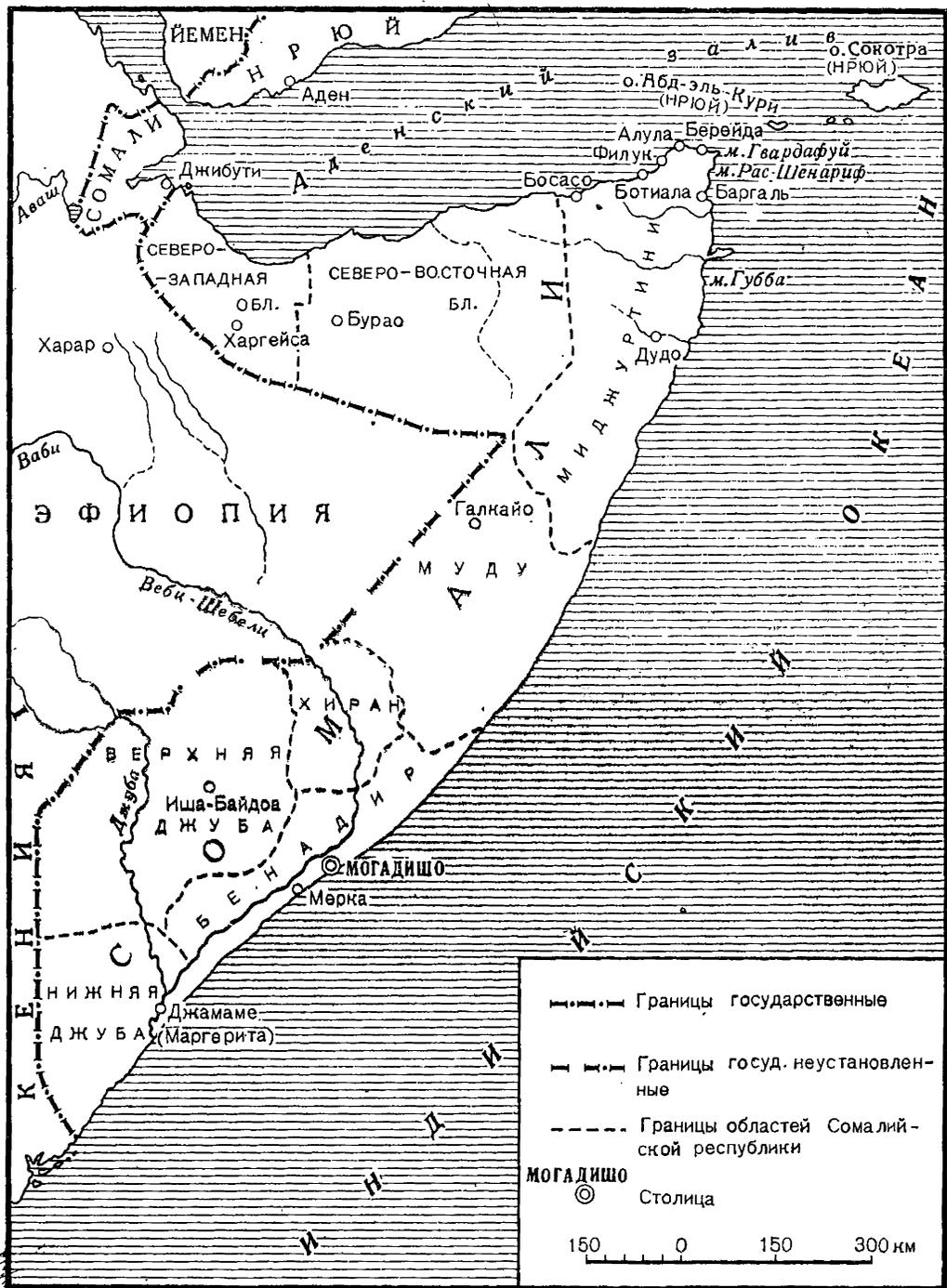
Б21 Пешком по Северному Сомали. Пер. с франц.,
М., Главная редакция восточной литературы из-
дательства «Наука».

152 с. с карт. («Путешествия по странам Востока»).

Французский писатель-путешественник Франсуа Бальзан рассказывает о посещении наименее изученной области Сомали — Миджуртини, славящейся своими благовонными смолами. Читатели пройдут вместе с автором по горам, где растут ладаноносные и мирровые деревья, познакомятся с жителями этих краев.

Часть I

НА ПОБЕРЕЖЬЕ

СОМАЛИ—ДРЕВНИЙ ПУНТ

Фараоны снаряжали множество экспедиций в Пунт, или Землю богов, расположенную «за проливом Баб-эль-Мандеб, на арабском побережье. Это была легендарная Страна Благовоний»,— пишет профессор Пьер Монтэ¹.

Так было со времен Древнего царства. «Корабли поднимались по танитскому рукаву Нила до города Бубаста и по каналу добирались до вади² Тумилат, которое можно считать самым восточным притоком великой реки. Конечно, вади не было судоходным во все времена года, но в периоды половодий по нему могли проходить баржи с небольшой осадкой. Пересекая Горькие озера, они спускались до Суэцкого залива и продолжали свое медленное плавание вдоль побережья до самого Пунта.

...Вероятно, после царствования фараона Пепи II (середина третьего тысячелетия до нашей эры) эти путешествия на время прекратились. Они возобновились в период Среднего царства и продолжались вплоть до нашествия гиксосов (семнадцатый-шестнадцатый века до нашей эры).

В 1494 году до нашей эры царица Хатшепсут возродила эту традицию, а после нее ее поддерживали фараоны Тутмос III, Аменхотеп II, Хоронемхеб, Рамсес II и Рамсес III.

Чтобы связать свою резиденцию в дельте Нила с Красным морем, фараон Рамсес II ценой огромных затрат восстановил древний канал, существующий и поныне. На нем стояли города Пи-Рамсес, Бубаст и Питом, и гранитные стелы на высоких пьедесталах по берегам рассказывали восхищенным путешественникам о славе фараона и дерзости его замыслов».

¹ «Повседневная жизнь Древнего Египта». Последующие выдержки взяты из этой же книги.— *Примечание автора. Далее примечания автора не выделяются.*

² В а д и — сухие долины в пустынях, наполняющиеся водой на короткий срок после дождей.— *Прим. ред.*

Сохранилось два образца судов древних египтян — их называли *кебенит*.

«Наиболее древний,— пишет Пьер Монте,— относится к эпохе Сахуре, второй — к царствованию Хатшепсут. И хотя между этими периодами прошло более тысячи лет, тип судна почти не изменился.

Длинный корпус с острым носом-бивнем приподнимается к корме, загибаясь вперед, и образует нечто вроде огромного зонта. На судне два наблюдательных мостика: один на носу, второй на корме. Толстый канат, поддерживаемый четырьмя шестами с развилками, стягивает носовую и кормовую оконечности корпуса. Единственная мачта с четырьмя растяжками установлена приблизительно на середине судна; она несет прямоугольный парус, ширина которого больше его высоты. Экипаж многочислен, так как, когда ветер спадает и не может наполнить парус, матросы берутся за весла.

Но какой народ владел в те времена Землей богов?

Царь и царица высоки ростом и широкоплечи, как египтяне. Головы у них круглые. Борода у мужчин заплетена, как у богов долины Нила и у фараонов, единственная разница в том, что здесь у всех свои бороды, а у египтян — накладные. Они носят на шее круглые медальоны, вроде тех, которые распространены среди сирийцев. Царица — весьма странное существо, целая гора подрагивающего жира; непонятно даже, как она может ходить. И ее дочь, несмотря на свою молодость, немногим отличается от матери».

Нам остается лишь строить предположения, кто были люди, изображенные на фресках Дейр-эль-Бахри. Может быть, они принадлежали к желтой расе, первоначально населявшей Африку, наследники которой, бушмены и готтентоты, в большинстве своем сохраняют стеатопигию³, подмеченную египетскими мореходами? А может, это были выходцы из Индии? Они поклонялись Амону-Ра. И царь их Ра правил городом Томери, который исчез бесследно.

³ Стеатопигия — чрезмерное развитие жирового слоя у людей в ягодичной области. Особенно характерна для женщин некоторых народов Южной Африки (бушмены, готтентоты, в меньшей степени — зулу). — *Прим. ред.*

Когда египетские экспедиции в период последних династий прекратились, никто не мог сказать, что стало с древними обитателями Пунта⁴: переселились ли куда-нибудь под натиском новых пришельцев или сумели с ними ужиться. В любом случае сбор благовоний в Сомали продолжался, правда, теперь их вывозили уже на другую сторону залива, в Южную Аравию, где к тому времени расцвела блестящая цивилизация Сабейского царства⁵.

* * *

Это царство возникло из тьмы времен. Пытаться определить его происхождение было бы слишком рискованно. В Библии упоминается царица Савская, которая щедро одарила благовониями царя Соломона: следовательно, это было в середине десятого века до нашей эры. К несчастью, самые древние из обнаруженных надписей относятся уже к седьмому веку до нашей эры.

Жители царства Сабейского, а затем — Гимиарского извлекали благовония главным образом из смолы можжевельника⁶, растущего на известняковых плато Атрамиса (Хадрамаута). Отсюда они караванным путем «в шестьдесят переходов» доставлялись в Средиземноморье, где их скупали финикийцы, греки, а позднее — римляне. Однако более ценные благовония попадали в Аравию с африканского берега.

Плиний рассказывает о троглодитах, перевозящих свои товары «через широкое море на плотках». Троглодиты, пещерные жители? Может быть, латинский автор имеет в виду племена, которые с сомалийского побережья пришли на смену древним поставщикам благовоний для фараонов?

⁴ О местоположении древней страны Пунт и ее населении см. «Послесловие». — *Прим. ред.*

⁵ Сабейское царство (Саба) — государство, существовавшее в Южной Аравии с VIII в. до н. э. (а возможно, и ранее). Саба, занимавшая выгодное географическое положение, сыграла весьма видную посредническую роль в торговле между странами Средиземноморья, Восточной Африки и Индии. — *Прим. ред.*

⁶ *Juniperus lycia*, дающий смолу второсортного качества.

Путешествуя в 1953 году по Южной Аравии, я добрался до ущелий Иешвума, служивших некогда сборными пунктами аравийского побережья на Пути Благовоний. Из атрамисского порта Канэ, ныне занесенного песками, можно было дойти до Маефа, где до сих пор возвышается старое арабское селение-крепость, затем — до этих ущелий, а через них пройти к Тимне, первому перевалочному пункту сабейских караванов. Именно этим путем — через царство Джебанитов — сомалийские товары попадали на главный торговый путь.

В Адене, на большом складе, я видел, как разбирают по сортам великолепные смолы. Мастер индеец объяснил мне, что лучшие благовония поступают главным образом из незначительных сомалийских портов и даже с острова Сокотра, султан которого владеет также арабским поселением Махра к востоку от Хадрамаута.

Современные данные в сочетании с историческими сведениями, кратко изложенными выше, побуждали меня заняться исследованием Африканского Рога, как часто называют Сомали. Однако политическая обстановка отнюдь не благоприятствовала моим намерениям.

В 1960 году из бывших английских и итальянских колоний образовалась новая независимая республика. Территория Сомали напоминает по форме наугольник, опирающийся на Эфиопию; ее омывают с севера воды Аденского залива, а с востока — Индийский океан. В этой стране, превышающей по площади Францию, менее одного миллиона жителей⁷.

Мне пришлось ждать еще около четырех лет, до октября 1964 года:

Собственно говоря, я рассчитывал совершить лишь паломничество в страну ладаионосных деревьев. Но кроме того, у меня вызвали огромный интерес современные хозяева этих богатств, сами сомалийцы. Чистокровные хамиты, не имеющие ничего общего с негроидами, они не являются коренными жителями Черного

⁷ На территории Сомалийской Демократической Республики, составляющей около 638 тыс. кв км, проживает, по оценке 1968 г., около 2,5 млн. человек.— *Прим. ред.*

континента⁸. Те, с кем я познакомился в Йемене, Адене или Джибути, прекрасно это знали и говорили, что происходят от двух «пришедших с Востока» предков — Исаака и Дарода.

Как же они приспособились к новой стране? Каков их образ жизни? Собирают ли они ароматные смолы, как их далекие предшественники? Этнографические исследования сулили не меньше — если не больше! — интересных открытий, чем ботаника и геология.

Первым крупным исследователем Северного Сомали был, несомненно, Ревуаль, посетивший страну в 1878, а затем в 1880 году. И хотя он увидел далеко не все, хотя с тех пор — почти за целое столетие — многое изменилось, его записки сохранили свою ценность.

В более близкие к нам времена немало прибрежных сомалийских деревень посетил на баркасах Анри де Монфрейд. Однако он познакомился главным образом с жителями Абер-Ауала и Варсангали, а не с восточными миджуртинами, которые меня интересовали больше всего. Тем не менее его описания дали мне большой материал для сравнений.

Но по-настоящему заняться вплотную Страной Благовоний меня понудил выдающийся итальянский этнолог Эрико Черулли, который открыл передо мной широкие горизонты и указал ясную цель.

Глава вторая

СТАРЫЙ ВОЯКА

Итак, в октябре 1964 года я прилетел из Парижа в Могадишо. Здесь я провел ровно столько времени, сколько понадобилось, чтобы посетить министерство и получить разрешение на любые исследования на оконечности континента, в стране миджуртинов, основных владельцев деревьев, дающих ароматические смолы.

Чтобы поскорее добраться до интересовавших меня мест, я решил воспользоваться «дакотой» Сомалийской

⁸ Автор ошибается в характеристике населения Сомали (см. «Послесловие»). — *Прим. ред.*

авиакомпания, но, к сожалению, на север самолеты летают только два раза в месяц. И нет никаких других средств сообщения с этими глухими районами, которые живут своей прежней жизнью вдали от правительства и его начинаний⁹. Ведь прошло всего четыре года со дня провозглашения независимости Сомали!

Меня предупредили, что из европейцев там только итальянцы — врач в Босасо и две группы по двенадцать специалистов, занимающихся консервированием тунца, в Кандале и в Хабо, да и те живут там лишь восемь месяцев рыболовного сезона. Остальная часть побережья и все внутренние районы ревниво хранят свои тысячелетние тайны, оберегаемые традициями местных жителей.

Пассажирами самолета оказались одни сомалийцы. Сначала мы садимся в Гардо, затем — в Галкайо, возле домиков, группками разбросанных по огромному плато. Посадочные площадки представляют собой кое-как выровненные пятачки каменной полупустыни, однако, благодаря искусству итальянского пилота-ветерана трясет не сильно. При каждой посадке нас окружает живописная пестрая толпа.

Затем перед нами вздымаются рыжие голые горы, скрывающие сапфировый ковер Аденского залива. И наконец, мы постепенно снижаемся к Босасо, бывшему Бендер-Кассиму.

Перед плоским песчаным бергом, посещаемым баркасами арабских торговцев, стоит на якорях несколько судов. Это парусники, столь дорогие сердцу Анри де Монфрейда. Деревня вся из шалашей и кубических глинобитных хижин, прячущихся в тени прекрасных деревьев *дамас*. Два или три «дворца» возвышаются над скопищем лачуг, расположенных террасами. Самый красивый — дворец губернатора провинции Миджурти-ни, его постоянная резиденция.

Вполне естественно, что губернатор не преминул встретить редкий самолет. И вот он идет к нам во главе

⁹ Пока я был в Могадишо, туда прибыл вездеход из Кандалы, что на побережье Аденского залива, — событие исключительное! От Кандалы 1700 километров ужасных дорог... И хотя два шофера вездехода шли без остановок, подменяя друг друга, им понадобилось на этот путь четверо суток. «Поломок не было, — сказали они мне, — вот разве только наши ребра...»

Своих чиновников и толпы любопытных, в которой затеялся единственный европеец — врач. Это завзятый холостяк, который живет здесь много лет подряд, не имея никакой связи с метрополией. Зато он основательно изучил профилактику тропических заболеваний. Время от времени ему приходится даже оперировать. По его словам, у жителей гор завидное здоровье, только вот они подвержены бронхитам. На побережье, где населения больше и чаще бывают арабы, уже появились венерические болезни.

Из Босасо мы направляемся на восток и летим над морем вдоль обрывистых берегов. Изредка открываются маленькие бухты с рыбацкими хижинами. Это дикое, неприветливое преддверие горных массивов, где мне предстоит искать ладаноносные деревья.

Цвет морской воды меняется от мутно-голубого до берлинской лазури в зависимости от удаленности от берега. Глубокие места издалека языками подходят вплотную к побережью. Мы летим низко, и нам хорошо видно, как играют внизу касатки и акулы. Отвратительные красные акулы — *Makaira indica* — вспарывают воду своими плавниками, и кажется, что они оставляют за собой кровавые борозды.

Наша четвертая посадка — в Кандале, раскинувшейся на широкой прибрежной полосе, с трех сторон стиснутой горами. Вдоль берега с большими интервалами расположились медина¹⁰, деревенские хижины и квадратный блок строений со скучными белыми стенами — первый из двух итальянских рыбоконсервных заводов.

Двое итальянцев, возглавляющих этот завод, примчались на посадочную площадку за посылками, письмами и газетами и сразу поднялись в самолет... Чувствуется, что они изголодались по новостям. Но нам нужно лететь дальше, я торопливо пожимаю им руки и говорю:

— Наверное, мы еще увидимся. Кто знает, может, моя экспедиция закончится у вас!..

— Bravo! Постарайтесь, чтобы так и вышло!

Обрывистая стена прибрежных скал тянется почти

¹⁰ М е д и н а — старая часть поселения (обычно города) в арабских странах.— *Прим. ред.*

без перерыва до самого Хабо — только в Дурбо и Мёреге горы расступаются. В Хабо в устье *кхора* (лагуны) на рыжеватом берегу резко выделяется белый квадрат второй итальянской концессии.

Сразу же за Хабо мы огибаем мыс Рас-Филук. Видимо, он был нанесен на карты времен Птолемеев и назывался мыс Элефантас (Слоновый). Да он и в самом деле похож на это толстокожее животное, прилегшее у самой воды. И тут же перед нами открывается широкий рейд Алулы, конечного пункта коротенькой авиалинии. Тем не менее мы добираемся до него лишь в сумерках, хотя вылетели из Могадишо утром.

* * *

Меня заверили, что представители рыбоконсервного завода в Хабо, Джузеппе Новелла и Фабрицио Синринго, встретят меня на посадочной площадке... Действительно, они уже здесь! И, так же как их коллеги-отшельники из Кандалы, горят нетерпением поскорей завладеть своими письмами и посылками. Я сразу проникаюсь к ним симпатией. Но едва мы успели перезнакомиться, как ко мне приблизился представитель местных властей Кассим.

Здесь, в Алуле, он по-прежнему носит итальянский титул «комиссарио» и подчиняется губернатору Босасо. Правительственная радиотелеграмма предупредила его о моем прибытии. На нем белая шапочка, черная рубашка и черная же *фута* (короткая юбка). Он весьма любезен и готов оказать мне всяческое содействие. У него светлая кожа и правильные черты лица чистейшего хамитского типа. Кассим немного говорит по-английски.

Вчетвером мы идем вдоль берега Аденского залива мимо единственных в Алуле строений: дворца резидента в арабском стиле, дома для гостей с крытыми балконами и белых домиков с зубцами на плоских крышах, в которых живет с десятком солдат. Рыбачья деревня разместилась метров на восемьсот дальше к востоку на песчаном берегу. А на западе я еще различаю Рас-Филук. Его слоновья спина вздымается над полосой фиолетового тумана.

Кассим внимательно выслушал меня, однако мой

илан проникнуть во внутренние районы караванным путем вызывает у него множество возражений:

— Дороги очень крутые, обрывистые, население полукочевое, неприветливое, ладаносные и мирровые деревья встречаются редко, и в самых диких местах. Тебе понадобится очень хороший проводник, верные люди, сильные вьючные верблюды, привычные к каменистым тропам, по которым им придется нести запас риса и бурдюки, потому что воды в тех местах крайне мало. Чтобы найти все это, мне пужна неделя, а может, и две!

— Хорошо. Я буду ждать от тебя вестей у итальянцев в Хабо: утром они повезут почту к себе и захватят меня.

— Да будет так! Но знай, что здесь ты не найдешь ни европейской еды, ни питья, ничего... кроме английских сигарет. Их доставляют контрабандой, и я вынужден закрывать на это глаза, потому что из Могадишо нам пока ничего не присылают.

— Не беспокойся! Я пойду в страну миджуртинов, чтобы жить их жизнью,— это единственный способ их понять. Так было всюду: я был белуджем в Белуджистане, бушменом в Калахари, а завтра стану сомалийцем...

— Во всяком случае сегодня ты начнешь с того, что будешь моим гостем.

* * *

Оставив вещевые мешки в домике при аэродроме, где ночует экипаж «дакоты», я возвращаюсь во дворец.

Часовой, *аскари*, которому нечего сторожить, болтает, сидя на ступеньках, с тремя приятелями из рыбацкой деревни. Прервав беседу, он ведет меня на второй этаж.

Лестница выходит на длинную галерею, открывающуюся в сторону моря рядом округлых арок. Резные деревянные полуставни в арках днем погружают галерею в тень, а сейчас предохраняют ее от порывов почного ветра с моря. Здесь я и нахожу Кассима. Он тянет оранжад в компании двух своих приятелей, которых представляет мне.

Один из них — начальник таможи, *капо догана*, — опять же итальянский титул. Зовут его Джама Али

Мехр. Он здесь без жены, как и комиссаро. Такие отдаленные места, где нет никакого снабжения, не подходят для семейной жизни. Первые чиновники, назначенные на эти посты,— как правило, из молодой сомалийской интеллигенции — предпочитают оставлять свои семьи в Могадишо.

Второй друг Кассима заинтересовал меня гораздо больше. Это, несомненно, европеец, однако благодаря подсознательной мимикрии он почти неотличим от сидящих рядом сомалийцев.

— Синьор Болидори,— представляет его Кассим,— верный страж маяка Гвардафуй. Он живет у нас столько лет, что мы его давно считаем своим!

— Значит вы, синьор, двадцать шестой европеец на этих берегах,— говорю я.— Двадцать шестой, если считать врача из Босасо и две группы по двенадцать человек на консервных заводах... Но ведь ваш маяк, если не ошибаюсь, очень далеко отсюда?..

— Ба! Я выучил сомалийского помощника и могу себе позволить короткие отлучки, когда есть попутные баркасы до Алулы. Мои соотечественники из Хабо и Кандалы каждый год уезжают на четыре месяца в Италию, а я — никогда.

— В самом деле? Но почему?

— Мне там нечего делать.

Это маленький старичок лет шестидесяти пяти, насквозь прокаленный солнцем. Светло-васильковые глаза освещают его дубленое лицо. Долгая жизнь между небом и морем на одиноком утесе сделала его молчаливым: чувствуется, что он не любит говорить, особенно о себе. Однако я подозреваю, что история его далеко не обычна... Может быть, удастся из него что-нибудь вытянуть, если я не буду торопиться с расспросами. А может, он и сам разговорится и станет доверчивее, когда нас всех сблизит восточная ночь, которая должна ему нравиться.

А пока я болтаю преимущественно с Кассимом и Джамой Али на пиджин-инглиш¹¹. И повороты беседы или капризы вдохновения приводят нас к любопыт-

¹¹ Пиджин-инглиш — упрощенный английский язык, распространенный во многих странах, особенно в бывших английских колониях.— *Прим. ред.*

пому спору на религиозные темы. Надо сказать, что оба сомалийца оказались глубоко верующими. Когда я намекнул, что между христианством и исламом много общего и нам собственно не о чем спорить, они указали мне на единственное серьезное обстоятельство, которое нас разделяет:

— Вы, христиане, считаете Иисуса богом и в то же время верите, будто он умер на кресте позорной смертью! А для нас Иисус только самый великий пророк, живший до Магомета и умерший своей смертью.

— Однако наши евангелия достоверно утверждают, что он был распят на кресте.

— Мы не верим в их подлинность.

— Но что дает вам основание утверждать, что Иисус умер естественной смертью?

Этого они не знают, и спор обрывается. Наполнив и осушив по последнему стакану оранжада, мы переходим к столу.

Рокот волн проникает сквозь широкие, забранные решетками окна и кажется не прекращающимся ни на миг дыханием океана. Могучий голос, звучащий с сотворения мира, обращается к человеческой душе. «О, море, море, в возрожденьях вечное...» — писал Поль Валери.

Ощущение, что мы заброшены на край света, объединяет всех нас. Блюда на столе отменные. Жалкие слуги скромны и предупредительны. И когда появляется кофе, я словно невзначай спрашиваю Болидори:

— И давно вы на вашем маяке?

— Уже лет двадцать!

— Один с помощником-сомалийцем?

— Нет, у меня жена.

Он говорит по-итальянски, по так медленно и отчетливо произносит слова, что я его легко понимаю. Очевидно, постоянная необходимость говорить по-сомалийски приучила его отдельно выговаривать каждый слог. Я продолжаю расспрашивать:

— А вашу жену не тяготит одиночество?

— Она из местных...

— Вот как! У вас, наверное, раньше были дети?

— Что значит «раньше»? Я только недавно стал отцом. Моя первая, покойная жена, тоже миджуртинка, была бесплодна.

— Как же вы достаете все необходимое? Мыс Гвардафуй, должно быть, не похож на рай.

— У нас два верблюда, чтобы добираться до деревень. И хорошие дойные козы.

Кассим уточняет, что у Болидори голов сто *кабретто* (коз), а кроме того, на свои сбережения он приобрел долю в двух рыболовных судах.

— У вас остались в Италии родственники, синьор?

— Брат, он врач. Пишет мне время от времени. Но он прекрасно знает, что мы с ним уже не увидимся. Жизнь разделила нас. У каждого своя судьба.

— Что же вы делали, прежде чем, так сказать, натурализовались здесь в Африке?

— Служил механиком в фашистской армии в Эфиопии.

— Вы механик по профессии?

— Ну, не стоит преувеличивать! В Риме я немного возился с моторами. Надо сказать, что жизнь с самого начала меня не баловала, как моего брата, — мне было не до ученья...

— Пришлось повидать всякого?

— Да уж пришлось. Сначала в армии натерпелся, столько лет...

Теперь, если не нажимать, я узнаю всю его одиссею. Видимо, Болидори ее никогда не рассказывал, но сегодня он в настроении. Кассим и Джама Али превратились в слух, и он начинает:

— В 1917-м наша часть была включена в состав экспедиции союзников на Дальнем Востоке. Полки американцев, англичан, французов, чехов, итальянцев под командованием какого-то князя из Романовых высадились во Владивостоке.

— Да, да, что-то припоминаю...

— Этап за этапом в страшный мороз мы двигались по Сибири до самого Байкала. В этих местах завязалось сражение с красными. Мы его выиграли, но подвело снабжение: эшелоны застряли в пути. И нам пришлось отступить.

— Куда?

— К Тяньцзиню. О нас все забыли, и мы проторчали там полгода. В Сингапуре снова пришлось ждать до бесконечности, потому что не хватало кораблей. В Италию я вернулся уже после заключения мира... Я был

измучен. Больше всего меня тянуло к такому ремеслу, где все нужно делать своими руками. Вот я и занялся моторами, даже не подозревая, что эта профессия приведет меня сначала в Эфиопию, а потом в Сомали, где я и останусь до конца моих дней.

— О чем же сожалеть, если вы счастливы на вашем маяке!

— Скоро я выйду в отставку. И поселюсь в Алуле: мне уже строят там дом. Мои козы и моя доля в судах — это, конечно, не Эльдорадо! Но мне этого *достаточно*.

В его простой душе нет ни капли тщеславия, лишь спокойная отрешенность, да инстинкт, повелевающий стремиться только к достижимому. Жизнь коротка, и многие зря растрачивают ее, гоняясь за химерами. А мудрец довольствуется тем, что ему дается в руки. Скромность бедняка часто может преподать урок мудрости...

Молчальник Болидори сегодня что-то слишком разговорился... Он резко обрывает себя на полуслове, залпом допивает последнюю чашку кофе и делает знак, что нам пора расстаться.

Я добираюсь в темноте до дома для гостей. Встаю по лестнице ощупью, ориентируясь по громкому храпу летчиков. В спальне еще горит маленькая лампочка, рельефно освещая на столе остатки холодного ужина.

Раздевшись, я отдаюсь печальному баюканью волн, которые катятся у подножия дома, и быстро засыпаю.

Глава третья

СОБЛАЗНЫ СОКОТРЫ

Семь тридцать утра. Самолет, который возвращается порожняком, пробует моторы. Но в последний миг, когда летчик уже вырулил на старт, он вдруг увидел верблюда, забавлявшегося прямо на взлетной полосе. Животному понравилась ровная, гладкая дорожка, и оно лениво описывало на ней круги, не обращая внимания на старого бедуина, пытавшегося его прогнать.

Тогда в бой вступает автомашина комиссаро. Но в десяти метрах от ее капота верблюд с легкостью танцовщицы ускользает в сторону. Машина разворачивается, рычит, вновь бросается в атаку, и так раз десять, пока у летчика не лопаются терпение. «Дакота» сама устремляется вперед и, взвывая моторами, отрывается от земли.

Фабрицио Сиринго, который доставил к самолету почту с итальянской базы, сразу приглашает меня в свой лендровер.

Этот белокурый, загорелый, мускулистый молодой человек был в Риме юристом, но потом его соблазнила экзотика приключений. Он остался культурным человеком и при новой профессии, которую выбрал по своей воле, чтобы набраться опыта.

Дорога вьется позади утеса Филук. Мы то увязаем в песке, то подпрыгиваем на известняковых обнажениях. Почва вокруг покрыта пучками соляника, чередующимися изредка с зонтичными мимозами, которые растут здесь исключительно по милости святого духа. По дороге мы вспугиваем карликовую антилопу дик-дик, пару шакалов, стадо козочек голов в полтораста и доезжаем до Хабо за какой-нибудь час с четвертью.

Концессия, предоставленная итальянцам на срок до 1977 года, занимает примерно один гектар на берегу узкого *кхора*, уходящего в глубь материка километров на пятнадцать. Этот естественный канал незаменим для стоянки и починки рыболовных судов, которые здесь защищены от приливов. По дороге Сиринго рассказал мне историю концессии.

Лет двадцать назад два смелых авантюриста, братья Карамелло, решили заняться ловлей тунца и производством консервов из него. Дело поставили на широкую ногу. Ловили рыбу в основном сомалийцы. Вскоре предприятие так разрослось, что стало братьям Карамелло не по зубам — у них не хватало средств. Тогда они продали его — вернее, свою идею — одной компании, дирекция которой находится в Риме, а коммерческое управление — в Генуе. Компания построила необходимые мастерские и фабрички в Хабо и Кандале. Братья Карамелло давно умерли, но сын одного из них остался верен семейной традиции и ведет аналогичное дело где-то в Танганьике.

Лендровер въехал в ограду, пророскошил между бараками и мастерскими и остановился перед особняком дирекции. На верхней ступеньке появился Новелла и приветствовал меня возгласом:

— Входите! Вы у себя!

* * *

Кофе подали в длинной комнате, разделяющей дом на две половины и выходящей окнами на *кхор*. Обстановка здесь более чем скромная. Все свидетельствует о напряженной работе, в том числе осунувшееся лицо моего гостеприимного хозяина.

Джузеппе Новелла, крепкий сардинец родом из Кальяри, перепробовал немало профессий. Долгое время он ездил в геологические экспедиции, но под конец все же внял призыву моря, которое полюбил еще в детстве, и пошел на службу в рыболовную компанию «Хабо и Кандаля». Напряженный темп работы, добровольное изгнание с родины на восемь месяцев в году, отказ от семейной жизни — ничто не испугало его. Он был помощником прежнего директора, а когда тот в прошлом году погиб при довольно трагических обстоятельствах, занял его место.

Мы немного поговорили об этом за завтраком, а потом Новелла и Сиринго вынуждены были меня покинуть, призванные неотложными делами. Они обещали позднее показать мне все интересное, а пока посоветовали побродить одному.

Я вышел из дому на берег *кхора*. Всевозможные рыбы бороздили водную поверхность у самых моих ног. Тут были скаты, похожие на развевающиеся флаги (многие из них ядовиты); две черепахи, каждая величиной с хороший таз; на мангровых, словно на насестах, сидели цапли, чепуры и чайки, переваривая свою добычу.

Верблюды, перебиравшиеся через лагуну к кустам на противоположном берегу, останавливались посередине хоровода дельфинов. Погруженные в воду по самое брюхо, они с презрением посматривали на этих озорников, а затем расталкивали их и шествовали дальше.

Скоро десять утра. Жара такая, что песок обжигает ногу сквозь плетеную подошву парусиновых туфель.

И когда я погружаю руку в море, то не чувствую перемены температуры. Слепящие блики на воде заставляют меня то и дело опускать глаза.

Десятка полтора лодок дремлют в *кхоре*, их красные, зеленые и белые корпуса образуют яркую палитру. От одной лодки к другой переходят люди, разрезая голыми телами сине-зеленую воду. Только они оживляют немного лагуну, застывшую под смертоносными лучами солнца.

В большом сарае для приемки тунца все готово к встрече рыбаков, которые начнут возвращаться с лова сразу после полудня. От сарая в море спускается бетонированный лоток с еще неотмытыми красными пятнами. По бокам его установлены души для промывки, а над ним — подвижные крюки, на которых тунцы провисят полтора часа, пока не стечет кровь.

Позади сарая шумит консервный заводик. Механический пож выплевывает ломти мяса в металлические корзины, которые переходят в руки варщиков. Затем корзинами завладеют женщины и разложат мясо по банкам. Их заполняют оливковым маслом, автомат закупорит, и, наконец, они пройдут последнюю операцию — стерилизацию кипячением.

Я ограничиваюсь коротким осмотром, потому что решил отложить знакомство с заводом и питающим его рыбным промыслом под конец, на десерт, и обещаю себе, когда возвращусь из экспедиции по суше, которая сейчас является моей главной целью, пожить где-нибудь в Хабо или в Кандале жизнью этих рабочих и рыбаков и испытать все превратности, выпадающие на их долю. А пока я с истинным удовольствием наблюдаю за моими друзьями-итальянцами, с которыми встречаюсь в различных цехах завода.

Каждый итальянец специализировался на одной из операций, начиная от главного варщика до механиков, плотников, строителей, не говоря уже о капитанах маточных судов, которые сейчас находятся в море. Почти все они — сардинцы или сицилийцы, бывшие крестьяне или горожане, но всех воодушевляет стремление сделать как можно больше. Все они докрасна загорелые, на всех вместо спецовок — короткие рубашки навывпуск, шорты и резиновые сандалии. Когда они заговаривают со мной, мимолетная улыбка — хорошо хоть на миг отвлечься от

работы! — освещает их усталые лица.

— Вечерами,— говорит мне один из них,— мы хоть немного забываемся в компании милой Азехли, нашей сомалийской сестры милосердия. Врача нет, и она старается, как может... А главное — она поддерживает в нас бодрость! Может, пойдете с нами вечером к ней?

Азехли, наверное, похожа на тех сомалийских девушек в пестрых платьях и тюрбанах, которые укладывают мясо тунца в банки из белой жести, беспрестанно щебеча — даже в ущерб работе — и расточая обворожительные улыбки.

Попробуйте представить себе этот завод, наполненный мужчинами и женщинами из самых отдаленных деревушек и рыбацких селений, одетыми в яркие национальные одежды! Цеха похожи на сцены, где разыгрываются комедии из народной жизни в исполнении веселых любителей фольклора. Всюду — живые библейские группы на фоне индустриальных декораций.

Для миджуртина, нищего, как Иов¹², приличная заработная плата, получаемая у итальянцев восемь месяцев в году, — настоящая манна небесная. Здесь кормятся многие сотни рабочих, и еще больше рыбаков. Цеха работают непрерывно, по сменам, на лов рыбы выходят только днем. И рабочие и рыбаки так дорожат этим благодатным сезоном, что жертвуют ради заработка даже освященными Кораном пятницами. Никаких праздников!

Рабочие завода получают твердую зарплату. Рыбаки же делят между собой в зависимости от должности (рулевой, матрос, юнга) выручку за улов. В Хабо и Кандале за тунца платят по тридцать пять сантимов за килограмм живого веса. А тунец из Аденского залива тянет обычно килограммов пятнадцать.

Часть рабочих приходит на завод из деревни Хабо. Горцы и жители далеких селений размещаются в бараках, в принципе женщины и мужчины отдельно. Только рыбаки, откуда бы они ни были родом, не соглашаются жить на казарменном положении. Они строят себе на противоположном берегу, между *кхором* и морем, шалаши из циновки, *гурги*, где вечерами без помех вспоми-

¹² Иов — мифический праведник, потерявший все на свете (библейский персонаж). — *Прим. ред.*

нают о недавних плаваниях, мечтают о будущих и жарят на кострах рыбу.

Орудия лова зависят от достатка рыбака: это простая лодка или баркас, старая леска или металлический перемет. Зачастую хорошее снаряжение поставляет посредник — комиссионер, который загребает львиную долю заработка.

Когда я вернулся, чтобы позавтракать с друзьями, у меня созрела мысль, которой я решил с ними поделиться. Мне было невыносимо сидеть сложа руки, ожидая, пока наконец Кассим раскочается. Безделье, как оно ни приятно, только расслабляет, и к тому же я придумал нечто весьма заманчивое.

По дороге к особняку меня догоняет Новелла, перепачканный грязью: он только что прочистил приемный рукав для забора морской воды, закупоренный... гигантским крабом.

* * *

В мою честь Сириngo вместо аперитива откупорил несколько банок пива. Завтрак состоял из итальянской пасты и тунца, которые мы запивали белым вином, не слишком, впрочем, на него налегая, потому что запасы весьма скудные. Новелла ругал миджуртинов за то, что они не разводят кур, а из-за этого нет яиц. Он рассказал, что однажды ему по заказу прислали две дюжины живых цыплят с одним из судов «Ллойд Трестино», которые время от времени останавливаются здесь далеко на рейде и забирают консервы.

— Так вот, черт побери! — продолжал он. — Все погубило наше проклятое гурманство. Мы сожрали весь птичий двор, прежде чем куры начали нестись!

Но сегодня недостаток яиц с успехом восполняет вкуснейшее мясо огромных крабов, выловленных в *кхоре*.

За кофе разговор неотвратимо переходит на дела завода. Я узнаю, что в прошлом году здесь, в Хабо, было обработано примерно две тысячи тонн тунца, то есть в среднем по восемьдесят пять центнеров ежедневно. Это с конца сентября по конец мая.

— Побыли бы вы среди нас подольше, научились бы по одним нашим рожам определять, какова дневная вы-

работка: если больше ста центнеров, мы сияем; если между восьмьюдесятью и пятьюдесятью, мы бесстрастны; а если ниже пятидесяти, у нас лица, как на похоронах...

Поскольку сейчас они улыбаются, я заключаю, что сегодня результаты отменные. Оказывается, нет! Уловы снижаются. Однако, если им верить, мой приезд поддерживает их оптимизм.

— Ну что ж, раз вы так любезны, разрешите поделиться с вами одной внезапно возникшей мыслью? Я бы хотел, пока комиссарю Кассим хлопочет о моем караване, отправиться на Сокотру.

— Вот это действительно внезапная мысль! И довольно дерзкая. Вы нас просто ошеломили. Но что вас туда тянет?

Выкладываю им все вперемешку. Красоты острова. Его название, которое происходит от двух очень древних индийских слов¹³. Его увлекательная история. Сокотра была Диоскоридой древних греков, и уже Арриан Александрийский упоминал о ней в своем «Путешествии по морю Египетскому». Александр Великий, согласно легендам, посылал на этот остров за соком алоэ, за тем самым *мозунбраун'ом*, который царство Сабейское получало через южноаравийский порт Канэ.

Из европейцев первыми попали на остров португальцы в 1503 году. Они нашли там христиан-несторианцев, несомненно обращенных в христианство абиссинцами, которые, следовательно, приплыли сюда задолго до лузитанских каравелл.

Затем остров посещали многие мореплаватели: сэр Генри Миддлтон — в 1610 году, Даунтон и Сарис — в 1612-м, Томас Рое — в 1624-м, наш французский галиот «Шарлотта» — в 1805-м. В 1837 году англичане попытались здесь обосноваться, однако отступили перед лихорадкой и обратили свои взоры на Аден. Но уже в 1876 году они подписали договор об установлении на острове английского протектората с султаном Сокотры, правившим также Кишном в Южной Аравии.

В 1898 году экспедиция Т. Бента обнаружила на Со-

¹³ Название о-ва Сокотра (на санскрите: *Двина Сахадара* или *Двина Сукхутра*) означает «Остров предвестия удачи», или «Блаженный остров». — *Прим. ред.*

котре руины Зоко, или Зука, столицы шейхов во времена португальцев. На западе острова были открыты эфиопские надписи, напоминающие граффити¹⁴ Аксума. Были найдены также погребения, аналогичные погребениям нубийского племени беджа, которое этнологи считают родственным самым древним жителям Сомали. В 1918 году остров изучал Кристофер К. Мозер. И наконец, недавно там побывала экспедиция Оксфордского университета.

— Мирровые и благовонные деревья растут на Сокотре еще лучше, чем здесь, — продолжал я. — А сокотрийская смола «кровь дракона» во все времена славилась так же, как сок алоэ. Поэтому Маризтт Бей считает даже, что это и был древний Пушт... Короче, цель заманчивая!

— Но уже многими достигнутая, если не ошибаюсь?

— Разумеется. Даже в этом году там побывал Алек Форбс-Уотсон. В Мogaдишо мне показали его заявление в «Ист-Африкэн Стандарт». Он приземлился, я бы сказал, во всеоружии благодаря Королевскому воздушному флоту Адена, самолет которого сумел посадить его в глубине острова за столицей султана. У него было тридцать пять килограммов шиллингов... серебром! И целая тонна продовольствия и снаряжения. Для него были пущены в ход все средства. Через четыре месяца за ним специально прибыл второй самолет...

— Откровенно говоря, чего же вы надеетесь достичь после этого?

— Только одного: просто добраться до Сокотры от мыса Гвардафуй. Этого не сделала еще ни одна экспедиция, потому что обычно все отправляются на остров из Адена. Ну и, разумеется, хотелось бы самому посмотреть...

— Мне кажется, — задумчиво сказал Новелла, — есть только одно объяснение, почему связь с островом обычно поддерживается лишь через аравийское побережье: муссоны. Летом ветер дует прямо на восток, а зимой — прямо на запад. Тот, кто отправится на Сокотру от мыса Гвардафуй, будет плыть против ветра либо туда,

¹⁴ Г р а ф ф и т и — надписи или рисунки, процарапанные (выбитые, вырезанные) на стенах (в частности, на стенах древних храмов), сосудах и т. п. — *Прим. ред.*

либо обратно. А если спускаться с севера или подниматься на юг, боковой ветер не причинит помех.

— Нет, дело куда сложнее. Карта Королевского адмиралтейства упоминает о сезонных юго-западных течениях, которые существуют в определенное время года. Но в какое именно? Карта этого не уточняет, однако предупреждает капитанов: «Парусникам следует остерегаться течений, отмеченных на карте Адмиралтейства». Сам я никакой не моряк и рискну отправиться на Сокотру лишь в том случае, если вы найдете мне надежного капитана и моторное судно.

Новелла вытряхнул погасшую трубку и кивнул:

— Я знаю только одного подходящего человека, если он захочет. Это Нур Юсуф Мехери, наш вербовщик. У него половина арабской крови и пристрастие к необычным предприятиям. Сириngo, позови его!

* * *

Нур Юсуф совершенно не похож на сомалийца. Нос с горбинкой, а особенно глаза, черные как гагат¹⁵, выдают в нем арабскую кровь. Богатый тюрбан и шелковая *фута*, оставляющая открытыми худощавые сильные ноги, свидетельствуют о том, что это человек не бедный. Очевидно, должность посредника между дирекцией и рабочими щедро оплачивается. К его имени — Нур и имени его отца — Юсуф прибавлено третье имя — Мехери. Это имеет свою причину, которую я узнал впоследствии.

Нур внимательно слушает, как Новелла излагает ему мою просьбу. Глаза его перебегают с Новеллы на меня и обратно, но в них ничего нельзя прочесть. Однако для тех, кто знаком с нравом арабов, сам факт, что он еще не ответил отказом, уже доброе предзнаменование.

Нур поднимается, не сказав ни «да», ни «нет» и даже не осведомившись о плате.

— Он будет думать до вечера, — объясняет Новелла.

И в самом деле, Нур возвращается как раз в тот момент, когда мои друзья приходят пригласить меня к обеду. Немедленно завязывается деловой разговор в торжественных тонах:

¹⁵ Гагат — черный янтaрь. — Прим. ред.

— Если бы у меня было время, я охотно доставил бы тебя на Сокотру, ибо моя мать была арабкой из рода Мехери, подданных султана Абдаллаха Саида бен Афера бен Эзи, и мне хотелось бы показать тебе мою вторую родину. Но, к сожалению...

— Ты хочешь, чтобы я тебя отпустил? — спрашивает Новелла. — Сколько тебе понадобится дней?

— Все зависит от француза...

Я вмешиваюсь:

— Посчитай сначала, сколько продлится плавание...

Нуру кажется, что ему не доверяют.

— Мне хватит суток, чтобы доплыть до большого острова или во всяком случае до малого, Абд-эль-Кури, который лежит чуть ближе. У меня хороший *самбук*¹⁶ с новым мотором в двадцать две лошадиные силы, опытный *накуда*¹⁷ и два младших матроса. Однако в это время года течения очень сильные и придется подходить к островам с юга, чтобы они заслонили нас от течений, а это займет еще несколько часов.

Превосходно! По крайней мере ясно, что он знает эти течения. Я говорю:

— Будем считать три дня на плавание туда и обратно и столько же на островах. Короче — неделя.

Новелла заявляет:

— Я даю тебе эту неделю, Нур. Итак, что скажешь?

— Надо еще покрыть мои расходы... Хотя я соглашаюсь не ради денег, а только из уважения к вам и к вашему гостю... Поэтому, не знаю...

Наконец, загнанный в угол, он называет астрономическую цифру. Не обращая на нее внимания, я быстро подсчитываю расход горючего для мотора в двадцать две лошадиные силы и недельный заработок трех матросов. После этого я хладнокровно предлагаю ему в шесть раз меньше, чем он запросил.

Озадаченное и печальное выражение, свойственное арабам, когда они намереваются торговаться до последнего, появляется в его глазах, и взгляд их стекленеет.

— Нет, это совершенно невозможно! — жалобно восклицает Нур Юсуф.

¹⁶ Самбук — судно небольшого тоннажа с одинаково заостренными носом и кормой.

¹⁷ Накуда — рулевой, он же старший на судне.

— Зачем же волноваться? — бесстрастно отвечаю я. — Если ты не можешь согласиться, значит не можешь.

— Пойми меня! Я и не думаю о барышах... Я ведь только хотел услужить тебе, потому что ты ученый человек и сможешь принести пользу.

— Значит, мы отправляемся?

— Да, но только не на таких условиях... Позволь мне еще подумать.

Мы церемонно раскланиваемся и Нур Юсуф уходит. Новелла ни в чем не уверен.

— Видите ли, он человек независимый. Однако у него есть гордость и чувство собственного достоинства — это у него в крови. Не знаю, что он решит. Во всяком случае не пропадать же обеду!

* * *

В этот вечер кроме бульона и пасты наш стол украсило блюдо жареной рыбы, доставленной маленьким сомалийцем. Я еще днем заметил его подвижную мордашку, но тогда я не знал, какую суровую жизнь ведет этот смелый малыш.

— Он сирота, — объяснил мне Новелла. — Родители его погибли в горах, когда он был совсем маленьким, и у него нет ни братьев, ни сестер, ни близких родственников. Пока идет лов тунца, этот маленький пострел крутится здесь возле завода и рыбаков. А когда сезон кончается, он уходит обратно в горы, пасет стада, помогает собирать благовонные смолы...

Я видел, как малыш ловил рыбу, которую продал потом нашему повару. На грубый крючок, привязанный к обыкновенной бечевке, он наживлял кусочки, вырезанные из головы тунца, и забрасывал свою примитивную снасть в *кхор*. Поклевки следовали мгновенно. Он резко подсекал и оглушал свою добычу ударами о блок мадрепора¹⁸, который вскоре был весь усеян рыбами.

К великому недовольству нашего гостеприимного хозяина, Сиринго выпустил на волю своих питомцев — молодую обезьяну и крохотную газель. Обезьяна тотчас полезла на стол, а газель, совсем еще малышка, приня-

¹⁸ М а д р е п о р — звездчатый коралл. — Прим. ред.

лась лизать наши босые ноги. Я уже видел, что Новелла вот-вот взорвется, когда дверь отворилась и в комнату уверенно и спокойно вошел Нур.

— Я принес тебе свой ответ,— торжественно заявил он.— Ах, ты даже не представляешь, как тебе повезло, что ты встретил меня. Я единственный человек на всем побережье, который знает обычаи сокотрийцев и знаком с султаном. А он уже стар и нрав у него крутой¹⁹... Но я тебя научу, как его приветствовать. Кроме того, никто, кроме меня, не раздобудет тебе аденские монеты, а это единственные деньги, которые ходят на острове, если не считать серебра и шиллингов из Танганьики. И обмен денег будет стоить тебе не больше обычного — я беру всего пять процентов комиссионных. Ты меня разоряешь, но тем хуже для меня. Итак, по рукам? Цена твоя.

Он сделал многозначительную паузу:

— Мой *самбук* еще должен завтра выйти на лов тунца, но к вечеру он будет готов, за это время я подготовлю запасы солярки и риса. Но мне надо будет остановиться в Алуле, чтобы все уладить с комиссаром и на таможне. Может, тебе лучше отправиться в Алулу и там переночевать? А я приплыву на рассвете.

— Мы вас подбросим на лендровере,— предложил Новелла.

— Только кроме условленной платы,— заторопился Нур,— тебе еще надо заплатить за право выхода из сомалийских вод — это будет сто шиллингов — и еще дать надбавку моему *накуде*, чей опыт и знания...

Такой типичной приправы я ждал и ответил без колебаний:

— Согласен!

— И еще хороший подарок для меня...

— Если все будет в порядке, я не поскуплюсь.

После этого Новелла, который прекрасно знает своих людей, составил по всей форме договор и мы с Нуром его торжественно подписали.

Меня удивила только одна деталь: Нур, этот блестящий водитель караванов, попросил меня смерть по кар-

¹⁹ Видимо, султан унаследовал его от своих суровых предков. На воротах его дворца и сейчас сохнут на солнце отрубленные руки воров.

те расстояние, которое он должен был и без того прекрасно знать,— иначе как бы он рассчитал время плавания? От мыса Гвардафуй до Абд-эль-Кури — девяносто километров. От Абд-эль-Кури до южного берега Сокотры — сто пятьдесят.

— Мой *самбук* делает пятнадцать километров в час,— заявил Нур.— Теперь ты видишь, что я точно рассчитал время. Итак, до послезавтра утром в Алуле!

За всеми этими переговорами я забыл одну мелочь: надо было бы осмотреть его корабль! Но он вернулся с лова только в сумерках и встал на якорь далеко от берега, не заходя в лагуну... А на рассвете он снова уйдет в море... Похоже, у Нура два *самбука*; наверняка он выберет для нас лучший... Итальянцы ему полностью доверяют... Наконец, он доказал, что знает об этих чертовых течениях и принимает их в расчет... Чего же еще желать?

В тот вечер улов тунца был невелик, и работу на заводе на ночь приостановили. Гул машин постепенно затих. И тогда Сириңго предложил мне заглянуть на часок к Азехли.

* * *

Хижина Азехли прилепилась к стене медпункта. Прекрасная миджуртинка превратила свое жилище в приют для итальянцев, тоскующих по родине и стремящихся утешиться в этом оазисе забвения.

Юная красавица, отвергнутая своим супругом,— должно быть, у него совсем нет вкуса! — после дневных трудов без смущения принимает у себя одиноких страдальцев. Одета строго по сомалийской моде,— длинное платье и темная накидка, ниспадающая с головы на плечи,— Азехли, однако, не закрывает лица, созданного для услаждения взоров.

Голос ее так же приятен, как все движения. В поведении — ни одной фальшивой нотки. Освобожденная от рабства домашнего очага,— детей у нее не было — всю свою материнскую любовь она отдала многочисленным больным — африканцам и оторванным от родины иностранцам, которым нужны не только лекарства, но порой — просто немного душевного тепла...

Здесь собрались почти все мои друзья с завода.

Один поет, остальные отдыхают в мечтательном забытии. Кто-то болтает с Азехли, гордой тем, что сейчас, пусть на время, она для них — «светская дама».

Сделав несколько комплиментов прелестной хозяйке, мы с Сиринго по берегу *кхора* возвращаемся к себе.

Возле дома спит на песке с десятков собак. Они происходят от пары, завезенной итальянцами в эту страну, где собаки считаются париями, нечистыми животными. Нигде больше их не увидишь! Но в отличие от кур собаки быстро расплодились. Интересно, ощущают ли они презрение и ненависть местных жителей? Во всяком случае они живут только рядом с нами и только к нам ласкаются, зная, что мы их никогда не оттолкнем.

Недалеко от берега, на недвижной поверхности лагуны, плавают белые вздутые пузыри — это трупы нелепых уродливых рыб с выпученными глазами, которые от страха внезапно раздуваются в воде и ошетиняются маленькими колючками²⁰. Но это не спасает их от острых клювов цапель.

Я не устаю удивляться всевозможным морским чудесам, но Сиринго насмотрелся на них досыта. И он устал.

— Спи спокойно и будьте счастливы, — говорит он мне. — Вы-то еще поездите, посмотрите, а мы... У нас здесь ни одного свободного дня!

Глава четвертая

«ВЕЛИКИЙ НАКУДА»

Когда я предстал перед комиссаро Кассимом, тот поспешил воскликнуть:

— Ты правильно сделал, что решил поплавать, пока я как-нибудь соберу тебе караван!

Я еще и рта не раскрыл, а он уже знал о моих планах посетить Сокотру!

— Кто тебе обо всем рассказал?

— Как кто? Болидори. Ведь ему принадлежит по-

²⁰ Эти рыбы принадлежат к виду *Cyclich thys antennatus*.

ловийи доли в *самбуке* Нура. Его вчера предупредили, и он собирается воспользоваться твоим судном, которое в какой-то степени принадлежит ему, чтобы добраться до маяка. Вы его высадите поблизости, в порту Дамо.

— Ладно. Но ты нашел погонщиков и верблюдов?

— Да, да, все будет в порядке! Дай мне только время...

Вечером, как и в первый раз, мы все встретились за столом — Кассим, я, Джама Али и Болидори, который к моему вящему облегчению не стал оспаривать договор, с таким трудом заключенный мною с Нуром. На этот раз его склонность к молчанию оказалась благотворной.

В Алуле я прекрасно выспался и на рассвете отправился прогуляться по деревне в ожидании *самбука*, который с минуты на минуту должен был подойти к берегу.

Сочетание зари и песков прекрасно, хотя рыбацкие *гурги* кажутся на этом фоне черными, мертвыми пятнами. Мужчины уже ушли в море, а женщины со своим потомством прячутся за хлипкими стенами жилищ из тростниковых циновок или за плетнями дворов.

По приглашению одного *аскари* я вошел во двор его родственников и там обнаружил всю семью, о существовании которой нельзя было догадаться, находясь снаружи. Пол был устлан циновками, такие же спускались со стен. Керосиновые лампы, котлы, выделанные шкуры, свисающие с кровли... В углу нагромождены кипы хлопка. Мы очутились в своего рода домашней лавке, похожей на множество других: местные торговцы не сообщают о себе прохожим ни вывесками, ни витринами...

Здесь совершенно неожиданно меня и отыскал Нур Юсуф. И между нами завязался прелюбопытнейший разговор, состоявший из смеси английских, итальянских и арабских слов, с помощью которых мы довольно неплохо понимали друг друга. Нур объяснил, что вот уже час стоит на якоре. Однако я не видел на рейде ничего, кроме рыбацких скорлупок. Наверное, я плохо смотрел, заверил он меня. Он уже закончил все формальности и перенес мешки с моим багажом на пляж, где меня ждет Болидори.

— Я бы пришел раньше, — добавил он, — если бы не восточный ветер. Да к тому же еще из Аденского залива потянули бакланы, целыми стаями длиной в несколь-

ко километров. Две дурные приметы... Ях! Впрочем, сейчас вроде проясняется: давай скорей на *самбук*!

Согласен, давай скорей. Однако, выйдя на пляж, я по-прежнему не вижу нашего судна.

— Да вот оно, перед тобой, в ста метрах от берега! — восклицает Нур.

Как? Эта скорлупка без мачты, без парусов?..

Болидори сцепился с мошенниками-лодочниками, заломившими непомерную цену за то, чтобы доставить нас на борт в своих *хури* (лодках). Он яростно торгуется, а вокруг снуют быстроногие песчаные крабы, ползают бродячие крабы-отшельники.

Наконец Болидори сторговался. Два «добровольца» вытаскивают на берег свои пироги, чтобы мы не замочили ног, и тут же, преодолевая первые волны, щедро окатывают нас с головы до пят. Такая же комедия будет разыгрываться повсюду. Через несколько минут мы взбираемся на палубу *самбука*, который, словно протестуя, угрожающе раскачивается.

На борту мое разочарование увеличивается еще больше. *Самбук* имеет двенадцать с половиной метров от носа до кормы и всего два с половиной метра в самом широком месте. Его японский мотор, похоже, собран из утиля. Одно лишь название «Гвардафуй» кажется мне добрым предзнаменованием — словно это суденышко самой судьбой предназначено для нашего плавания.

Нет ничего страшнее, чем очутиться в бурном океане, уповая только на жалкий старый мотор. Если он откажет, мы станем игрушкой ветров, течений и волн. Парус был бы нам просто необходим! Когда я позднее рассказал эту историю Анри де Монфрейду, тот заявил, что я ни в коем случае не должен был идти на такой риск... Увы, взявшись за что-нибудь, я не люблю отступать. И я вверил себя моей барке!

Нос и корма нашего *самбука* покрыты настилами по полтора квадратных метра каждый. Носовой отсек завален якорями и канатами, в кормовом возле руля разместились Нур Юсуф и *накуда*. Половина центральной части занята мотором в деревянном ящике, а вторая половина загромождена канистрами с соляной, бочками с питьевой водой и мешками с рисом. Зачем нам столько риса? Неразрешимая загадка. Кое-как примостив-

шись на нашем грузе рядом с Болидори, я внимательно разглядываю команду *самбука*.

Мохаммед, *накуда*: седая борода, лицо мудреца и плавные жесты.

Исса, матрос, приставленный к движку: очень красивый сомалиец с точеными чертами лица, прямым носом и тонкими губами.

Али, его помощник, поваренок и вообще ко всем дыркам затычка: расхлябанный, с выдвинутой челюстью и длинными зубами, торчащими изо рта. Хотя и менее сообразительный, чем Исса, он вскоре доказал, что может быть таким же преданным, как первый матрос.

И... пльви, мой челн!

По мере того как *самбук* отходит на глубину, Али выбирает якорь под треск мотора, «сделанного в Японии». Мы с Болидори сидим, привалившись к отсеку двигателя, который дрожит, как в лихорадке, набивая нам спины. Грохот такой, что разговаривать невозможно. Однако, несмотря на шум и газолиновую вонь, я стараюсь насладиться великолепием моря.

* * *

Алула представляет собой широкую полосу низкого берега, за которой вздымаются обрывки плато. В полдень мы добираемся до селения Нур Хаджи Амо, расположенного на этой же низменности. Здесь к нам от берега подходит *хури*, и на него сгружают два мешка риса.

Дальше к морю подступают высокие известняковые утесы, потемневшие и растрескавшиеся от тысячелетней эрозии. Наконец, далеко за полдень у подножия обрывистых скал появляется Берейда.

— Вон гора Годбар,— говорит мне Нур.— Это святое место. Там в пещере жил наш предок Дарод, и множество паломников ходили туда.

В глубине этой величественной декорации на фоне синего неба вырисовывается гора Бур Салауэн, достигающая высоты семисот метров.

К нам снова спешит *хури*. У полуголых гребцов в зеленых или желтых тюрбанах свирепые, дикие лица. Еще три мешка риса переправляются через борт. Я на-

чинаю понимать, что Нур решил округлить свой заработок, подрядившись доставить рис... за мой счет.

— Ты для чего здесь остановился? — спрашиваю я. — Чтобы помолиться Дароду... или чтобы поторговать?

— Нет, — отвечает он смущенно. — Но я должен взять на борт одного сокотрийца, который живет в Берейде. Сейчас я за ним пошлю. На острове он нам будет очень полезен.

— А я думал, ты сам знаешь все досконально.

— Лучше двое знающих, чем один!

Мы пляшем на якоре так, что меня едва не выворачивает наизнанку от качки и от запаха риса с рыбой, который варится над *муфой*, коптящей печуркой, сделанной из половины железного бочонка. Сокотриец появляется лишь через час, нагруженный соломенными жгутами для плетения циновок: видимо, он рассчитывает продать их соотечественникам и таким образом тоже поправить свои делишки.

В его одежде преобладает красный цвет. Он очень похож на сомалийца. Едва ступив на борт, он кое-как устраивается на корме вместе с Нуром и *накудой*, и *самбук* отплывает.

Мы идем вдоль береговых скал, которые через час немного отступают, обрамляя мрачную деревушку Олок: россыпь серых хижин, распластанных на песке, как летучие мыши. На берегу — ни души. Хоть бы собака появилась, или курица... если они здесь есть. Но мы не замечаем никаких признаков жизни, хотя деревня должна быть многолюдной²¹.

Уже в сумерках мы добираемся до Дамо, где Болидори должен сойти на берег.

* * *

Болидори так жадно посматривал на мои припасы, что я решил уступить ему половину.

— Но ведь... вы сойдете со мной! — восклицает итальянец.

²¹ Ревуаль в свое время обследовал руины за Олоком. Местные жители ему говорили, что находят там серебряные монеты с вычеканенным изображением птицы.

— То есть как это? — удивляюсь я и вопрошаю взглядом Нура. Тот начинает заикаться:

— Ну да... потому что... видите ли, мой *накуда* Мохаммед боится океана...

— Хорошая новость! Ты же сам его расхваливал.

— Ях! Океан, ведь это не Аденский залив. Поэтому я хочу нанять в Дамо рулевого.

— Значит, кроме проводника по Сокотре нам еще нужен рулевой, чтобы туда добраться? Где же твой хваленый опыт?

Опасаясь, что я откажусь от плавания, Нур спешит меня успокоить:

— Я ведь хочу лишь выполнить свои обязательства как можно лучше!

Хури, подплывшее в сумерках к борту, кладет конец нашему спору. Мы усаживаемся тихонько, по одному, чтобы лодка не опрокинулась: предосторожность не лишняя, потому что в нее уже спустили очередную партию риса. Нагруженное до предела, суденышко грозит каждую секунду затонуть. Гребцы работают веслами, как бешеные, то и дело выравнивая лодку, и для храбрости поют во все горло. Промокшие насквозь, мы наконец высаживаемся прямо в воду вслепую, потому что луна еще не взошла.

На берегу нас уже поджидала целая толпа. Нур церемонно представил меня вождю, высокому старцу с бородою, выкрашенной хной. Я пожал его холодную костлявую руку и торжественно приветствовал: «Галаб уа наксан». Это — почтительное приветствие, можно было бы просто сказать: «Набад». Но ответа я так и не дождался. Не очень-то любезный субъект! Болидори поздоровался с ним, как со старым приятелем, и, не тратя лишних слов, бодро зашагал к маяку.

Нур, Мохаммед, сокотрнец и я поплелись за вождем и его босоногой свитой к хижине в верхней части деревни. Там, за циновками, уже горели керосиновые лампы, но мы почему-то расположились снаружи.

Царила тишина, нарушаемая лишь гулом волн, грызущих прибрежные скалы. И было темно, потому что гора, по которой сейчас поднимался Болидори, все еще скрывала луну. С десятков жителей Дамо заспорили в темноте, не видя ни меня, ни друг друга. Разговор завел Чур. По тону голосов я чувствовал, что его явно на-

страивают против меня. Наконец, едва сдерживая ярость, он обратился прямо ко мне:

— Они говорят, что плавание на Сокотру гораздо опаснее, чем ты думал!

— Я ничего не думал: ты сам бахвалился, что сможешь туда добраться.

— В конце концов, я дал тебе судно. Раз ты такой ученый, веди его сам. У тебя есть *буссола* (компас), и ты можешь найти путь по звездам!

Это уже слишком. Я беру резкий тон:

— Ты рассуждаешь, как слепец о красках. *Буссола* и звезды указывают только направление, но не место, где находится судно. А в море течения. И чтобы определиться, нужен секстант.

— Так надо было взять его!

— Хватит, слышишь? Ты хвастал, что доплывешь до Сокотры со своим *накудой*. Если не можешь, значит, наш договор расторгнут и я тебе ничего не должен.

Его глаза горят в темноте, как рубины. Рот кривится в гримасе. И вновь доверенный помощник моих друзей-итальянцев раздражается злыми упреками среди враждебного молчания африканцев. Прегадкая сцена под тропическими звездами!

С арабскими торговцами и им подобными можно разговаривать только одним способом: отвечать на их непомерные требования ультиматумом. И я говорю спокойно:

— Ты нервничаешь, как баба. Вот мое последнее предупреждение: если не сдержишь слово, не получишь ничего. Отвечай, да или нет?

Я закуриваю сигарету и растягиваюсь на песке.

Снова вспыхивает ожесточенный спор. Наш «конфликт» приобретает общественный характер. Спустя полчаса кто-то сбегал за почтенным стариком, которого тотчас ввели в курс дела. Пока с ним советуются, огни продолжают мелькать в хижине, где женщины перешептываются, позвякивая посудой. Должно быть, заканчивают приготовления к ужину.

Наконец все встают и меня приглашают в *гурги*.

Женщины исчезли, однако кувшины с водой, блюдо козлятины с рисом и финики остались. Вождь усаживается с видом поведителя. Я принимаю такой же важный

вид. Игра выравнивается. И вскоре Нур, протягивая мне чашку чая, смущенно заявляет:

— Я ведь только хочу тебе помочь, не сомневайся! Мы позвали самого лучшего в Дамо рулевого, «большого накуду». Так, вот, он говорит, что даже за двести шиллингов не согласится плыть на Сокотру, хотя это не так уж далеко. Что ты на это скажешь?

— Я? Ничего. Это твоя забота.

— Знаю, знаю... Но если бы я предложил ему эти деньги и если бы он согласился...

— Он наверняка согласится, потому что сам назвал эту сумму.

— Но ты возместишь мне хотя бы половину?

— Наконец-то ты повел честную игру. Да, возьму. «Большой накуда», который до сих пор держался неприступно, пытается скрыть свою радость за царственным безразличием. Я хочу его тотчас испытать.

— Спроси, может он встать за руль ночью, прямо сейчас?

Перешептывание, спор. Затем Нур отвечает:

— В море он может все. И если ты желаешь...

— Да, желаю. Когда мы доплывем до первого острова, до Абд-эль-Кури?

Нельсон из Дамо роняет со снисходительной улыбкой:

— Завтра утром.

Но теперь деревенский вождь осведомляется, сколько я заплачу за гостеприимство... Очаровательное селение! Я даю ему вдвое больше, чем он надеялся, при условии, что он сам рассчитается с гребцами — чтобы мне с ними не торговаться.

Мы усаживаемся в *хури*, промокнув до нитки, под жалобные вопли: «Бакшиш! Бакшиш!», которые свидетельствуют о том, что старый жулик и не подумал поделиться вытянутыми у меня деньгами. Нур расплачивается из своего кармана. Мне хочется поскорее забыть Дамо. И в девять часов вечера мы быстро отплываем.

* * *

Поскольку кроме скромного и честного Мохаммеда у меня теперь есть «большой накуда», я решаю спокойно поспать. Когда я проснусь, Абд-эль-Кури, наверно, будет уже виден.

Канистры с соляжкой врезаются мне в бока. От грохота мотора звенит в ушах. Али перешагивает через меня, чтобы добраться до *муфы*. Сказать, что я спал, было бы преувеличением, я дремал в тупом оцепенении.

В полночь Исса поднял меня, чтобы налить горючего из канистры, на которую я опираюсь. Смотрю на свой карманный компас со светящимся циферблатом: мы идем прямо на север.

Видимо, «большой накуда» решил подняться выше, чтобы пресловутые северные ветры помогли нам спуститься прямо к Абд-эль-Кури. Прекрасная мысль! Привыкнув к стуку двигателя, я засыпаю, на сей раз по-настоящему.

Проснулся я от яркого солнца. На горизонте ничего нет. Океан крепко потряхивает *самбук*, и мы идем полным ходом все время на север! Он что, сошел с ума, этот старый морской волк? Если мы будем идти этим курсом, то придем прямехонько в Кишн Аравийский, другое владение султана Сокотры. Вне себя, я ору во весь голос:

— Нур! Иди сюда!

Ему это удастся с трудом, потому что при сильной качке пройти по узкому мостку между носом и кормой непросто и опасно. Выслушав мои горькие упреки, он возмущенно протестует: никакой ошибки нет, старик уверенно ведет нас прямо на Абд-эль-Кури. Но я тоже уверен... в обратном.

Наивная доверчивость экипажа способствует хорошему аппетиту, и все жадно набрасываются на рыбную похлебку, которую Али подает с ловкостью акробата. Один я, обозленный и уставший от качки, не хочу ни есть, ни пить.

К шести часам утра — после девяти часов хода — мы прошли гораздо больше, чем расстояние до Абд-эль-Кури, но океан по-прежнему пустынен. Наконец Нур сам подходит ко мне и признается:

— Он совсем сбился с пути...

— Если он повернет на юго-восток, мы еще сможем добраться до острова.

— Нет, только не с ним! Пусть поворачивает обратно. У меня есть мысль.

Я считаю, что церемониться нечего, и говорю:

— От меня он не получит ни шиллинга.

От Нура тоже, и он этого не скрывает. Однако моя решительность заставляет Нура задуматься над собственной судьбой, сходной с судьбой «большого накуды». Либо мы разругаемся в кровь, либо он действительно найдет выход.

Едва *самбук*, режа волны, изменил курс, «большой накуда» сразу обрел уверенность, как лошадь, почуявшая родную конюшню. Менее чем за восемь часов он пересек Аденский залив и доставил нас... не в Дамо, а в Берейду. Я сразу узнал утес Дарода и гору Бур Салауэн.

— Это я ему приказал идти сюда,— объясняет Нур.

— Как же он вернется к себе в Дамо?

— Как хочет, меня он больше не интересуется.

Sic transit ²²...

— А зачем тебе Берейда?

В ответ Нур прикладывает палец к губам:

— У меня есть мысль...

Он полон рвения и доброй воли, чего раньше за ним не замечалось. Может быть, заговорила благородная кровь рыцаря? Или страх остаться на бобах? Скорее всего, и то и другое...

Пока к нам быстро приближается *хури*, между сокотрийцем и Нуром снова вспыхивает горячий спор, который, видимо, длится уже давно. Я готов держать пари, что ту самую знаменитую «мысль» подал именно сокотриец.

Руки гребцов ловят нас на лету и опускают в *хури*. Последним покидает *самбук* «большой накуда». Он сознает свое поражение, но с бесстрашием фаталиста хранит оскорбленное молчание. И когда мы добираемся до берега, сразу куда-то исчезает.

Глава пятая

СЮРПРИЗЫ БЕРЕЙДЫ

Прием, который нам оказали здесь, приятно отличается от вчерашнего в Дамо, оставившего в моей душе

²² Начало латинской фразы: «Так проходит слава мира».

горький осадок. Гребцы не вопят, требуя бакшиш. И меня приветствует на пиджин-инглиш улыбающийся сомалиец:

— Я Салах, начальник района.

Мои спутники бросили меня и устремились куда-то по своим таинственным делам, а Салах повел меня смотреть деревню. Утес Годбар, у вершины которого зияет черный квадратный провал пещеры Дарода, возвышается над маленьким кладбищем. От него идет вверх крутая тропинка. Но в самой пещере не осталось ни одной реликвии.

— Святой выходил из пещеры только для молитвы, — объясняет Салах, словно сам жил «тысячу с лишним лет до нас».

По возвращении в Берейду я вижу, что входы в *гурги* и все остальные хижины забаррикадированы. Жара в этот послеполуденный час стоит иссушающая. Две красавицы сомалийки плетут циновки, сидя прямо на солнцепеке. Детишки, сновавшие повсюду, при нашем приближении исчезают за углами оград. Остается один старик, голый, как Иов, и блики солнца отражаются от него, как от статуи из черного дерева. Ответив на его приветствие, Салах говорит мне:

— Это наш главный сборщик благовонных смол.

— А они есть у него? — спрашиваю я. — Можно мне посмотреть?

— Для этого лучше зайти к сыну султана.

— Султана?

— Да, того, кто жил во дворце. Видишь, во-о-н его развалины.

Уточнив, что дворец был разрушен английскими пушками во время знаменитого «берейдского инцидента», Салах напоминает мне подробности этого эпизода из истории сомалийского побережья.

Дело было в 1862 году. Английский корабль бросил якорь на рейде и выслал на берег команду за питьевой водой. Набрав воды, моряки отказались за нее платить, за что и были убиты. Весь Аден был поднят на ноги. Две канонерки направились к Берейде, чтобы обстрелять деревню и добиться возмещения ущерба.

Из Баргаля вызвали министра миджуртинского короля для срочного совещания. Он должен был для начала наказать виновных, если их удастся найти. Трех

сомалийцев обезглавили. Затем англичане воспользовались присутствием в Берейде министра, чтобы разрешить давно мучивший их вопрос.

До сих пор миджуртинский король присваивал все, что оказывалось на судах, потерпевших кораблекрушение у его берегов,— и людей, и имущество. Отныне, заявили англичане, его право на имущество будет признаваться лишь в том случае, если он сохранит жизнь экипажа и пассажиров. Был заключен договор, однако сомалийцам все белые казались одинаковыми, и они сочли, что договор действителен для всех европейцев.

Поэтому, когда в 1878 году близ Алулы затонул парусник «Си Ру» из Фрэссинэ, они позволили капитану Бутлеру, который пришел на помощь потерпевшим кораблекрушению, перевезти к себе на берег людей, а сами разграбили весь груз. Заинтересованная компания тщетно пыталась добиться в аденском суде возмещения ущерба: юристы ссылались на знаменитый договор 1862 года, который позволял миджуртинам сохранять добычу.

Вот тогда-то и заговорили о том, что необходимо построить маяк на мысе Гвардафуй, около которого кораблекрушения случались особенно часто. И тут сомалийцы честно признались посетившему страну Ревуалию, что им строить маяк не к снеху.

— Что же теперь делает сын султана, давно умершего? — спросил я.

— Торгует,— ответил Салах.— А его братья все перебрались в Могاديшо.

Сына султана зовут Осман. Его магазин представляет собой беспорядочное нагромождение всевозможных товаров: старые весы с коромыслом; сальные тюки; кучи ароматных смол, предназначенных и для изготовления благовоний, и для других нужд.

Осман предлагает мне попробовать кусочек мирры, который как бы предваряет мои впечатления от будущих исследований на суше, и угощает вкуснейшей конфетой, доставленной с какого-то корабля. Скупщики, получившие монополию от нового государства, платят ему за благовонные смолы мужских и женских растений от двух до трех шиллингов за килограмм, а остальное он сбывает арабским купцам по более высоким ценам.

Но арабов гораздо больше интересует берейдский

жемчуг. Он неправильной формы, а потому дешев, хотя и красив. Мы разглядываем несколько жемчужин. Одна, особенно крупная, грушевидной формы, обошлась бы мне всего в двести шиллингов (сто сорок франков), — разумеется, после обычного ритуального торга, когда платишь не больше трети запрашиваемой цены. Вторая, пупырчатая жемчужина — в пятнадцать франков... Третья, идеально круглая — в семьдесят... Если бы не расходы на экспедицию, какое выгодное дельце я бы провернул!

— Но где же Нур и сокотриец? — наконец спрашиваю я.

— Видимо, ищут тебе *накуду*: у нас здесь есть один надежный. Мы наверняка найдем их у него в хижине да заодно перекусим.

* * *

В самом деле, они беседовали с человеком, который сразу же произвел на меня наилучшее впечатление. Ему лет тридцать пять — тридцать шесть, и меньше всего он походит на обманщика-вымогатся. У него благородные черты лица и жесты, и он тоже внимательно меня рассматривает; взгляд у него пронизательный, однако полный уважения.

Пока сосуд с водой переходит из рук в руки и чай закипает, Нур сообщает мне:

— Вот он ходил на Сокотру много раз. Он говорит, лучше всего выйти в море примерно в полночь, когда спадет восточный ветер. На рассвете мы увидим Абдель-Кури и подойдем к острову напрямик.

Этот рулевой запрашивает вдвое меньше, чем «большой накуда». Но что это за странный кубический предмет в белой холстине, который он так бережно держит на коленях?

— Это его *буссола*, — объясняет Нур.

Рулевой разворачивает свое сокровище. Циферблат на карданном креплении может поворачиваться в двух вертикальных планах, чтобы всегда сохранять горизонтальное положение. Вычурно разрисованные знаки обозначают только север, северо-восток, восток, юго-восток, юг, юго-запад, запад и северо-запад, не оставляя места для промежуточных градусов. Это типичный арабский

компас девятнадцатого века, столь же красивый как и неточный. Он, однако, составляет гордость *накуды*, дорожащего честью своего ремесла.

Я рассыпаюсь в похвалах, но про себя рассчитываю больше на его опыт, чем на эту игрушку. В хижине столько народу, что негде повернуться. Тем не менее я с благодарностью устраиваюсь на *ангаребе*, ложе из ремней: вздремнуть перед новым выходом в океан просто необходимо. На ломаном английском я беседую с Салахом, а когда в разговор вступает Нур, возвращаюсь к нашей привычной смеси англо-итало-арабского. Впрочем, есть еще мимический способ чтения по губам, и он нам совсем нелишний.

В сумерках все выходят, чтобы вместе помолиться, и начинается ожидание.

В полночь, прощаясь с нами, Салах категорически отказывается от вознаграждения за гостеприимство. Он ведет нас через спящую, залитую лунным светом деревню. Три гребца, которых он вызвал, как тени возникают на темном пляже и быстро перевозят нас на *самбук*.

Глава шестая

КРОХОТНОЕ СУДНЫШКО В НЕОБЪЯТНОМ ОКЕАНЕ, ИЛИ ТЕЧЕНИЯ СОКОТРЫ

Уважение, с которым относятся к новому *накуде* и Нур, и Мохаммед, и сокотриец, передается всем: матросы спешат устроить его поудобнее у руля вместе с его *буссолой*, вызывающей у всех восхищение.

Исса взял полный запас солярки и смазал мотор. Али поднимает якорь, и на *самбуке*, слишком маленьком перед лицом океана, воцаряется атмосфера великих странствий.

Я снова укладываюсь кое-как на бочонки в прованшем корпусе *самбука*, уже на три четверти освобожденном от мешков с рисом. И тщетно пытаюсь сомкнуть глаза под грохот мотора.

Между двумя и тремя часами ночи я все еще не

сплю и вижу справа от нас на выходе из Аденского залива огонь маяка на мысу Гвардафуй. Луч маячного прожектора пробегает золотой дорожкой по бескрайней поверхности океана. И я вспоминаю Болидори, который о нас, наверное, и думать забыл: спит себе рядом с молодой женой-сомалийкой, полагая, что мы давно уже на Сокотре... Однако мощный луч маяка, хотя и не для нас предназначенный, все же кажется мне прощальным покровительственным жестом Болидори, словно он хотел специально осветить нам дорогу.

Я вынимаю из кармана компас. Мы идем прямо на восток. По-моему, вернее было бы держаться курса вест-норд-вест, нацеливаясь на Абд-эль-Кури. Я подзываю Нура и говорю ему об этом.

— Не беспокойся! — торжественно заверяет он меня. — Этот *накуда* знает все. Он рассчитывает увидеть Абд-эль-Кури на рассвете, и тогда он выровняет курс. В хорошую погоду этот остров виден от самого маяка, когда подойдем ближе, уж мы его не пропустим!

В этих широтах небо на востоке розовеет уже в половине пятого утра. И когда расцветает заря, мы видим вокруг пустынное море: ни одного суденышка. Все ориентируются на маяк на мысу и стараются не заходить в эти воды, у которых зловещая репутация. В случае аварии тут не от кого ждать помощи. Наш *самбук* — дерзкий воробей, бросающий вызов грозным акулам...

Половина шестого. Красное солнце всплывает над горизонтом, как огромный воздушный шар. Нос *самбука* направлен точно на него: почему-то мы все еще идем прямо на восток... А ведь должны были бы уже пройти больше полпути до Абд-эль-Кури! Когда же *накуда* повернет на северо-восток?

Океан волнуется. «Гвардафуй» взлетает на гребнях волн и шумно шлепается вниз. Иногда большие поперечные волны укладывают его почти на бок, и нас окатывает дождь брызг.

Исса вытаскивает из *муфы* дымящийся рис, но я от своей порции отказываюсь: мои нервы слишком напряжены, чтобы есть, и я слишком промок, чтобы мне хотелось пить. Однако даже неопределенность нашего положения не мешает остальным уписывать горячий рис за обе щеки.

Прходит час, и я понимаю, что мы уже давно должны были бы увидеть остров. Но, может быть, он прячется за полосами густого тумана, нависшего низко над волнами? *Накуда* несколько раз меняет курс, не подозревая, что я все время его контролирую.

Вскоре он так запутался, что я перестал за ним следить и все свое внимание сосредоточил на океане, который разыгрывается все сильнее.

Мы раскатываемся во всех направлениях на пятьдесят-шестьдесят градусов и зачерпываем огромное количество воды. Исса непрерывно откачивает ее из моторного отсека, самой низкой точки *самбука*. Али мечется по судну с ловкостью обезьяны, закрепляя все, что может быть смыто за борт.

Хвастливая болтовня на корме смолкла. Все посуровели. Я не могу преодолеть раздражения, смешанного с удивлением. Легкомыслие Нура в начале плавания, полная никчемность старика из Дамо — все это само по себе странно, но это уже в прошлом. Однако что сказать о достойном *накуде* из Берейды? Ведь он не выказал и тени сомнения, когда мы его нанимали! И теперь его беспомощность просто необъяснима.

К одиннадцати часам я, увы, утратил в него всякую веру. И вдруг все упреки, которые я мог бы ему высказать, я слышу от Нура... в свой адрес! Промокший до костей, он спотыкается на переходном мостике, лишенном ограждающих поручней, и вопит:

— Почему не видно острова?!

Словно в этом виноват я!

— Потому что твой *накуда* давно оставил его южнее, — отвечаю я.

— Он отказывается вести *самбук*!

— Это легче всего... Ему надо было вовремя изменить курс.

— Раз ты все знаешь, скажи, что теперь делать? — рычит он, и лицо его искажено яростью — несдержанность, поистине поразительная, для человека, в жилах которого течет хотя бы половина арабской крови.

Когда меня задевают, я тоже начинаю сердиться:

— Пусть поворачивает на север. Я приказываю.

Это единственный способ добраться до цели. Обозленный Нур возвращается на корму.

«Гвардафуй» делает поворот на девяносто градусов. Тотчас мы становимся игрушкой волн, бьющих нам прямо в нос. Мотор тарахтит из последних сил. Нас заливает, *самбук* угрожающе кренится. Корма взлетает и с грохотом обрушивается в пену. Боковая волна высотой около трех метров едва не переворачивает нас. Раньше мешки с рисом служили балластом, но теперь их осталось мало и они разбросаны повсюду, поэтому наше суденышко потеряло устойчивость и превратилось в поплавок, танцующий на волнах.

Нур возвращается ко мне, цепляясь по дороге за что попало. Плаксивым голосом он взывает:

— Течения преградили путь! Плыть против них безумие! Если откажет мотор — мы пропали! Здесь никто не придет к нам на помощь... Позволь нам добраться до берега!

— Что ж, возвращайся, раз твои *накуды* только это и умеют.

Мог ли я думать, отдавая этот вызванный отчаянием приказ, что наш обратный путь превратится в настоящее приключение, которое навсегда останется в памяти? Ибо оно сроднило нас всех и привело к неожиданному исходу.

* * *

Всю вторую половину дня я намеренно не обращал внимания на горе-моряков с кормы. К тому же неослабевающее волнение на море приковало меня к последним мешкам риса, разбухшим от воды.

Позднее, поразмыслив, я решил, что, может быть, зря обвинял во всем *накуду*. Он стал жертвой неожиданных в это время года течений и ветров, силу которых не мог рассчитать. Если старый хвостун из Дамо вчера взял слишком на север, то сегодня наш *накуда* чересчур уклонился на восток. Правильный курс, несомненно, лежит где-то посередине. И еще одно... Предположим, мы добрались бы до Абд-эль-Кури, — кто знает, какие неожиданности встретили бы нас в районе острова? Я чувствую, что здесь какая-то тайна, которую необходимо раскрыть.

Нет, наш рулевой не рискнул бы пуститься в плавание на жалком *самбуке* без мачты и паруса, с одним мотором в двадцать две лошадиные силы, если бы не был

уверен, что при нормальной погоде спокойно дойдет до острова. Видимо, он считал, что ему придется бороться лишь с муссоном, о котором говорил Новелла. А он столкнулся с юго-западными течениями и не смог их преодолеть.

Однако что он сейчас делает? Взглянув на компас, я определяю, что мы быстро идем на юго-запад, точно по направлению течений... А поскольку африканский берег здесь тоже изгибается на юго-запад, значит течения несут нас параллельно побережью куда-то к Момбасе!

Очевидно, мне давно надо было вмешаться. Мы сделали поворот более пяти часов назад, однако, судя по свирепым волнам, *самбук* еще находится далеко в открытом океане. Поэтому я приказываю:

— Курс прямо на запад!

Маневр опасный и трудный, потому что нужно повернуть руль поперек течения. *Накуде* удастся это только с помощью Нура. «Гвардафуй» встает на дыбы и грозит перевернуться. Однако, управляемый сильными и ловкими руками, покорно ложится на новый курс.

Пришла ночь, а с ней — холод, непривычный после теплого Аденского залива. Завернувшись в промасленный брезент, я щелкаю зубами. Все, что не удалось закрепить, катается и кувыркается по *самбуку*.

Исса уже в третий раз наполняет соляжкой топливный бак, потому что расход горючего на этом курсе увеличился вдвое. Тем временем Али не переставая вычерпывает воду, заливающую судно.

Нур попытался было им помочь, но обжег себе руки, схватившись за выхлопную трубу. Боль адская, и он умоляет сделать ему перевязку, но я не могу:

— Моя санитарная сумка в мешке, на самом дне судна, под водой!

— О, горе на наши головы! Знаешь ли ты, что сейчас мы должны были бы уже видеть огни маяка Гвардафуй?

— Нас снесло слишком далеко на юг.

Вдруг Нур спохватывается:

— А что будет теперь с нашим договором?

Сомнения терзают его не меньше, чем боль от ожога... У него блуждающий взгляд проигравшегося картежника. Мое молчание окончательно выводит Нура из себя:

Я ни в чем не виноват! Это воля аллаха! Ты должен со мной расплатиться!

— И тебе не стыдно говорить о деньгах, когда наша жизнь в опасности? Перестань вопить, будь мужчиной, и ты ни о чем не пожалеешь.

Нур успокаивается. Он меня понял, и с этого момента становится безупречным товарищем.

А буря не затихает. Мохаммед и сокотриец напрягают все силы, помогая *накуде* удерживать руль. Но вскоре *накуда*, сохраняющий достоинство даже после своего поражения, пытается показать мне на своей драгоценной *буссоле*, что, несмотря на отчаянные усилия держаться западного курса, морские течения все равно сносят нас на юго-запад...

— В таком случае, держи на северо-запад... Тогда мы пойдем на запад!

— Хорошо.

Мохаммед и сокотриец помогают *накуде* усмирять рыскание руля. Они удерживают его веревками, накинутыми на тумбу посреди кормы. Толчки становятся устрашающими, мы вздымаем фонтаны пены и брызг. То и дело нас швыряет в воздух, и кажется, что мы уже не опустимся. А через мгновение мы ныряем в водяную пропасть, не зная, удастся ли выбраться на поверхность.

Весь экипаж трудится не жалея сил. От бессоницы и усталости темные лица бледнеют. Все в руках аллаха!

* * *

Полночь. Час ночи. Второй... Голоса становятся хриплыми, слух притупляется. Оба *накуды* кажутся куклами, болтающимися на деревянном бруссе руля. Матросы не переставая вычерпывают воду, которая тем не менее все прибывает. Нур, придерживая обмотанную грязной тряпкой руку, кричит мне:

— Мы уже должны быть в виду берега!

Я вместе со всеми всматриваюсь в бушующий океан. Однако ночью на море миражи возникают не реже, чем днем в пустыне, и так же разнообразны.

Их создают туманы и отблески звезд. Утомленный взгляд видит несуществующие чудеса: освещенное двадцатиэтажное здание, цепочки блуждающих огней, похожие на яркие иллюминаторы океанского лайнера... Вдруг появляется темная полоса: наверняка земля!..

Нет, это всего лишь низко нависшая туча. И сами волны доводят до безумия, когда *самбук* проваливается между ними и ты с ужасом чувствуешь, что летишь на дно темной пропасти.

Единственное утешение — сплоченность нашей маленькой группки, объединенной вокруг обоих *накуд* и участвующей в их борьбе. Мы все видим и чувствуем одинаково. Стремление достичь берега подстегивает всех, перебои в стуке мотора заставляют сжиматься сердца. Когда он внезапно захлебывается, мы перестаем дышать, пока не раздастся привычное тарахтение. Ведь от него, и только от него, зависит наша судьба. Мы пошли на отчаянный риск, хотя и предвидели его, во всяком случае могли предвидеть, но лишь на собственном опыте я оценил все безумие подобного предприятия и свое легкомыслие.

Старина Мохаммед, как выяснилось, был шейхом. В Сомали этот титул имеет чисто религиозное значение. На исходе третьего часа ночи он как набожный мусульманин положился во всем на милость аллаха.

Среди взлетающих гейзеров он затягивает молитву, начиная с традиционного «Аллах акбар» и продолжая словами, соответствующими нависшей над нами угрозе. Он не просто молится, а импровизирует.

Видимо, пятнадцати минут достаточно, чтобы его молитва была услышана богом. Но так ли это?

— Терра! — кричит он по-итальянски, чтобы я понял. — Земля!

Нет, слишком рано... Зрение подвело Мохаммеда. И снова с той же горячей верой звучит «Аллах акбар!»

Благочестие ветерана Красного моря и Аденского залива здесь, в незнакомых водах, передается всему экипажу. Все умолкают, чтобы его дрожащий голос мог возвыситься над глухим сопением океана.

— Терра! — кричит Мохаммед второй раз.

Нур и сокотриец не особенно-то верят ему, однако *накуда* из Берейды уверенно подтверждает:

— Берег прямо по носу!

Мохаммед возносит хвалу аллаху, а Исса и Али начинают вымерять глубину, прежде чем бросить якорь.

Чтобы определить, где мы, нужно дождаться расвета, но самое главное, что мы все-таки дошли до берега. И только в это мгновение я понимаю, чему мы

обязаны своим спасением: несчастному маленькому моту японского производства!

Страстное желание попасть на Сокотру ослепило меня. Все это плавание на пятитонном *самбуке* среди неведомых течений по бурному океану было чистейшим безумием. К чести моих спутников, они пошли на риск. И воспоминание об их мужестве и братском единстве перед лицом опасности смягчает горечь неудачи.

К тому же мне кажется, что в это время года Сокотра вообще недостижима. В конце концов я ни о чем не жалею: вместо торопливого посещения острова я пережил схватку с океаном.

Рассвет долго не приходит. Нас раскачивает, как на качелях, и после борьбы с волнами в открытом океане качка вызывает у меня тошноту. Однако все остальные спят, как убитые. Только Нур во сне мечется: наверное, ему снятся кораблекрушения.

Постепенно я начинаю различать полосу песчаного пляжа у подножия низких гор. Слева в море выдается горбатый мыс. Старина Мохаммед показывает на него пальцем и говорит:

— Рас-Хафун²³.

Если он не очень уверен в океане, то свое побережье знает превосходно, потому что проплавал вдоль него немало лет.

— Горе мне! — вопит Нур. — Отсюда до мыса Гвардафуй полтораста километров. А море не успокаивается, волны вон какие! Пока мы поднимемся против течения, пройдет два дня...

Однако Мохаммед настроен более оптимистически и надеется, прижимаясь к самому берегу, прийти быстрее.

А для меня после всех неудач это — счастливая возможность познакомиться с восточным побережьем: я увижу порт Баргаль, древнюю столицу миджуртинских королей.

* * *

Мы идем вдоль суровых голых берегов. Время от времени попадаются одна-две рыбацьи хижины. Людей не видно: буря помешала им выйти в море. Так мы и

²³ Рас-Хафун — мыс в Сомали, на полуострове Хафун, крайняя восточная точка Африки. — *Прим. ред*

проходим мимо печальных берегов под серым небом, и никто нас не замечает.

Хотя мы жмемся к самому берегу, это не спасает нас от бурного моря. Волны преследуют и догоняют нас. Исса не успел еще откачать воду после ночного потопа, а новые волны уже захлестывают «Гвардафуй».

Перед первым мысом, который нам надо обогнуть по пути на север, Мохаммеда охватывают колебания. Это мыс Бинах, и море здесь особенно бурное. Мохаммед предпочитает выждать затишья под прикрытием мыса.

Несколько часов нас мотает на волнах так, что кажется, якорный канат вот-вот лопнет. Одинокий рыбак, заметив с берега, что мы стоим на месте,— если только можно так выразиться,— из любопытства подгребает к нам в *хури*. На одни волны его лодка взлетает, как скорлупка, другие пронзает, как игла. Добравшись до нас, он удерживается рядом с *самбуком*, лишь бешено работая веслом.

Странная беседа завязывается между этим голым худым сомалийцем, словно мраморным от белой пены, и моими людьми, которые свисают с борта, как гроздь, то взлетая метров на пять над *хури*, то погружаясь ниже него. Пронзительный тембр голосов позволяет им разговаривать, почти не напрягаясь.

Похоже, ему предлагают купить подмоченный рис... Рыбак отказывается. Разговор переходит на лов тунца.

Когда рыбак удаляется, моему терпению приходит конец. Уже вечереет, а волнение ничуть не утихло. Ждать дольше бессмысленно, и я приказываю Мохаммеду обогнуть мыс Бинах.

Едва мы вышли из-за его прикрытия, как сразу вспомнили самые жуткие мгновения прошлой ночи. Мотор тарахтит, как бешеный, а мы еле двигаемся. Водяные горы разбиваются о подножия скал и взлетают пенными гейзерами высотой с хорошую пальму.

Наконец, перед нами открывается широкий залив Баргалья, но и там, к несчастью, ненамного тише, чем в открытом океане. Нур стонет. Надо было переждать бурю в спокойной гавани у одинокого рыбака! А теперь если мы и доберемся до Баргалья, то лишь глубокой ночью.

Часам к восьми в кромешной тьме замерцало несколько жалких огоньков. Это порт. Мы становимся на

якорь рядом с большим баркасом, единственным кроме нас судном на рейде. Теперь требуется *хури*, чтобы преодолеть полтораста метров мелководья, отделяющего нас от берега.

Нур и сокотриец размахивают штормовыми фонарями и выпускают пронзительные вопли, пытаясь привлечь внимание перевозчиков. Напрасный труд! На берегу все спят или просто не желают беспокоиться. Наша корма превращается в эстраду разъяренного хора, для сигнализации зажигаются все фонари. Я ощупываю лучом фонарика баркас, надеюсь, что там найдется лодка и нам ее одолжат. Но вахтенный словно нас не замечает.

Закоченевшие, измученные, мы вопим и неистовствуем три четверти часа. И наконец, победа! Огромная лодка выплывает из темноты. Однако ее рулевой останавливается на удобном для разговора расстоянии и доводит нас до отчаяния идиотскими расспросами. Нур тщетно уговаривает его прийти нам на помощь.

— Скажи ему, что у нас официальная миссия, — подсказываю я. — Пригрози, что мы пожалуемся властям, если он нас не перевезет!

Приободрившись, Нур напрягает голос, и ему на миг удается перекричать противника. Тот пожимает плечами, отпускает в наш адрес последнюю порцию брани и возвращается на берег.

Сумасшедшая пляска на *самбуке* возобновляется с новой силой. Мы их не оставим в покое, этих бездельников! Но через полчаса у нас устают и руки, и глотки. Это моя третья ночь в море после Алулы, третья ночь, когда я вынужден все время быть начеку, третья ночь без еды и питья. Меня трясет, как в лихорадке. Все мне опостылело, и я сворачиваюсь в клубок в ожидании рассвета. Отвратительная качка не утихает.

Вдруг возглас Нура вырывает меня из оцепенения:
— Смотрите, баркас! Он возвращается!

Невероятно, но факт. Десять гребцов под ритмичное, подбадривающее пение подгоняют большое *хури* к борту *самбука*, и только тут я вижу, что их лодка почти не уступает по длине нашему суденышку. Корпуса обеих посудин с треском сталкиваются, прыгая на волнах. Мы соскакиваем в *хури* и оказываемся среди полуголых мокрых гребцов, продолжающих скандировать нескончаемый припев. Фонарь Нура освещает пышные тюрбаны,

сверкающие глаза, вопящие рты. Эта лодка, танцующая на волнах, зрелище кошмарное.

Весла врезаются в воду, *хури* рвется вперед. С головокружительной быстротой мы преодолеваем кабельтов, отделяющий нас от берега. Спрыгнув в воду, прежде чем выйти на сушу, я вижу перед собой десятка полтора баргальцев во главе с начальниками порта, полиции и таможни, перепуганными моими угрозами.

Таможенник, который здесь, по-видимому, играет первую скрипку, приветствует меня и просит уточнить кое-какие вопросы, что я и делаю как можно быстрее. Мои объяснения вполне удовлетворяют его, и, видя, что я валюсь с ног от бессоницы, он приглашает следовать за ним. Однако полицейский, более придирчивый, а главное, недовольный тем, что его из-за пустяков вытащили из постели, пытается нас задержать, чтобы проверить документы, груз и прочее. Я ему коротко говорю, что все осталось на *самбуке*. И таможенник Башир Хасан советует ему пойти доспать.

Не так-то легко ступать по твердой земле после двух суток болтанки в море! У меня ноги подкашиваются, и я еле бреду, как лунатик, по проходам между глинобитными хижинами. Так мы добираемся до широкого двора, окруженного полуразвалившейся оградой, и останавливаемся перед величественным белым фасадом. Машинально я спрашиваю:

— Где это мы?

— У меня... во дворце покойного богора Османа Махмуда, последнего короля миджуртинов.

Служитель с фонарем «летучая мышь» показывает нам путь. Он освещает витиеватые украшения на стенах, однако оставляет в тени предательскую ступеньку, о которую я и спотыкаюсь при входе в комнату, прежде чем растянуться на предложенной мне постели.

Глава седьмая

КОРОЛЬ МИДЖУРТИНОВ

Я проснулся под сводами королевского покоя и почувствовал, что после восьми часов сна в горизонтальном положении силы мои полностью восстановлены. Сра-

зу же после утреннего чая Башир Хассан, эрудит и знаток истории, повел меня смотреть дворец.

Различные завоеватели, итальянцы и сомалийцы, смогли незначительно изменить лишь внутреннюю архитектуру здания. Но толстые стены из коралловых блоков и высоченные потолки по-прежнему дышат седой древностью. И на стенах коридора, ведущего к главному входу, по-прежнему красуется резной растительный орнамент на персидский лад, который некогда должен был услаждать взоры повелителей этой иссушенной зноем страны. А двойная арка с карнизами, венчающая портал, представляет собой настоящий шедевр мусульманской архитектуры.

До конца прошлого столетия весь юго-восточный «рог» Африки, территория миджуртинов, подчинялся богу — титул, означающий «вождь племени», или «великий султан». Остальные сомалийцы, в частности западные племена, варсангали, в основном подчинялись князькам, которых более скромно именовали «герады».

Старый бог миджуртинов имел резиденцию в Мерейе, между Хабо и Дурбо. Его сын был убит. Внук умер в 1866 году в возрасте сорока лет. И тогда королем стал пятилетний правнук богора Осман Махмуд, который вначале правил под опекой своего дяди. Он и был здесь последним правителем древней династии.

Главный дворец миджуртинских богоров находился в Баргале, но они предпочитали жить у родственников или друзей, назначенных султанами в другие порты: в Берейде, Алуле, Кандале, Хабо, Мерейе, Босасо, за исключением тех случаев, когда какой-нибудь султан восставал, как это было в Мерейе. Плохие пути сообщения ослабляли власть богоров. Зато, непрерывно перемещаясь, они поспевали вовремя к месту любых кораблекрушений... чтобы получить свою долю.

Самым лучшим наблюдательным пунктом, несомненно, было селение Тохен близ мыса Гвардафуй. Здесь «идеальный» для кораблекрушений берег! Почти западня. Множество судов, обманутых первым мысом Рас-Шенагеф, выруливали прямо на второй мыс, Рас-Асир, ныне мыс Гвардафуй. Вот тут-то береговые жители и подбирали с разбитых судов пассажиров и грузы.

Богоры не брезговали и торговлей рабами. Ревуаль утверждал в 1880 году, когда правил Осман Махмуд, что богор покупал рабов лишь у арабских торговцев «черным товаром», пристававших к его берегам на пути из Восточной Африки или с Мадагаскара. Но согласно другим источникам, он без стеснения захватывал пленников из низших каст своего племени: у ибир, мидганов и тумалов²⁴. Он даже брал под защиту караваны, проходившие через его провинции в поисках рабов, и предоставлял им своих абанов²⁵.

Покой богоров впервые был нарушен в 1840 году, когда англичане через год после того как укрепились в Адене заключили договор с одним из султанов, правителей Зейлы. Затем, в 1862 году, произошел, как мы уже знаем, «конфликт в Берейде». Он задел богоров непосредственно, поскольку в результате были урезаны права миджуртинов на экипаж и груз кораблей, потерпевших крушение у их берегов. К 1887 году влияние англичан распространилось на все западное побережье Миджуртини, но не дальше. Однако в 1889 году в Баргале высадились итальянцы...

Они явились якобы для того, чтобы заключить договор о помощи с богором Османом Махмудом и его южным соседом Юсуфом Али, султаном Оббии. Осман Махмуд бежал... к англичанам, надеясь найти у них поддержку, но его надежды не оправдались. Тогда он вернулся из страха, что лишится трона, если будет слишком долго отсутствовать. И «признал, протестуя» свершившийся факт, однако ничего не подписал. Год спустя двусмысленное положение разрядилось: богор умер.

У него не было наследников: все сыновья Османа Махмуда, кроме одного, эмигрировали в Мogaдишо. И тогда итальянцы захватили власть в Миджуртини.

Однако жизнь населения этого северо-восточного района, слишком удаленного от Мogaдишо и почти неисследованного, практически не изменилась. Жители, рассеянные на огромных просторах пустынь и побе-

²⁴ Ибир — каста колдунов и певцов; мидганы были охотниками; тумалы — кузнецами и изготовителями амулетов, предназначенных для отвращения злых духов.

²⁵ Абaн — хозяин каравана.

режья, однажды узнали, что у них больше нет богора. «Ишшалла!» («Воля аллаха!») И они, как всегда, положились во всем на судьбу.

* * *

С утра первым меня посетил единственный потомок Османа Махмуда, оставшийся верным Баргалю. Ему ничего не досталось в наследство, ни власти, ни дворца! Непродолжительное общение с этим скромным человеком, сохранившим, однако, благородную статью, восстановило для меня живую связь с прошлым.

За ним явился совершенно иной тип.

— Хаджи Мохаммед Осман, *серенж*²⁶ большого баркаса, который стоит на якоре возле твоего *самбука*, — сообщил Башир. — Он хотел бы с тобой поговорить.

— Скажи, что я ему благодарен, но не сейчас.

— Он сын сомалийца и арабки и живет со своим отцом в Адене. Отец часто посылает его к нам с грузом риса и других продуктов, а от нас он увозит коз и благовонные смолы. Ты пытался добраться до Сокотры, куда он не раз плавал, и это его удивило.

— Но почему?

— Он сам тебе скажет.

Хаджи Мохаммед Осман оказался юношей маленького роста, курчавым, как большинство южных арабов. Сомалийская кровь в нем почти не чувствуется, как и в Нуре Юсуфе. Разговор ведется с помощью Башира.

— Ты все равно не мог добраться до островов, — начинает юный *серенж*.

— Но ведь ты туда плавал?

— В это время года — никогда! С октября до конца декабря течения отклоняются от индийских берегов на юго-запад прямо в сторону архипелага и окружают его кольцом, которое нельзя преодолеть.

— Я в этом убедился.

— Твой маленький *самбук* со слабым мотором никак не мог этого сделать. Даже мой баркас со всеми его парусами и мотором в сто двадцать пять лошадиных сил не сумел бы пробиться. Но в начале января все проще простого. Я в это время отправлюсь на Сокотру. Хочешь, возьму тебя с собой?

²⁶ Серенж — помощник капитана, ответственный за груз.

Оказывается, ларчик просто открывался. Мои сомалийские *накуды*, которые плавали на Сокотру только в хорошую погоду, видимо, решили, что это возможно в любое время — ведь расстояние-то ничтожное!

Они не знали простых истин, известных настоящим мореходам. В течение трех месяцев остров практически недостижим. Это помогает мне избавиться от горечи последних сожалений, и я говорю Хаджи Мохаммеду:

— Дай мне твой адрес, и когда-нибудь при случае мы с тобой навестим султана Абдаллаха Саида бен Афера бен Эзи.

Нур, который появился как раз в этот миг, услышал мои слова, и торжествующе возопил:

— Теперь ты видишь, я просто не мог сдержать свое слово! Что же будет с нашим договором?

Я дружески хлопаю его по плечу. Он хохочет и во всем полагается на мое великодушие.

— Лучше скажи, где ты спал, Нур?

— У друзей.

У него их полно в каждом порту.

Вслед за Нуром появляется придиричивый полицейский, живот которого колышется под белой рубашкой. Документы... груз... экипаж... Он все хочет проверить и занести в протокол. Нур избавил меня от этой волокиты, пригласив полицейского на *самбук*, который — я это вижу из окна — продолжает плясать на волнах. Пусть там пороется! Надеюсь, качка охладит его пыл.

— Океан не утихнет до вечера, — говорит мне Башир. — Пойдем, прогуляемся!

* * *

Баргаль замкнут между морем и полукружьем коричневых гор одинаковой высоты с крутыми обрывистыми склонами. Вершины некоторых зубчатых утесов напоминают силуэты животных или замков.

Баргаль состоит из глинобитных домов. Такое я видел только в Кандале. Повсюду возвышаются конические кучи строительной глины, которую смачивают через отверстие в центре, идущее сверху донизу. Но среди этих домов кое-где попадаются и тростниковые *гурги*.

Гибкая молодая женщина набирает воду в колодце на перекрестке, опуская бурдюк по крайней мере на глубину трех метров. Вода, чуть-чуть солоноватая из-за

близости моря, пригодна для постирушек и для приготовления чая, который здесь пьют очень сладким.

Хорошую пресную воду можно добыть в устье вади. Близ Хабо, Кандалы и Алулы для этого установлены насосы, и вода бежит по водостокам, которые извиваются по земле на многие километры, как сказочные добрые змеи.

Плотник из Макаллы соорудил большой баркас для богатого баргальца. Он устроил свою верфь на самом берегу и за полгода сделал три четверти работы. Установленный на подпорках корпус здесь, на суше, кажется очень высоким. Он обшит нежно-золотистым индийским деревом. Такое судно стоит пятьсот-шестьсот тысяч франков. Когда придет время спускать его на воду, все мужское население деревни под громкие песни дотащит эту махину до моря и вверит ее дальнейшую судьбу волнам.

Главный корабел и тут не расстался со своими подмастерьями из Хадрамаута. Они пилят, долбят, приколачивают, а он в это время отделявает резьбу на корме. Темно-желтая кожа и породистые черты лица говорят о том, что это чистокровные южные арабы. А их рабочие приемы свидетельствуют о вековых навыках, передающихся по наследству.

Серенж из Адена, Хаджи Мохаммед Осман, тоже приближается к будущему сопернику своего баркаса. Затем подходит Нур с полицейским, уже осмотревшим наш «Гвардафуй». Все восхищаются искусством мастеров. Чтобы не мешать им, мы с Баширом отправляемся к нему послушать радио.

Гнусавый голос сообщает по-английски, что Линдон Джонсон избран президентом республики Соединенных Штатов Америки. Я так далек от всего, что эта новость производит на меня не большее впечатление, чем если бы я узнал о коронации марсианского царя.

Политика, биржевые курсы... все осталось в ином мире, не имеющем с моим ничего общего. С большим удовольствием я послушал бы еще что-нибудь о богоре Османе или о султанине Сокотры. Или о знаменитом Мадмуллахе, который в свое время причинил англичанам в Британском Сомали столько хлопот.

Я спрашиваю Башира, что он знает об этом человеке. Башир отвечает:

— Писатель Джама Омар восстановил историю шейха. Его звали Мохаммед Абдуллах Хассан, но он больше известен под именем Мадмуллаха. Он стоял во главе племени огаденов, которые считают своим прародителем Дарода. Огадены обитают близ эфиопской границы. Когда англичане захватили северное побережье Сомали, Мадмуллах ни на миг не оставлял их в покое. Он одним из первых применил тактику партизанской войны! Оружие прибывало из Аравии, его тайно выгружали в незаметных бухтах и тотчас переправляли в глубь страны.

Глава восьмая

МУССА АРЕТ—МОЙ ПРОВОДНИК

В девять часов вечера нас доставила обратно на *самбук* все та же большая лодка со все той же вопящей командой, и мы тотчас снялись с якоря.

Океан стал чуть тише, и мы шли вдоль самых берегов, не слишком страдая от качки, до мыса Рас-Шенагеф, куда более обрывистого, чем лежащий за ним Рас-Асир, мыс Гвардафуй. Между этими мысами прячется неглубокая бухта Тохен.

Часа в два-три ночи Нур и сокотриец вздумали вернуть сюда, чтобы попытаться сбыть остатки подмоченного риса и солому для циновок... Я покорился этому нелепому капризу. Однако сами тохенцы наказали двух Гарпагонов за жадность, не удосужившись даже ответить на их вопли и сигналы.

Мы снова выходим в открытое море, и снова на траверзе мыса Гвардафуй начинается болтанка. Возможно, название этого мыса происходит от арабского «Ард эль фил» — «Земля слонов», но кто знает?²⁷ Уже половина пятого утра. Небо светлеет. Из экономии, явно предписанной новым начальством, Болидори (а может, его сомалийский помощник) выключает маяк, и луч его света вдруг гаснет, словно обрубленный топором.

²⁷ Название мыса — «Гвардафуй» на португальском языке означает «Берегись». — *Прим. ред.*

Едва мы вошли в Аденский залив, волнение словно чудом утихло и нас встретила лучезарная заря. Вода и воздух пронизаны волшебной игрой света. Дельфины резвятся вокруг, поодаль охотятся акулы. Ибисы, цапли, чайки, кулики носятся над волнами или плавают на воде, куда ни кинь взор.

Но что это за странное черное покрывало у подножия утесов на кромке наносных песков? Кажется, что оно трепещет. А когда мы приближаемся, черная масса вдруг ошестинивается тысячами клювов: это бакланы, устроившиеся здесь на ночлег!

Они волнуются, теснятся крыло к крылу, наиболее пугливые взлетают, расталкивая соседей. Освободившиеся места позволяют расправить крылья остальным, и вот уже вся неисчислимая стая разворачивается в небе, как фантастическая лента.

Разведчики опускаются на воду на приличном от нас расстоянии, вся стая сразу пикирует и усаживается вокруг: за одну минуту на волнах возникает плавучий островок площадью более гектара. В этой стае было тысяч сто бакланов, никак не меньше!

Вскоре они разбились на небольшие группки и началась охота. То и дело нас догоняли эскадрильи бакланов, нырявших за рыбой. Эти атаки не прекращались весь день, хотя мы прошли немало километров. И только в сумерках бакланы отстали от нас и собрались в стаю, чтобы найти ночлег на новом месте.

Бакланы этого вида не относятся к перелетным птицам. Они окончательно обжились в Аденском заливе, здесь у них свои привычные маршруты и места отдыха.

В Берейде мы ссаживаем на берег сокотрийца и *накуду* с его неразлучной *буссолой*. По песчаному пляжу бредут люди в праздничных одеяниях. Оказывается, это паломники, пришедшие на поклон к пещере Дарода.

Отсюда еще четыре часа спокойного плавания, и вот без всяких происшествий мы на траверзе Алулы.

* * *

Я застал добряка Кассима под конец сиесты, и, разумеется, мои морские злоключения вызвали у него куда больший интерес, чем проблема каравана. Но я сразу взял быка за рога.

Ну конечно, он об этом думает! Он только об этом

и думает, но ведь он не ждал меня так рано! Сделав это замечание, Кассим начал меня расспрашивать о морских течениях, о Баргале, поинтересовался, как поживает его коллега Башир Хассан... Но видя, что моя решимость как можно скорей отправиться в горы непоколебима, Кассим, наконец, признался:

— Самое главное — найти человека, на которого можно положиться, а уж он обо всем позаботится.

— И у тебя есть такой человек?

— Как тебе сказать... Возможно! Это бывший маршал (сержант) итальянской армии. Потом он служил здесь в полиции, потому что в Алуле живет его семья. Сейчас он вышел в отставку и ничем не занят. Никто лучше его не знает эти места! Его зовут Мусса Арет. Хочешь с ним познакомиться?

— И немедленно!

Старик, который пришел, понравился мне еще больше, чем *накуда* из Берейды. Его взгляд — сама искренность, помноженная на почтительность. У него красивая голова, великолепные морщины, седые курчавые волосы. И на все вопросы Кассима, пойдет ли он со мной, сумеет ли поладить с погонщиками верблюдов, поможет ли в общении с местными жителями и т. д., Мусса отвечает со скромной уверенностью, которой недостатки произношения придают обезоруживающую прелесть. Он говорит, заикаясь, на солдатском жаргоне, но выпаливает длинные очереди слов, как пулемет.

Сначала смущение тормозило слова на его устах, но затем доброжелательность распечатала их и он отвечает залпами. Я чувствую, что Мусса полностью согласен сопровождать меня, если я не возражаю.

— Скажи, я тебе понравился? — спрашиваю я на ужасном итальянском языке.

— Да, профессоре (!)...

— Ты мне тоже нравишься. Сколько тебе лет?

— Я уже стар, увы, очень стар... Мне пятьдесят три года.

— На десять лет меньше, чем мне! Да ты просто мальчишка и должен меня уважать.

— Да, да, профессор...

— Я рассчитываю пойти на юг, потом на юго-запад, потом свернуть на северо-запад и выйти к морю у Кандады.

— Хорошо, профессоре... Но там очень круто, очень трудная тропа!

— Где ты думаешь найти людей и верблюдов?

— В Хабо, профессоре...

— Что ж, это еще лучше, потому что я как раз туда собираюсь. Постарайся прибыть в Хабо как можно скорее.

Меня смущает лишь то, что Мусса упорно величает меня профессором, хотя я не имею на это звание ни малейшего права! Но я боюсь, что разочарую его, если начну разубеждать... Итак, пусть я буду для него профессором, раз уж ему так хочется; зато я охотно стану называть его «марешале»...

* * *

Чтобы добраться до Хабо нам понадобится три часа.

У подножия прибрежного обрыва Филук волны выдолбили глубокий грот с правильным стрельчатым сводом. И весь этот утес на мысу походит на средневековый собор с готическим порталом, куда заходит прибой.

За Бендер-Джебидом мы проходим вплотную мимо потерпевшего аварию парохода, который сидит на мели вот уже несколько месяцев. Это «Арес», если верить документам, переданным сомалийским властям; он плавал под японским флагом. У него отказал двигатель, пароход сел на мель, команда уплыла на другом судне, и с тех пор никто не возвращался... Поскольку сомалийское правительство отвечает за эту развалину, на пароходе установлен пост из трех человек, которым строго запрещено отлучаться. Несчастливым «пленникам» смертельно скучно, снабжают их редко, и они рады любому развлечению. Заметив нас, они заметались вдоль борта, явно намереваясь с нами поговорить.

Однако Мохаммед уже вновь обрел все свое высокомерие *накуды* и не собирается снижать ход. Наоборот!

— Сейчас самые низкие приливы. Мы уже не сможем войти в *кхор*. А пересаживаться на рейде из *самбука* в *хури* надо засветло.

Но, как и следовало ожидать, мы прибываем на место лишь ночью. После нескольких неожиданных купаний в темноте, я наконец высаживаюсь в обмелевший *кхор* и почти посуху добираюсь до дома моего друга Новеллы.

Новелла и Сиринго только что сели ужинать; при моем появлении их вилки замирают на полпути... Заросший, перепачканный в мазуте, я похож на карикатуру на самого себя. Тем не менее они заставляют меня в таком виде сесть к столу, чокнуться с ними, есть и говорить одновременно.

Встреча с этими людьми равносильна встрече с родными! Коротко рассказав обо всем, что со мной приключилось, — о невезенье на море и удаче на суше, — я делюсь с ними надеждами, которые вызвала во мне последняя встреча с Кассимом и его маршале. Беседа сразу же обращается к изучению миджуртинов и перспективам моей экспедиции. В тот вечер мы говорим только об этом.

Вдруг Новелла заявляет:

— Прежде чем отправиться в путь, вам необходимо познакомиться с одним замечательным человеком. Нур выступает посредником между нами и рабочими, а для переговоров с местными властями мы всегда прибегаем к помощи капо²⁸ Мохамуда Фара Шируэ. Это старый сомалиец из знатного рода. Он знает все, что только можно знать о прошлом своей страны, лишенной писаной истории. И как раз завтра он должен сюда прийти.

Глава девятая

ДАРОД И ЕГО ПОТОМКИ

Он прибыл на следующий день вечером и был тут же «одолен» мне, еще до переговоров с моими хозяевами, для которых его и вызвали. Мы уселись перед полным кофейником. Мохамуд Фара Шируэ говорит по-итальянски и прибегает к родному сомалийскому только для сложных объяснений. В первом случае мне приходится на помощь Сиринго, во втором — бой Абдулхай, прирожденный толмач. Таким образом, в нашей беседе, важной для обоих, не остается темных мест.

²⁸ Капо (от франц. *caporal* — «капрал») — здесь до сих пор всюду воспринимается, как вождь, старейшина, но только клана или нескольких семей, связанных родственными узами.

Тихий голос Мохамуда Фара Шируэ звучит особенно мелодично на фоне шумного концерта морских птиц, недовольных тем, что во время отлива «их» лагуна осталась без воды. Как многие хорошо сохранившиеся восьмидесятилетние старики, он по-своему величествен и прекрасно это сознает. Из-под великолепного тюрбана без единой лишней складки на меня неотрывно смотрят пронзительные глаза. Время от времени длинная сухая рука поглаживает седую бороду.

Гость первым начинает задавать вопросы. Он хочет знать, с кем имеет дело. С журналистом, признается он, ему не хотелось бы даже разговаривать. Но, видя, что мои вопросы свидетельствуют о хорошем знании сомалийского народа, он перестает колебаться и говорит со мной свободно, без стеснений. Постараюсь как можно более точно воспроизвести его рассказ:

— Давно, очень давно, задолго до пришествия Дарода, нашего прародителя, предка всех людей с востока, другие люди нашей крови вышли из Аравии под предводительством вождя своего Исаака и поселились где-то в Египте, наверное в Нубии. И хотя в жилах наших течет одна кровь, судьбы у нас были разные, ибо прошли тысячелетия, прежде чем наши предки, медленно продвигаясь на юг, наконец соединились с нами.

Дарод, наш прародитель, тоже вышел из Аравии, но он пришел с юга этой страны, и только после «хиджры»²⁹, более тринадцати столетий тому назад. Проповедуя ислам, он высадился вначале в Зейле, неподалеку от Джибути. Но, не сумев обратить в святую веру обитавшие там племена, он пошел на восток, в Берберию. Однако и там его ждала неудача, и там его вещее слово не было услышано. Тогда он добрался до Хабо, где я с тобой говорю сегодня, до этого берега залива Филук, настоящее имя которому — Фейлак.

Здесь его встретили гостеприимно, и он решил идти дальше пешком, проповедуя свою веру, до самого дальнего конца Африки. И так получилось, что он обосно-

²⁹ Х и д ж р а (арабск.— откочевка, переселение) — переселение Мухаммеда, основателя мусульманской религии, и его сторонников из Мекки в Медину в 622 г., вызванное давлением его противников. В Медине завершилось организационное и идеологическое оформление мусульманской общины. 622 год — год хиджры — позднее был принят за начало летосчисления у мусульман.— *Прим. ред.*

вался в Берейде: высокие горные цепи, простая доброта людей пришились по душе этому великому подвижнику. Ты тоже был там? И ты видел пещеру, где он укрылся на ночь? Так вот, с восходом солнца каждый день он поднимался на гору над этой пещерой и молился богу. Слух о его добродетелях распространялся окрест. К нему приходили, чтобы увидеть его, услышать или хотя бы коснуться одежд. И он решил, что достиг места, предназначенного ему аллахом для проповеди веры.

Дарод взял в жены «женщину с гор», которая родила ему пятерых детей. Запиши их имена, ибо я думаю, что кроме меня лишь немногие смогут тебе их сегодня назвать. Это были Каблата, старший сын, Седех, дочь, и еще три сына: Танадех, Исса и Юсуф.

* * *

Брак проповедника ислама с «женщиной с гор» вызывает немало вопросов. Какой расы была эта женщина? Можно ли считать ее сомалийкой, если клан Дарода вышел из Южной Аравии раньше него самого?

В 1878 году Ревуалю сообщили имя этой женщины, но не сказали, что она происходит с гор. Ее звали якобы Дубарра и была она дочерью Доголлы, сестры короля Дюра, что еще больше усугубляет этническую путаницу³⁰.

Ревуаль добавляет, что «сын» патриарха Дарода, Харти, или Жабарти бен Исмаил, — Мохамуд о нем даже не упомянул — был отцом четырех вождей мид-

³⁰ Во всяком случае, для нас, Ревуаль считал сомалийцев прямыми потомками древних жителей Пунта. В этом его убедил тип некоторых женщин с ярко выраженной стеатопигией, аналогичный тому, который описывали посланцы фараонов. А он таких женщин видел собственными глазами.

Однако маловероятно, чтобы сомалийцы жили здесь за две тысячи лет до нашей эры, когда в Пунт приходили из Египта корабли фараонов. Ниже, в примечаниях к стр. 134, я указываю, что Бауман и Вестерман обнаружили только в одном клане отверженных париев (мидганов) поразительное сходство с «желтыми людьми» (койсанами), первыми обитателями Африки, чьи дальние потомки, бушмены и готтентоты, в настоящее время оттеснены на юг континента. Но и этих «желтых людей» мы не можем с уверенностью считать древними жителями Пунта. Для этого нет достаточных оснований (см. Послесловие.— *Ред.*).

журтинских племен. Харти, общепризнанный родоначальник современных племен на северо-востоке Сомали, в действительности был, скорее, одним из потомков Дарода, а не его сыном и прямым наследником.

Что касается происхождения «женщины с гор», есть соблазн предположить, что она и в самом деле была сомалийка и что вообще Дарод проповедовал ислам не инородцам, а своим собратьям, переселившимся сюда до его прихода. Потому что чистота миджуртинского типа исключает мысль о возможных, даже древних, слияниях с африканскими племенами.

Итальянский этнолог Э. Черулли полагает, что предшественниками сомалийцев в этих краях были племена галла, которые победили и вытеснили народность банту. В его распоряжении один из двух уцелевших экземпляров рукописи «Книги Зёнги», где захват этой территории племенами галла излагается как исторический факт. Однако между галла и современными сомалийцами слишком мало общего, чтобы поверить в возможность смешения этих двух народов.

Скажу в заключение, что Дарод, по-видимому, выбрал себе жену своей собственной расы, из семьи, переселившейся сюда задолго до его прихода. Но это только мое личное мнение. Я намеренно воспроизвожу здесь то, что говорили или писали другие, чтобы никоим образом не повлиять на свободу мысли будущих исследователей.

* * *

Итак, Мохамуд Фара Шируэ продолжал:

— Теперь ты знаешь происхождение нашего народа. Со временем нас становилось все больше, мы продвинулись на юг и заселили земли в Эфиопии и Кении. Народ наш разделялся на четыре больших племени: миджуртинов — это наше племя, варсангали — они живут к западу от нас, дольбохантов³¹ и огаденов.

Мы относимся к шафейтскому направлению исламской религии, как половина йеменцев, египтян, жителей Омана и других арабов Северной Африки. Следовательно, мы принадлежим к суннитам, как маликиты Сирии,

³¹ Дольбоханты наиболее близки к миджуртинам.

Ливана, Иордании, а также ханифиты Пакистана и ханбалиты Саудовской Аравии. Ты, конечно, знаешь, что приверженцы шафеизма сильно отличаются от шиитов Ирана и зейдитов Йемена, особенно же от исмаилитов Ага Хана ³².

Я не буду говорить о наших братьях из рода Исаака, потому что знаю о них немного, об абер-йони, абер-ауала, абер-джахола и прочих, которые живут на северо-западе, еще дальше, чем наши варсангали. Они живут у границ Французского Сомали, где ваше влияние велико по сей день. Да поможет нам бог, и да придет день, когда самые далекие из наших братьев объединятся!

Народ наш наверняка один из самых древних в мире. Имя Аден ³³, столь часто у нас встречающееся, — это воспоминание о первом человеке. Но прошу тебя, не спрашивай, что было до нашего исхода из Аравии: я не смогу тебе ответить. Я говорил только о том, что знаю сам.

* * *

И в самом деле, происхождение этого народа окутано тайной. Какие судьбы вели из края в край хамитов, прежде чем они обосновались в Аравии? Может быть, они были одним из дравидских племен Индии?

Возможно, первое поколение Исаака прошло через Джедрозию (Белуджистан), через Южный Иран и Месопотамию, прежде чем арийцы перерезали по вертикали этот путь, спускаясь из азиатского центра к югу.

Может быть, второе поколение, поколение Дарода, снялось с места гораздо позднее и двинулось по дороге, по которой перевозили благовония, отклоняясь на юго-запад, к Теиме? Или же их путь лежал на Гехрру, упоминаемую в Библии (близ Бахрейна на берегу Персидского залива), а оттуда через *quadragenta dies iter* ³⁴ Эратосфена на Хадрамаут.

³² Я привожу здесь слова Мохамуда Фара Шируэ, не обсуждая их, потому что это увело бы нас далеко от темы.

³³ Адам.

³⁴ Сорокадневный переход (расстояние в сорок дней пути). — *Прим. ред.*

Было бы самонадеянно пытаться сделать окончательные выводы в столь сложном вопросе. Тем более что, когда я показал Мохамуду набросок карты с возможными путями миграций, он решительно остановил меня:

— Истинно лишь то, о чем говорят предания, остальное — пустые выдумки. Так зачем забивать себе голову?

Он допил маленькими глотками последнюю чашку кофе и, сделав прощальный жест, удалился с величавостью восточного волхва.

* * *

На следующее утро мой *абан* маршале Мусса Арет явился ко мне в сопровождении трех незнакомцев. Один мне показался довольно симпатичным, двое других понравились значительно меньше.

Мусса Арет представил мне первого:

— Мохаммед Омар, бывший сипай. Я его называю попросту Мохаммало. Местный житель, знает почти все, что и я... только опыта у него на двадцать лет меньше. Не боится усталости, помнит каждый камень на тропе. И то и другое будет тебе полезно, профессор.

— А что он делает сейчас?

— Водит караваны.

— Договорись с ним: он поведет наш караван. А кто эти двое?

— Хозяева верблюдов. Они тебе дадут верблюдов, конечно, если вы договоритесь.

Договориться с этими людьми оказалось непросто. Они думали лишь о том, как бы сорвать с меня побольше. Но, видя, что я твердо стою на цене десять шиллингов с головы в день, — эту цифру мне заранее подсказал комиссарю, — в конце концов согласились. Поскольку нас будет трое, я попросил привести трех ездовых верблюдов.

Ездовых? Как бы не так! Сомалийцы никогда не садятся на вьючных верблюдов, предназначенных только для перевозки грузов.

— Но если они могут везти вьюки, — говорю я, — почему бы им не везти и людей?

— Нет, нет! Они не смогут ступать так же уверен-

но, они поранят себе ноги и сбросят человека. Сразу видно, что ты побывал только на побережье. Ты не знаешь, какие крутые у нас горы!

Я сильно сомневаюсь в правдивости их слов и соглашаюсь лишь из уважения к обычаям:

— Что ж, пойдем пешком. Но в таком случае нам понадобится лишь один верблюд...

Такого оборота дела они не ожидали и сразу пожалели о своей откровенности.

— Одного верблюда мало для выюков и припасов!

— У меня всего пятнадцать килограммов багажа в двух брезентовых мешках одинакового веса.

— А рис? А вода? На крайний случай надо иметь в запасе четыре полных бурдюка. А циновка? А упряжь верблюдов? Нет, понадобится не меньше трех верблюдов.

Поспорив, согласились на двух — по верблуду от каждого хозяина... И у каждого верблуда будет свой погонщик. «Потому что на такой трудной дороге, на таких крутых склонах и т. д., и т. п.» Аргументы все те же. После долгого торга наконец договорились и о плате погонщикам. Теперь хозяева верблюдов потребовали от меня задатка, но я упорно отказывался: все деньги будут выданы только через маршала и только в конце пути.

Мусса Арег, в свою очередь, попросил выдать ему деньги на покупку съестных припасов — риса и сахара. Чай у меня есть. Кроме того, нужно «смазать жиром котел», таков обычай. В этот момент появился Новелла и обещал нам двадцать банок консервированного тунца. Теперь все в порядке.

— Выходим завтра на рассвете! — сказал я, поднимаясь с места.

— Уа фина! (Хорошо!)

Два часа спустя Мусса Арег возвратился. Только бы он не объявил, что все лопнуло и выход откладывается! Но нет, все благополучно. Он купил, что надо, и просто хочет вернуть мне сдачу, все до последнего пенса... Я не ошибся, когда сразу поверил в честность старого солдата!

Считанные часы, которые оставались до выхода каравана, я провел с немалой пользой благодаря нашему слуге Абдулхай, смышленому сомалийцу, прилично знающему английский язык. В юности он тоже немало полазил по здешним горам.

Абдулхай объяснял мне значение приставок в местных географических названиях: *лас* — место, где есть вода; *эль* — колодец; *аншор*, или *мохор*, — бассейн или естественное углубление, куда стекают ручьи; *бохол* — водопад; *туг* — пересыхающая речка; *бур* — гора; *даррей* — местность, где растут некоторые плодоносные деревья; *год* — пещера.

Абдулхай предупредил меня, что ни в коем случае не следует удаляться от путей, проложенных с незапамятных времен полукочевыми племенами, единственными обитателями этого района. Рельеф местности не допускает никаких сокращений дороги за счет срезания углов. Да и сами тропы почти незаметны, отыскать их может лишь опытный проводник.

На плоскогорьях тропу еще можно различить: покрывавшие ее камни отброшены в стороны ногами людей и верблюдов. Но на дне вади, каньонов глубиной более пятидесяти метров, заполненных осыпающейся галькой, не остается никаких следов. Лишь такой проводник, как наш Мохаммало, сможет определить, по руслу какой пересохшей реки спускаться, в какой приток сворачивать, по какому склону снова взбираться на плоскогорье.

Здесь, на мысу Благовоний выпадает в три раза меньше осадков, чем на юге Сомали: 700 мм в год, и к тому же в другое время, с сентября по март³⁵. Однако, по словам Абдулхая, пересохшие реки могут даже от одного редкого ливня внезапно переполниться... и так же быстро снова иссякнуть.

В заключение урока Абдулхай заставил меня зубрить несколько сомалийских слов, необходимых для:

³⁵ Это объясняется особенностью индийских муссонов: пока они доходят до страны миджуртинов, они теряют над Аравией почти всю влагу. А над южными и центральными районами Сомали проходят муссоны из Южной Африки, дующие с марта по сентябрь.

общения с местными жителями. Он составил мне краткий словарь формул вежливости и... названий блюд.

Затем я познакомился с нашими погонщиками верблюдов.

Нур Моза высок, худощав, бородат, на седеющей голове во все стороны торчат острые завитки волос. Движения и речь его торжественно-медлительны, как у пророка. Кстати, Моза и означает Моисей... И хотя это лишь его второе имя, имя его отца³⁶, я так его отныне и называл, чтобы не путать с другим Нуром, который у меня ассоциировался с Сокотрой. Впоследствии Моза был весьма польщен тем, что к нему обращались по имени его почтенного *баба*.

Второй погонщик, Юсуф Мохаммед, гораздо моложе. В отличие от своего старшего собрата он выбрит до блеска, и голова его походит на яйцо. Вид у него плутоватый. Он и оказался плутом, но очень робким.

Что касается Мохаммало, то мое уважение к бывшему сипаю, столь горячо рекомендованному мне Муссой Аретом, в дальнейшем только укрепилось. Я в нем не ошибся. Мохаммало со всеми держался по-товарищески, а со мной — предупредительно. Сказывалась привычка к дисциплине, любовь к военному порядку. Он готов был на все, лишь бы достичь цели, и проявлял недюжинное умение в выборе маршрутов. Никогда не уставал и всегда первым спешил выполнить любое приказание. В жизни я не был так доволен и горд, что под началом у меня такой замечательный человек!

Итак, все готово. У каждого сомалийца за поясом традиционный кинжал со слегка изогнутым лезвием и плоской медной рукояткой; на ногах — сандалии, состоящие из толстой чуть вогнутой деревянной подошвы и ремешка, пропущенного между большим и соседним пальцами ноги и привязанного к щиколотке, так что пятка свободно болтается. Как же они будут в них ковылять?

Наши верблюды — высокие животные светлой масти. В зависимости от возраста такие верблюды стоят от пятисот до восьмисот шиллингов, то есть треть или половину того, что нужно уплатить за жену, как объяс-

³⁶ У сомалийцев имя отца ставится непосредственно за именем сына, без соединительной частицы «бен» или «бин», как у арабов.

нил мне Абдулхай, который сам еще не сколотил нужной для женитьбы суммы...

У сомалийских верблюдов сильные ноги; подошвы у них шире, чем у аравийских, а жажду они переносят ничуть не хуже и могут обходиться без воды десять дней. Каменистая почва этого края приучила их передвигаться шагом, но довольно размашистым.

— Они будут делать по пять километров в час, не зная усталости, — уверяет меня Мусса Арет. — По любой дороге, по ровной и по скалам. В горах они просто удлиняют шаг...

Обычная уздечка охватывает затяжной петлей морду верблюда над ноздрями. Кроме того, вокруг верхней губы затягивается крученая бечевка — на случай непослушания. Мне еще предстоит увидеть, как погонщик тянет за такую бечевку упрямого верблюда, чтобы заставить его спуститься с каменной плиты, на которой тот балансирует с видом сварливой старухи.

Один из верблюдов кажется мне особенно капризным. Я тут же даю ему прозвище: Камбронн³⁷. В дальнейшем он сделает все, чтобы его оправдать!

Следует признать, что два верблюда для нашего груза — это еле-еле! Мой личный багаж почти ничего не весит, но кроме него есть еще свернутые циновки, полцентнера риса, сундучок с финиками, сумка с сахаром, а главное — четыре бурдюка с водой! Каждый сделан из целой козьей шкуры (без головы), и, чтобы достать воду, надо ослабить завязку на шее или на одной из ног.

Так в общих чертах выглядит наш маленький караван, готовый двинуться в путь.

³⁷ Камбронн Пьер — наполеоновский генерал, прославившийся своим упрямством. В битве при Ватерлоо на предложение сдаться он ответил одним словом: «Дерьмо!» — и добавил: «Гвардия умирает, но не сдается». — *Прим перев.*

Часть II

КАРАВАН В ГОРАХ

ДЖЕГГАРЫ НА ГОРНЫХ ТЕРРАСАХ

Вместе с маршалом и Мохаммало мы решили углубиться в горы по широкой расщелине, выходящей к порту Дурбо, над которым я пролетал по пути из Босасо. Там в береговых скалах образовалась довольно удобная брешь.

Поэтому первый наш переход километров в тридцать мы совершаем по берегу моря, близость которого все время пугает верблюдов.

На полпути нам попадается деревня Мерейя³⁸, скромная на вид. Когда-то она пользовалась немалой известностью. Здесь в начале девятнадцатого века находилась резиденция прапрадеда последнего богора. Затем, когда он покинул Мерейю, местный султан вообразил, что достаточно силен, восстал и пошел войной на правителя Алулы, сохранившего верность богору. Предлогом послужил несправедливый дележ остатков груза после кораблекрушения. Это происходило в 1878 году, во времена Ревуаля. Эпические сражения долго подготавливались — и порой разыгрывались... но не часто.

Этот порт до сих пор остается перевалочным пунктом, куда стекаются благовония со всего побережья. Ревуаль считает, что где-то здесь, недалеко от моря, находился источник киноцефалов (павианов), известный древним мореплавателям. Обилие и хорошее качество воды вблизи Мерейи, несомненно, способствовали славе этого порта.

Немного дальше по берегу у выхода вадии — маленький цветущий оазис. Но горы тут же снова вплотную придвигаются к морю навстречу волнам и кораллам.

Тропа становится узкой и каменистой. Она завалена известняковыми глыбами, оторвавшимися от скал, в которых вместо них зияют пещеры. Эти глыбы оторвала карстовая эрозия — тысячелетнее проникновение воды по трещинам в скалах.

Все чаще я вижу на скалах *джеггары* — зеленые деревца с желтоватыми стволами. Они лепятся сотнями

³⁸ Некоторые местные жители называют ее Муранией.

на карнизах обрыва, карабкаются на уступы или выделяются пастельными пятнами на фоне черных зрачков пещер. Все это производит впечатление олимпийского стадиона с гигантскими растительными скамьями...

— Смотри хорошенько! — кричит мне Мохаммало. — Нигде больше ты не увидишь столько *джеггаров* за раз!

Я рассматриваю одно деревце. Оно держится без корней, с помощью широкой деревянистой подошвы, на пятидесятитонной глыбе, влага которой его питает! Кора на дереве местами облезла, обнажив прозрачную кожицу, напоминающую кожу змеи, сброшенную во время линьки. Из этих мест сочится смола. У подножия дерева она собирается в оранжевую массу с белыми прожилками.

— Это *махадди*, — говорит марешале. — Можешь пососать. Вкусно. Только потом выплюнь.

В первый же день я увидел огромные заросли босвеллии³⁹, дающей олибан, или женский ладан, который арабы называют *ла'еес*: это ароматическая смола, имеющая прекрасный запах даже в сыром виде⁴⁰.

Эти многочисленные деревья на присосках напоминают колонию мидий, прилепившихся к подводным камням. Большинство из них надрезано и истекает смолой. Однако, вскарабкавшись повыше, я вижу, что менее доступные деревца не тронуты. Если организовать здесь систематический сбор ароматной смолы, это было бы весьма перспективным делом.

Через полкилометра мы натываемся на нескольких сомалийцев, отдыхающих рядом с верблюдом, навьюченным полными мешками. Морской ветер треплет концы тюрбанов погонщиков, полощет полы синих и красных рубах и злит их дромадера. Мохаммало, который знает тут всех, говорит, что это сборщики *махадди* из Дурбо.

Две недели назад они прошли здесь и особыми ножичками сделали на деревьях надрезы — очень осторожно, чтобы не нанести глубоких повреждений. А теперь они собирают смолу. Приемные воронки для этого не нужны, потому что потеки смолы застывают, как магма.

³⁹ *Boswellia freereana*.

⁴⁰ Если мои знания не позволяли мне на месте определить название смол-резин и соответствующих деревьев, то я сделал это позднее и очень точно по фотографиям и образцам.

Как и в Берейде, сборщикам приходится уступать плоды своих трудов скупщикам монополии за мизерную цену в три шиллинга за килограмм. Они горько сожалеют, что не могут продавать благовония торговцам, приплывающим на баркасах из Адена, где цены куда выше.

Но я не особенно беспокоюсь. Наверняка они кое-что сбывают на сторону. Однако чем дальше, тем больше я убеждаюсь в том, что, будь официальная оплата немного выше, а местные жители смелее, благовонные смолы могли бы стать неистощимым источником доходов этой страны, как в былые времена, когда она снабжала фараонов и царей сабейских...

* * *

— Марешале, мы, наверное, еще увидим *джеггары* в горах?

— Там их меньше: *джеггарам* больше нравится у моря, потому что здесь камни влажнее. Но в горах немало других пород! Чем суровее места, тем они богаче.

Нас часто поражают контрасты некоторых стран, скудных и одновременно изобильных... И, глядя на их нищую природу, невольно спрашиваешь себя: каким образом эта скупая земля рождает столь драгоценные плоды?

Деревья продолжают попадаться нам тысячами. Мы продвигаемся между полосой привлекательной зелени и полосой свежего прибоя.

За прибрежными зарослями, над которыми возвышаются зонты мимоз, волны грызут кораллы и брызжут пеной. Под навесом мадрепорового грота развешена рыба, которую оставили вялиться на солнце. Тут ютятся два одиноких рыбака.

Весь день они бороздили в *хури* многочисленные протоки, осматривали ямы, где рыба легче ловится, бродили по камням, рая ноги иглами морских ежей. Они могли бы наловить сколько угодно креветок и набрать съедобных мидий, но те здесь не в почете. Рыбаки предпочли отборную рыбу. И сейчас, когда день кончился, они о чем-то грезят, сидя рядом со своими орудиями производства: веслами, сетями, острогами. И отгоняют длинной палкой вороватых чаек.

До сих пор у меня стоят перед глазами эти два друга, погруженные в понятное обоим молчание, усталые и счастливые близостью «великой лазури», которая их каждодневно испытывает и одновременно кормит. Мне кажется, они смотрят на море с нежностью. Оба уже старики, у обоих застывший взгляд, как у всех, кто провел жизнь на море. Наш караван их не интересуется. И они не расположены рассказывать о своих многочисленных приключениях. Какая замкнутая, скрытая и в то же время богатая жизнь!

Я с трудом отрываюсь от великолепных раковин, усеявших дно бухточки. Чего здесь только нет — и стромбусы, и ципреи, и аргонавты...

— Уа арийя! (Пошли!) — подгоняет нас Мохаммало.

Закат простирает над нами золотые крылья. Даже сварливый Камбронн ускоряет шаг: видимо, мы приближаемся к концу перехода... И действительно, вскоре за выступом скалы горы отступают от моря.

Глава вторая

В ГОСТЯХ У КАДИ В ДУРБО

Собственно говоря, Дурбо — это две деревни, разделенные глубоким вадом. Прибрежная тропа здесь обрывается: дальше на запад к Кандале дороги нет.

Несколько маленьких лодок возвращается в бухту. Мальчишки вытаскивают их на сушу и раскладывают сети; старик рыбак тут же осматривает их, чтобы починить прорехи. Мужчины делят между собой улов. В этот час они подводят итоги целого дня тяжелого и опасного труда. Я вспоминаю пахарей Милле, которые, глядя в небо, остановились возле плуга. Здесь это пахари моря, рыбаки, которые с трудом переводят дух, но все еще невольно обращают взоры к морю...

Один из них, знающий, что надо делать, ведет нас во вторую половину селения. Хотя уже наступил вечер, время костров и бесед, жизнь деревни прячется за стенами *гурги*. Только голоса или дым очагов свидетельствуют о том, что селение обитаемо. Наши верблюды за-

девают изгороди, мы увязаем в мягком песке, усеянном обломками красных кораллов, и, наконец, добираемся до маленькой площади перед глинобитным домом, выбеленным известью.

— Самогó кади сейчас нет, — объясняет рыбак, — но вас примет его отец. А вот и он!

Старик, словно вышедший из седой старины, обнимает Муссу, которого здесь, несомненно, все знают, и тихо приветствует меня:

— Мафаида? (Как поживаешь?) Галаб уа наксан! (Привет тебе!).

В узкой комнате, выстеленной циновками, он показывает мне ложе из переплетенных ремней:

— Оно тебе подойдет. А марешале переночует на циновке.

— Спасибо, но мне тоже будет лучше на полу.

— Как хочешь! Отдыхай и не заботься об ужине, — все будет приготовлено.

Пять-шесть сомалийцев, прибежавших из деревни, приносят дрова, воду. Они разжигают огонь и помогают нашим погонщикам отогнать на берег и стреножить верблюдов.

Я устраиваюсь рядом с моим слугой-оруженосцем. Оба наших револьвера и ружье Мохаммало повешены на гвоздь. Свою шляпу я бросил на *ангареб*, Мусса Арет тоже снял свой тюрбан, в развернутом виде длинный, как река. Без этого почетного украшения голова его кажется совсем маленькой...

Бедный заика выражает свое удовлетворение, перемежая залпы слов мучительными паузами. Масляная лампа мягко светит нам. Мы вместе рассматриваем литографию Каабы. Но тут я замечаю в стенной нише стакан козьего молока.

— Пей, — говорит Мусса Арет. — В этом доме все твое, профессóре.

Снаружи наши попутчики варят рис со свежей рыбой и болтают с местными жителями.

Позднее они вместе творят вечернюю молитву на берегу моря, которое словно вторит им глухим рокотом. Обжигающий чай помогает нам утолить жажду. Отец и один из братьев кади спрашивают, не нужно ли нам еще чего-нибудь. И желают спокойной ночи:

— Абен уа наксан!

Хотя мы оставили дверь открытой, я задыхаюсь в тесной комнатушке. Марешале давно уже в царстве грез, а я все еще ворочаюсь с боку на бок, завидуя погонщикам, которые расположились у порога.

Наконец терпение мое лопнуло! Я переступаю на цыпочках через моего соседа, перешагиваю через тела, лежащие снаружи, и жадно дышу соленым воздухом. Десять метров мягкого песка — и я на берегу моря.

Два канделябра вздымаются над пляжем — это головы наших длинношеих верблюдов, которые бранят меня за то, что я их побеспокоил. Но свежий воздух — всеобщее достояние! И я укладываюсь рядом с ними.

Залив успокоился, притих и сверкает, как серебряное зеркало. Медленные волны с белой оторочкой нашептывают колыбельную. И даже разбуженные дромадеры прислушиваются вместе со мной к голосу ночного моря, словно и они очарованы его красотой.

Между нами большие раковины стромбусов светятся под луной, как изваянные из слоновой кости. Я погружаюсь в блаженное оцепенение. *Берри* (завтра) мы повернемся лицом к горам и уйдем от моря, и мне хочется в последний раз насладиться его красотой, прежде чем сказать ему «прощай».

Но чьи-то руки вдруг осторожно касаются меня: это марешале, обеспокоенный моим исчезновением. Он решил не расставаться со мной.

Однако марешале выдерживает не больше часа, начинает дрожать, кашлять. Поскольку до рассвета уже недалеко, я возвращаюсь вместе с ним в дом. Мы перешагиваем через наш храпящий с открытыми ртами эскадрон и снова ныряем в душегубку для почетных гостей.

В половине пятого Мохаммало расталкивает своих товарищей:

— Лаксо! (Скорее!) Мантай (Сегодня) дагга, дагга... (камни, камни...) Корр! Дагг! Корр! (Вверх! Вниз! Вверх!)

На завтрак нет времени. Верблюдов навьючивают молниеносно. Молитва сокращается до предела. Отец и брат кади едва успевают поздороваться с нами — *Суба уа наксан!* — пожелать нам доброго пути и предупредить о трудностях, которые нас ожидают. Я отвечаю, что тяжелый путь заставит нас чаще вспоминать об их гостеприимстве.

Местный житель, прослышавший вчера, что я интересуюсь растениями, приносит мне *мальмаль*, мирру, которая избегла скупщиков монополии и которую он намеревается продать нам по десять шиллингов за килограмм. Однако Мохаммало сразу разбивает все его надежды, заявляя:

— Он хочет видеть деревья.

И добавляет, что покажет мне таких деревьев сколько угодно!

Я подбадриваю его прочувствованным «уарама!» («очень хочу!»).

В половине шестого мы прощаемся с этими славными людьми, и тут же начинаются наши муки на каменистой тропе. Скоро мы уже кажемся тем, кто остался внизу, маленькими черными фигурками, а наши друзья все еще провожают нас взглядами и машут руками.

Глава третья

УЩЕЛЬЯ БЛАГОВОНИЙ

Мы ушли уже далеко. *Корр! Дагг! Корр!* Карабкаясь вверх, спускаясь вниз и вновь поднимаясь еще выше, мы штурмуем горный хребет Анкот, тянущийся вдоль берега моря. При восхождении мы думаем только о препятствиях, встающих у нас на пути, только о том, как их преодолеть. Зевать по сторонам некогда! Мы даже не пытаемся разглядеть бранчливых обезьян, которые прыгают по горным карнизам, кое-где оживленным скудной зеленью.

Наконец, перевалив через хребет, мы вытягиваемся гуськом на тропе, идущей по выступающему известняковому пласту вдоль крутого склона. Этот узкий горизонтальный карниз кажется нам благословением после

бесконечных спусков и подъемов. К тому же он совершенно ровный, и ноги наши отдыхают. Остается только следить, чтобы не оступиться и не съехать в пропасть.

Хотя у верблюдов кружится голова, нам пришлось на этом же карнизе сделать остановку и переждать самое жаркое время — от одиннадцати до часу дня. При взгляде на открывающуюся отсюда панораму напрашивается одно слово: землетрясение.

Сильные толчки, внезапные разрывы перемешали здесь геологические пласты. Слой эоценового морского известняка — зачастую твердого, как кремь, и очень тяжелого — был поднят и сорван, из-за чего на откосах обнажились длинные языки залежавшего ниже рыжеватого мергеля. Медленная работа воды внесла в этот хаос промоины, обвалы и выточенные скульптуры. Под влиянием климатических изменений скалы приобрели фиолетовый или коричневый цвет. Среди этих декораций дантовского ада человек чувствует себя ничтожным и потерянн⁴¹.

Во второй половине дня едва мы двинулись в путь, как нас остановило неожиданное препятствие: ровный карниз кончился. Пришлось сползать вниз, чтобы отыскать такой же этажом ниже. Но и он вскоре перешел в обрыв...

Мохаммало приставляет ладони козырьком ко лбу, чтобы лучше разглядеть долину, изгибающуюся в глубине крутой петлей.

— Вади Лабарра, — объясняет он. — Спустимся туда. Пойдем от ущелья к ущелью и как-нибудь доберемся до Эль-Гала.

Козья тропка сбегает отсюда почти вертикально. Она приводит нас к площадке над сужением вади.

— Ты хотел видеть еще *джеггары*? Смотри, вот они!

Деревья образуют густой «букет» в этом узком коридоре, где сохраняется немного влаги. Прижимаясь друг

⁴¹ Профессор Рагэн любезно согласился изучить геологические образцы, собранные мною во время экспедиции. Все мои объяснения основаны на его научных заключениях. Так, например, скалы, имеющие снаружи фиолетовую окраску, но ослепительно белые внутри, очень плотные по структуре, согласно моим образцам состоят из радиолярий и других морских организмов, которые силификация уже начала превращать в яшму.

ж другу сбоку или сверху, они борются за лучшие места. Плотная листва переплетенных крон образует как бы зонт.

Дальше вади Лабарра расширяется перед поворотом, который мы видели сверху. В нем соединяются три высохших русла, и невозможно понять, откуда и куда текли по ним реки. Где тут начало, где конец?

Мохаммало заявляет, что одно из русел, ведущее на Баргаль, вливается в вади Кухи Галлал. Разумеется, этих речек нет ни на одной карте.

Вскоре перед нами предстает грандиозный пейзаж. Крутое мраморное ложе *бохола* — водопада — сверкает над овальным водоемом. Кажется, что это какой-то фантастический бассейн... к сожалению, без воды!

Здесь новые группы *джеггаров* заменяют отсутствующую воду: они теснятся в глубине бассейна, на его краях или на прочных известняковых столбах, пощаженных эрозией. Кто бы подумал, что среди хаоса голых скал нам встретится эта зеленая феерия?

Однако очень скоро острые камни и галька вади Кухи Галлал, по которому мы продолжаем идти, заставляют нас забыть прекрасное видение. Мы расшибаем себе лодыжки, наши посохи застревают в гальке, и только дромадеры на своих «каучуковых» ногах еще выдерживают прежний темп. А мы начинаем задыхаться.

Джеггары попадают все время, правда не в таком множестве, как на побережье, и растут они не так тесно, как в горловине вади Лабарра. Здесь они разбросаны живописными группами. Никто их не трогает в этой глуши. Возможно, по велению царей Пунта, стволы их предков надрезали и кто-то собирал ароматную смолу, но это было четыре тысячи лет назад! А сегодня они спокойно цветут в ущельях благовоний.

Я отковырнул с одного *джеггара* кусок *махадди* и подогрел над огоньком моей зажигалки. Какое благоухание! Более практичный маршале отправляет добрую порцию *махадди* себе в рот, пытаюсь обмануть жажду.

Новая причуда Камбронна вызывает задержку. Он категорически отказывается переходить каменную осыпь. Моза, его погонщик, тщетно его уговаривает. В ответ — глухое ворчание... Юсуф пытается сдвинуть с места упрямца с помощью своего верблюда. Тот лишь злобно косится... Камбронн не произносит своего знаменитого

слова, но оно у него явно на уме. Выйдя из терпения, Мохаммало восклицает:

— Такип! (Подожди!)

И одним рывком за бечевку, пропущенную сквозь ноздри Камбронна, заставляет его двинуться вперед.

Шагая рядом с проводником, я спрашиваю, почему здесь не растет ничего, кроме джеггаров?

— Такип! — отвечает он, на сей раз мне. — У каждого дерева свои излюбленные места.

* * *

Мне не пришлось долго ждать. Вскоре я увидел мирноносные деревья *дидин*.

Зимой они теряют листву. У них короткий корявый ствол, такой же перекрученный, как и ветки, уродливые корни, уходящие в землю... С первого взгляда их можно принять за хвойные деревья, но на самом деле они относятся к *Commiphora playfairi* или ее разновидности.

Мои спутники протягивают мне кусок коричневой смолы — *мальмаль-муррех* — мирру, похожую на топаз. Они восхваляют ее целебные свойства. Это очень сильное средство для укрепления легких и всего организма... но если его много сосать, оно ослабляет мужскую силу. Мохаммало считает нужным уточнить:

— Мальмаль хорош только в пути, но не тогда, когда возвращаешься к семье...

Я понял.

Арабы, по-видимому, употребляют мирру, которую называют *мурр*, для лечения венерических болезней. Кроме того, она прекрасно заживляет раны, как мы вскоре убедились благодаря Камбронну. Настоящая папея!

Но это еще не все. Если куски мирры бросить в водоем, пьющие из него козы быстро набирают жирок. В воде растворяется не вся мирра, а только камедь, но этого достаточно, чтобы вода приобрела тонизирующие свойства и запах, привлекающий коз.

— Ты знаешь, профессор, — добавляет маршале, — наши предки когда-то понюхали воду с миррой, приготовленную для домашних животных, запах им понравился, и они сами начали употреблять *мальмаль-муррех*. Вот как это было!

При всех достоинствах мирры она используется в основном в парфюмерной промышленности — это выгоднее всего! Выше всего она ценится в Адене.

— Вспомни: десять шиллингов за килограмм, как говорил тебе торговец из Дурбо! — восклицает мой старый наставник.

* * *

Мы вышли из Дурбо бог знает когда, но до сих пор не встретили местных жителей, если не считать старика с двумя верблюдами, который, появившись неизвестно откуда, шел за листьями для них.

Чем дальше мы продвигались, тем я становлюсь требовательнее: мне не терпится познакомиться с новыми людьми и отыскать наконец босвеллию с мужской смолой.

Босвеллии появляются в свое время. Правда, в незначительных количествах и двух различных видов: *луфут* и *моххор*⁴². Серые, гладкие стволы, ветви, лишенные в это время года листья и многократно изогнутые под разными углами, на рисунке легко поддаются стилизации.

Босвеллии растут на голых земляных склонах со значительной примесью известняка, на самом солнцепеке. Их смола, стекающая прозрачными слезами, называется *беихо*. Однако этим словом сомалийцы обозначают все ароматические смолы подобного рода, предназначенные для воскурений. Арабское название смолы босвеллии — *лубан* (ладан высшего сорта).

Ее застывшие крупные слезы, скупаемые монополией на побережье по два шиллинга за килограмм, при нагревании, несомненно, испускают более ароматичный запах, чем другие благовония. В опочивальнях фараонов, на римских пиршествах и в современных церквах *лубан* с незапамятных времен и до сегодняшнего дня всегда был в почете.

До конца нашего путешествия деревья, дающие *лубан*, попадают лишь изредка. Их родина — Абиссиния, там их, наверное, гораздо больше. О ладононосных де-

⁴² *Boswellia bhau-dajiana*.

ревьях Хадрамаута не стоит и говорить: их качество много ниже.

— Марешале, скажи, как местные горцы, которых мы, кстати, еще не видели, ухитряются сбывать махадди, мальмаль-муррех и беихо... если они их собирают?

— Конечно, собирают, профессор! Каждая семья на своем участке. Затем, раз или два в год, они спускаются к морю и обменивают смолу на рис, который привозят на баркасах арабы. Рис — их единственная еда, ведь они не возделывают землю! Заодно горцы пригоняют на побережье кабретто, потому что в Адене мяса не хватает.

Мне не терпится увидеть все это своими глазами.

Мохаммало добавляет, что сезон сбора благовонных смол только начинается. (Сейчас еще ноябрь, могут выпадать дожди.) И что он продлится до самого марта.

Глава четвертая

СВЯТОЕ СЕМЕЙСТВО

Добравшись почти до конца вади Кухи Галлал, измученные ходьбой по предательской гальке, на которой того и гляди вывихнешь ногу, мы решаем отыскать место для ночлега. К тому же Камбронн категорически отказывается двигаться дальше. На сей раз ни Моза, ни Мохаммало его не понуждают. Орлиные глаза нашего проводника ощупывают высокий крутой склон вади.

Чуть выше каменистой осыпи у подножия обрыва чернеет ряд пещер. Вглядевшись, я различаю там движущиеся белые пятна. Мохаммало начинает рассуждать:

— Если там загон для больных или старых коз, значит, где-то неподалеку все стадо. Если здесь стадо, значит, должны быть и кочевники. Вперед! Мы добудем у них молока.

Однако Камбронн не желает сделать и шага. Я с размаху даю ему пинка в зад, к ужасу и возмущению его погонщика, и... верблюд трогается!

— Видишь, Моза, — говорю я, — сильные средства иногда тоже хороши.

И он хохочет. Потому что на сей раз я прав.

На уровне пещер мы вспугиваем стайку горлиц: это

первые птицы, которых мы видим после морских чаек. Их привлек сюда козий помет и, видимо, находящийся поблизости источник воды.

Пока мои спутники очищают от камней площадку в несколько квадратных метров, я озираюсь и замечаю недалеко маленькую яйцевидную палатку из одной циновки, свернутой наподобие кокона.

— Жалкое *гурги*, маршале, — говорю я. — Хотелось бы пойти туда, посмотреть.

— Нет, профессор! Там может оказаться женщина, одна. Таки! Кто-нибудь к нам придет.

И действительно, из щели палатки появляется мужчина с бритой головой, черный, как негр, и стройный, как индеец. Сомалийский Юл Бриннер!⁴³ Он усаживается, не говоря ни слова. Если вспомнить о том, как редко к нему заходят гости, остается лишь воздать должное его выдержке.

Молчание, наверное, затянулось бы, если бы на нас не набросились разъяренные осы. Сражаться с этими крупными насекомыми в черно-желтых кольчугах дело безнадежное: сколько ни размахивай кулаками, в трех случаях из четырех мы промахиваемся, а в последнем, четвертом, отогнанная оса тотчас разворачивается и снова бросается в атаку. Наконец Юл Бриннер, который сидит, не шелохнувшись, среди жужжащего роя, произносит свои первые слова:

— Они жалят редко!

Беседа завязалась. Мы знакомимся с Юсуфом, еще одним Юсуфом. Он спускается из Эль-Гала короткими переходами в Дурбо, чтобы продать там коз. А здесь он задержался, потому что вокруг много кустов, которые нравятся козам.

— Ты здесь один?

— Нет, со мною жена и сын.

— Где же они?

— Со стадом. Они вернутся к ночи. В загоне я держу только новорожденных козлят и старых молочных коз.

При слове «молочные» Мохаммало настораживается.

— Мы бы с удовольствием попили молока, — говорит он.

⁴³ Юл Бриннер — знаменитый американский киноактер. Герой фильма «Великолепная семерка» и других. — *Прим. ред.*

— Хорошо! — отвечает Юсуф, даже не спрашивая о цене.

Тогда в разговор вступает маршале:

— И съели бы кабретто!

— Хорошо!

Я спрашиваю:

— А сами вы пьете молоко?

— Мало. Большую часть выпивают козлята, понти все остальное идет на масло. Но тут в притоке Кухи Галлала есть вода.

Уверенные в том, что содержимое бурдюков позволит нам, если мы не будем задерживаться, спокойно добрать-ся до Эль-Гала, мои спутники оставляют без внимания сообщение миджуртина. К тому же как раз в это время возвращается его жена, мадонна в синем одеянии, за которой бежит мальчуган, подгоняя сотню коз. Стадо вливается, как река, в пересохшее русло. Многоголосое блеяние уютно звучит среди островерхих скал.

Едва мы избавились от ос, как на наш лагерь, разбрасывая все по пути, хлынули козы. Одна любопытная козочка сунула нос в чайник, и он повис у нее ручкой на шее. В ужасе она мечется, стараясь сбросить «колокольчик». Грохот, как во время ярмарочных бегов с кастрюлями.

Муж и жена загоняют озорниц в пещеру. В пылу сражения сомалийка не успела поправить покрывало, и я вижу, как она хороша. Мальчуган, слишком маленький, чтобы участвовать в облаве, терпеливо дожидается родителей возле *гурги*.

Сидениями нам служат камни. Отец раскладывает костер, мать ставит варить рис. То и дело они отходят, чтобы проверить, не выскочили ли козы из загона. Им так не хватает пастушьей собаки, увы! запрещенной Кораном.

Наши верблюды — одна передняя нога у них подвязана к колену, чтобы они не могли далеко уйти, — паслись в кустах. Моза пригоняет их, заставляет лечь рядом с нами и потчует охапкой *куайена*⁴⁴, за которым он нашел в себе мужество сходить, хотя это и не близко. Это маленькие темно-зеленые растения из породы бобовых, липкие на ощупь, словно вымазанные медом.

⁴⁴ *Cotula cinerea Delile.*

Когда мы заканчиваем ужин, Юл Бриннер-Юсуф приносит чашу молока, от запаха которого у маршале текут слюнки. Мы честно делим этот десерт. И глаза мои слипаются... Последнее, что запечатлелось в моей памяти, это семья пастуха вокруг костра.

Они немногословны. О чем им говорить? Может быть, в отблесках пламени они ищут недолгого забвения от тягот извечно монотонной жизни? Время от времени отец роняет несколько слов, отвечая на нежный голос жены или на лепет ребенка.

* * *

Нас будит музыка! Сотня бородатых глоток громко выражает нетерпение. Вся пещера блеет. Где мы? У пастухов Вифлеема или в каменистом Сомали?

Мои спутники отвечают кашлем и плевками, которые шлепаются вокруг моих вещевых мешков. Из-за постоянных охлаждений миджуртины с раннего детства до самой смерти страдают хроническим бронхитом и, наверное, от него же умирают!

Синей тенью женщина проскальзывает за ограду загона: она доит коз в высокий кувшин. Затем выходит Юсуф и выбирает нам *кабретто*. Он появляется из пещеры, таща за собой старую белую козу с черной головой и короткой, как у всех ее сестер, шерстью. Я даю ему двадцать шиллингов — это нормальная цена для побережья.

— Хорошо, — говорит он.

Я добавляю еще пять шиллингов за молоко... и за доставленное удовольствие. Потому что мне действительно было приятно провести ночь по соседству с такой дружной семьей. Юсуф горячо благодарит меня и возвращается в *гурги*.

Когда мы уже собрались и Мохаммало соорудил поводок для нашей козы, я предлагаю маршале:

— Пойдем попрощаемся с ними. Это все же необычные люди!

Я беру пачку кускового сахара, большое лакомство в этих краях, где продают только сахарный песок или сахарные головы.

Муж восхваляет «величие моего сердца». Жена награждает меня только взглядом, полным признательно-

сти, но тут же смущается и спешит заняться кормлением маленьких козлят, которые находятся в отдельной сухой пещере, чтобы их случайно не затоптало стадо.

— Марешале, я хотел бы узнать их имена, чтобы они сохранились в моей памяти.

Поколебавшись, он решаетеся:

— Юсуф, Мириам, Исса.

Иосиф, Мария, Иисус... Святое семейство! Так вышло случайно, но все же это трогательно.

В их круглой хижине из циновок повсюду еще разбросаны подушки, между которыми негде ступить. Ничего не скажешь, это гнездышко поуютнее хлева, где родился Иисус, но зато оно много теснее.

Мириам, напоив козлят, выпускает стадо. Блеющий поток низвергается из пещеры и растекается по камням. Молча, без лишних жестов пастушка гонит коз по вадитуда, где их ждет вкусная листва.

Одна молодая женщина на сто быстроногих коз, а нас — пять мужчин на двух ленивых верблюдов! От этой мысли я краснею, несмотря на то что давно обгорел на солнце.

Глава пятая

НА БОЛЬШИХ ПЛАТО

Словно устав продираться сквозь узкие ущелья, вадикухи Галлал вырывается на простор, низвергаясь — когда по нему течет река — отполированным, как яшма, водопадом в обширный водоем площадью во много гектаров.

Большие зонтичные мимозы защищают эту впадину от солнца. Жители Эль-Гала, добирающиеся сюда, по словам марешале, за два дня, посеяли до начала дождливого сезона кормовые травы. Они уже достигли высоты взрослой кукурузы. Это единственные посеянные человеком растения, какие я видел на всем пути, да и те предназначены для верблюдов.

После впадины вадиповорачивает на запад. С южной стороны, куда лежит наш путь, вздымаются плато высотой до трехсот метров над уровнем моря. Мохам-

мало говорит, что их орошают (?!) речки в неглубоких руслах: Колад, Карим, Хоррэ, Яран, Эль-Гал и я уже не помню, какие еще.

Путь монотонный и смертельно скучный, несмотря на компанию нашей козы и флирт, который завязывается между нею и Камбронном.

Широкие языки мергеля, плоские, как ладонь, усеяны обломками известняка, потемневшими от патины пустыни настолько, что кажутся покрытыми черным лаком. Точно такие же черные камни встречаются в некоторых районах Сахары.

В других местах известняковые глыбы, разбросанные на туфе, живописно облицованы оранжевой кремнистой коркой, образовавшейся снаружи и на трещинах явно в результате взаимодействия известняка с другими породами на поверхности вади.

Увы, ненасытность моих товарищей сократила дни несчастной возлюбленной Камбронна: после четырехчасового утреннего перехода они решили лишиться козочку жизни. В этот момент мы продвигались по необычайно широкому и плоскому вади, еле отличимому от окружающего плато: границу его берегов отмечали только группы деревьев, кстати, совершенно мне незнакомых. В их тени мы и свалили нашу поклажу.

* * *

Это оказались *анкокипы*⁴⁵ из семейства акаций. Обычно они растут тесными группами на общих корнях. У них ярко-зеленая тонкая, кружевная листва. Стволы их буквально сочатся прозрачной розовато-лиловой смолой, приятной на вкус. Это — сомалийская камедь, и маршале тотчас запикивает ее себе в рот — на закуску.

— Если хочешь, — говорит он, — можешь ее сосать, жевать, проглатывать!

Действительно, эта растительная слизь — чистая камедь — вполне пригодна для еды и даже неплохо усваивается организмом. Отныне *анкокипы* начну встречать нам ежедневно, и мы с удовольствием будем лакомиться их драгоценным природным сахаром.

Сомалийская камедь не является монополией госу-

⁴⁵ *Acacia ankokip*.

дарства. Она стоит два с половиной шиллинга за килограмм на побережье и пять шиллингов — в Адене.

Растянувшись под очень тонкой, однако достаточно плотной сенью листвы, я с пренебрежением поглядываю сквозь нее на солнце. Нежная кожица, отделяющаяся лентами от стволов, щекочет мне лицо. Около носа маршале эти ленточки ритмично взлетают от его храпа, как от струи из кузнечных мехов, ибо он, едва мы остановились, тотчас заснул. Громкий вопль заставляет его вскочить: Моза прирезал нашу козу.

Вряд ли стоит описывать разделку туши! Лучшие куски, печень и почки достаются «большим начальникам», Муссе Арету и мне. Часть мяса варят в котле. Остальное нарезают тонкими полосками и развешивают на ветвях. Шкура сохнет на солнце. Потом она превратится в новый бурдюк. Внутренности, сваленные в одну кучу, дымятся. Мои спутники едят с жадностью. Я тоже съедаю по крайней мере три порции консоме из *кабретто*. На десерт каждый получает свою долю *анкокина*. Теперь можно и поспать.

Но по земле вокруг нашего бивуака начинают скользить подозрительные тени. Высунувшись из-под навеса листвы, мы замечаем пару грифов, которые спускаются кругами все ниже, явно рассчитывая присоединиться к нашей трапезе. Заметив нас, они набирают высоту, однако далеко не улетают. Меня всегда поражало, каким образом они на любом расстоянии узнают, что кого-то настигла смерть? Что это, инстинкт?..

Это — стервятники⁴⁶, которых я уже видел когда-то в Южной Аравии. Они белого цвета, с черной каймой на концах крыльев. Клюв и лапы у них светло-желтые. Они, по-видимому, питаются лишь кровавым мясом и не дотрагиваются до дохлятины, разве что их ужасные старшие собратья, черные грифы-монахи, предварительно вспорют тушу животного.

* * *

Слегка опьянев от сытной еды, непривычной для наших отощавших желудков, мы лениво пускаемся в путь — нам предстоит еще один трехчасовой переход. Во-

⁴⁶ *Neophron percnopterus*, или фараонова курица.

круг расстилается мергелевое плато, усеянное черными или покрытыми оранжевой коркой камнями. Ничто не привлекает глаз, ничто не помогает обмануть усталость.

Под обжигающими лучами солнца мы покорно, ни о чем не спрашивая, идем за синим тюрбаном Мохаммало, как некогда наши предки шли за белым султаном на шлеме Генриха IV. Наш проводник вышагивает, опустив локти на ружье, которое висит горизонтально у него на груди, как ярмо, и все время зорко вглядывается в обезкураживающе монотонные дали, стараясь по возможности не отклоняться от направления на Эль-Гал.

На участке, который Мохаммало называет Год Ад, — и как только он помнит названия всех этих богом забытых однообразных плато? — неожиданный вопль Мозы заставляет нас всех обернуться. Камбронн отстал и стоит неподвижно, подняв одну ногу. Настоящее изваяние, символ горечи! Он порезал себе подошву о кремнистый излом одного из этих проклятых камней и теперь не может больше идти под выюком. В виде исключения на сей раз он не жульничает.

Мгновенно недоверчивость моих спутников уступает место беспокойству. Нам не обойтись без груза, который несет Камбронн, а на второго верблюда и без того навьючено сверх меры и он не может облегчить груз кабеки. С другой стороны, мы не можем задерживаться, потому что воды в бурдюках почти не осталось: мы не стали их наполнять из источника «святого семейства», до которого слишком далеко. Значит, нужно любым способом как можно быстрее добраться до Эль-Гала.

— У тебя еще есть мальмаль-муррех? — неожиданно спрашивает меня Мохаммало.

— Конечно!

— Я возьму его, чтобы вылечить верблюда.

Мы располагаемся лагерем над *анкокинами* ближайшего вади: это вади Югун, уточняет наш проводник, обладающий невероятной памятью. Моза, как обычно, в три приема заставляет Камбронна лечь. Раз — передние ноги опускаются коленями на землю; два — задние ноги сгибаются и верблюд садится; три — грудь касается земли. В это мгновение, пока Юсуф держит уздечку, Мохаммало вытягивает из-под огромного тела поврежденную заднюю ногу. Он ощупывает на подошве мягкую мускулистую подушку, определяет серьезность раны. За-

тем отщипывает от моего образца немного мирры и размягчает над огнем костра, в который заранее положил гладкую плоскую гальку.

Теперь начинается сама операция. Мохаммало смазывает рану полужидкой миррой и втирает ее большим пальцем. Потом продолжает втирание горячей галькой до тех пор, пока вся мирра не впитывается. У пациента блаженный вид старой дуэньи, которой щекочут пятки...

— Тррри! — сюсюкает Моза.

Так он обычно «просит» своего верблюда подняться (я бы, наверное, ограничился пинком!). Камбронн встает на ноги, отряхивается. Он делает несколько шагов... и не хроает. И уже не будет хроать до самого конца пути! Чудодейственное заживляющее свойство мирры неоспоримо. Я полагаю, что в действительности она дезинфицирует рану и склеивает ее края, а заживление происходит потом.

Остается самое трудное: с рассветом ускорить темп и за один переход добраться до воды... Из-за ночных хищников — гиен и пантер — мы передвигаемся только днем, а потому много пьем: по четыре литра воды на человека, значит всего за день — двадцать. Это как раз объем одного бурдюка. А у нас из четырех бурдюков остался один, и тот наполовину пустой.

Эль-Гал должен нас спасти. Мы только об этом и говорим на бивуаке. Маршале не устает восхвалять Эль-Гал: «Великий перекресток караванных путей, великое становище полукочевых племен, тридцать постоянных *гурги*, которые окружают чудесные колодцы...» Я от души надеюсь лично удостовериться завтра во всех этих чудесах, тем более что мне давно не терпится познакомиться с жизнью местного населения. Ведь на первых ста километрах нам встретился один старик, заготавливавший корм для верблюдов, да еще святое семейство.

Все, что я успел узнать о благовониях, очень важно и интересно. Образцы мужских и женских благовоний, мирры и сомалийской камеди сложены в моих мешках ⁴⁷.

⁴⁷ Мне не удалось отыскать только оболло, которое я видел на складах береговых саладинов. Но они говорят, что используют эту смолу... для приготовления клея. Низменное применение! Так что я ни о чем не жалею.

Дальше, кстати, я не встречу ничего нового. Чего мне действительно не хватает, так это общения с людьми, хозяевами благовонных ущелий!

Глава шестая

«ОДИНОКИЕ МУЖЧИНЫ»

Навьючить верблюда трудно. Это требует умения и времени, чтобы каждая вещь легла, куда надо, и была как следует закреплена. Но этим утром, стремясь скорее двинуться в путь, Мохаммало, Моза и Юсуф сопровождают каждый свой жест пением и ритмичными возгласами, которые их ободряют и подстегивают.

Это священное песнопение труда, столь же прекрасное, как молитвы. Я уже слышал, как наши матросы на *самбуке* и гребцы в *хури* подбадривали себя подобным образом, употребляя почти одни и те же слова.

Сейчас один погонщик пронзительно выкрикивает: *Элле... луа!*, двое других низкими голосами отвечают: *Элле... ари!* Припев не смолкает до тех пор, пока вся поклажа до последнего мешка не закреплена на верблюдах.

Из вадии Югун мы спускаемся в вадии Эль-Гал, которое, естественно, должно привести нас к «великому перекрестку», носящему то же название. Пытаясь умерить жажду, мы все время жуем анкокип и держим темп, достойный кандидатов в мастера по спортивной ходьбе. Через несколько часов такого марша Мусса Арет, очевидно принимая желаемое за действительное, радостно восклицает:

— Смотрите!

Я не вижу ничего, что бы свидетельствовало о близости нашей цели. Но им, конечно, лучше знать... Только полностью оголенный восточный склон вадии говорит о том, что все деревья здесь вырублены, может быть, на топливо для очагов.

Однако, когда мы приблизились, я различил с полдюжины жалких хижин.

— Наверное, мы скоро увидим сам Эль-Гал? — спрашиваю я.

— Да нет же, профессоре... он перед тобой!

За оградой первого по ходу *гурги* громко звучат жизнерадостные мужские голоса. Мохаммало откидывает циновку, закрывающую дверной проем. Внутри сидят пять веселых молодцов и болтают, перебивая друг друга. Ни один не встает нам навстречу. Все смотрят на меня, как на незваного гостя или дикаря.

Маршале долго объясняется с ними и наконец говорит:

— Они согласны нас приютить. Входи! Тебе здесь будет хорошо.

— Зато я не согласен, — заявляю я и поворачиваюсь к этому *гурги* спиной.

Взгляд назад убеждает меня, что урок пошел на пользу: веселые молодцы попритихли.

Я прохожу мимо еще семи *гурги*. Головы, которые высовываются из-за циновок, — все мужские — не внушают мне ни симпатии, ни доверия. Так мы доходим до конца Эль-Гала, и здесь я решительно приказываю разбить лагерь под единственным уцелевшим деревом. Маленькие черноголовые ткачики с желтоватым оперением, недовольные, что кто-то устроился под их деревом, орошают нас своим пометом.

— Нам здесь будет неудобно! — жалуется маршале. — А там, в деревне...

— Я не люблю одиноких мужчин, старина, а если они еще и нелюдимы, то презираю.

— Они совсем не такие, профессоре! Просто они нас не ожидали. И потом, разве ты не видел, там была женщина!

— Об этой сморщенной старухе не стоит говорить, маршале. В нашем возрасте мы имеем право на кого-нибудь помоложе! Отдыхай. А мне хочется к воде, помыться. Я давно об этом мечтаю... с самого Хабо. Мохаммало покажет мне дорогу.

Отверстия колодцев чернеют посередине вади, а само селение Эль-Гал расположено на восточном берегу, чуть приподнятом над руслом. На западе, объятom огнем заката, вырисовывается трапециевидная гора, Бур Гед Хаммар. Знаменитая Бур Шебели — Гора Леопарда отсюда еще не видна.

Вода в известняковом колодце мерцает на глубине нескольких метров. Рядом лежит несколько кожаных

Бурдюков, которыми ее достают. Я раздеваюсь донага и моюсь вволю, не обращая внимания на собравшихся зевак.

Более застенчивый Мохаммало ограничивается омыванием лица и ног. После этого, дожидаясь меня, он чистит зубы щепочкой из древесины *аддэ*⁴⁸, которая куда эффективнее самых знаменитых европейских зубных паст! У каждого сомалийца всегда с собой такая «щетка».

После мытья я испытываю неизъяснимое наслаждение, словно сбросил старую кожу! В довольно благодушном настроении возвращаюсь к нашему биваку, где Мусса Арет рассеянно ковыряет в зубах палочкой из аддэ.

— Марешале, — воинственно обращаюсь я к нему, — почему здесь нет женщин?

— Как нет, профессоре? Женщины есть... только все они в окрестных вади. Потому что стада пасут женщины, пока для коз есть корм, как сейчас. Они остаются на пастбищах месяцами.

— А мужчины в это время сидят сложа руки и треплют языками?

— Нет же! Они каждую неделю доставляют женщинам рис и воду. А кроме того, они собирают благовония.

— Во всяком случае, по виду не скажешь, что это храбрые гостеприимные люди. Ну, ладно, я привык всюду, куда бы я ни приходил, приветствовать вождя или старосту. И я хочу это сделать сейчас, если только он не окажется одним из невеж, которых мы видели в первом *гурги*.

— Там его не было. Но в Эль-Гале два старых капорале.

— Это на восемь семей?

— Так уж получилось.

— Хорошо, пусть будет два.

Достойный марешале застегивает ремень с револьвером, я беру свою палку, и мы отправляемся в деревню.

Один капорале, к счастью, живет в ближайшей хижине. Он уже давно следил за нами сквозь щели в ограде и сразу увидел, что мы направляемся к нему. Мой по-

⁴⁸ *Cappari sodata*. Зубочистки из этой древесины в ходу по всей Восточной Африке. Они придают зубам сверкающую белизну.

ступок польстил его самолюбию. Он тоже обращается ко мне со словами приветствия и предлагает нам свой кров. Я едва успеваю удержать Муссу Арета, который хотел сразу перенести сюда наш лагерь. На вольном воздухе все-таки лучше!

Капорале зовут Абд-ур-Хассан Мохаммед Гуабери. Он спрашивает, кто я такой и что ищу.

— Он ищет камни! — отвечает мой толмач, которого больше всего интересует мое геологическое хобби.

— Камней здесь хватает, — не без хитринки соглашается старик. — Но какие ему нужны?

Чтобы дать пищу его воображению, я говорю:

— Бирбир! (Бриллианты!)

— Я их никогда не видел. Попробуй, поищи!

Закашлявшись, он показывает себе на грудь и спрашивает:

— У тебя нет лекарства?

— Конечно, есть: мальмаль-муррех.

Это его не удовлетворяет.

— Я его уже столько сосал, и мне не помогло. Пощупай мою руку — я весь горю.

У него лихорадка, видимо, местная разновидность. Я даю ему три таблетки аспирина, которые по крайней мере оглушат его и успокоят.

Теперь он щупает свой живот.

— И вот здесь у меня болит...

Если так пойдет дальше, мне придется познакомиться со всей анатомией капорале и оставить ему всю мою аптечку. Снабдив старика слабительным, я предлагаю Муссе Арету отправиться к другому капорале.

Этот капорале, такого же возраста, но явно не столь отрешенный от благ мира сего, оказался местным торговцем. Раз в год его сыновья закупают в Кандале запас риса, сахара и чая, чтобы «выручать из беды» менее предусмотрительных обитателей Эль-Гала, разумеется, за наличные! Конечно, они могут расплачиваться благовонными смолами и *кабретто*, если у них нет шиллингов. Но в таком случае на них ложатся все комиссионные расходы... в двойном размере. Я надеюсь, что хотя бы старые весы в глубине хижины не жульничают и не заставляют бедняков платить втридорога...

Среди запасов капорале нет табака. Миджуртины не выращивают его и экономят на куреве, даже бывая на

побережье. Здесь я не видел ни костяных трубок, ни наргиле⁴⁹. Мои спутники отказываются от сигарет, когда я их угощаю: явно боятся пристраститься к куреву. Один маршале невозмутимо принимает и палит мои сигареты, не заставляя себя упрашивать.

В виде вступления в беседу я произношу небольшую речь, восхваляя труд женщин, вынужденных все время пасти стада.

— Моя младшая жена сейчас в нескольких днях пути отсюда, — отзывается капорале. — Даже с моими неприхотливыми верблюдами до нее трудно добраться... Старший сын — его жена пасет коз вместе с моей — едва успевает доставить им воду и вернуться в Эль-Гал, чтобы напоить верблюдов.

— А вы не скучаете без жен?

Мой вопрос застает его врасплох. Да разве женщины что-либо значат в жизни мусульманина?

— Это их долг, их обязанность — и они ее выполняют! А потом, чего нам, мужчинам, скучать, когда нас много? Мы говорим о наших стадах, о делах...

Короче — они бездельничают. Беседа постепенно становится все более интересной и позволяет мне узнать немало подробностей о жизни, нравах и верованиях этого малоизвестного народа. Однако я не стану приводить здесь эти и собранные в других местах сведения, чтобы не рассеивать по всей книге. Все, что я узнал о жизни миджуртинов, будет сведено в одну главу и изложено в конце повествования.

Когда я покидаю хитрого старика, навстречу попадают те самые невежи, которых мы видели утром. Но сейчас они почти любезны с нами. Два осла трусят позади них, направляясь к колодцам. Впоследствии я увижу на своем пути еще только одного ослика. Эти животные годятся лишь для коротких переходов, потому что могут обходиться без воды не более четырех дней.

Под нашим деревом Мохаммало, Юсуф и Моза похрапывают, изредка перетаскивая циновки вслед за передвигающейся тенью. Они наполнили бурдюки, наелись, напились, и Эль-Гал кажется им раем...

⁴⁹ Наргиле (от персидского «наргил» — «кокосовый орех») — распространенный на Востоке курительный прибор. — *Прим. ред.*

Значение этого селения определяется его географическим положением. Оно лежит на перекрестке путей. Само же по себе оно ничем не замечательно, разве что своими колодцами.

Вокруг — ни клочка возделанной земли. Мергель на плато, по которым мы прошли и которые встретятся дальше, тверд и совершенно бесплоден. Если уж жители Эль-Гала совершили двухдневный переход, чтобы посеять немного кормовой травы для верблюдов во впадине вади Кухи Галла, так это достаточно красноречиво говорит о том, какая мертвая земля окружает их селение.

Я решил двинуться отсюда прямо на юг, в Гуррур, который оба капорале Эль-Гала хвалили за изобилие, потому что там растут плодовые деревья, *дарреи*.

* * *

Плато, по которым пролегает наш путь, гораздо интереснее вади, где живут «в фактическом разводе» мужи Эль-Гала, центра этого района. На первых же переходах нам встречается несколько значительных архитектурных памятников.

Одни из них представляют собой низкую каменную стенку, защищающую круглый участок диаметром метров в десять с холмиком посередине. Что здесь было? Место племенных собраний? Может быть, в центре на холме сидел на троне вождь? Нет, скорее всего, это могилы, обнесенные оградой.

Другие выглядят как усеченный конус сухой грубой кладки, в середине которого оставлено свободное пространство. Это уж наверняка могилы.

Наконец, мы увидели внушительную мусульманскую гробницу классического типа, явно гораздо более поздней постройки. Она представляет собою земляной куб, выложенный сверху маленькими камушками, расположенными в шахматном порядке, и украшенный по четырем углам остроконечными зубцами.

Места для сооружений двух первых типов выбирались тщательно, на плоских площадках, сухая кладка (без скрепляющего раствора) выполнена искусно, и памятников этих довольно много. Все это как бы переносит нас в отдаленные времена, когда здесь жили бок

о бок разные народы, куда более многочисленные, чем сегодняшние полукочевники. Но когда это было? Что это за племена? Кто были их вожди?..

Эль-Гал остался слишком далеко позади, чтобы вернуться и расспросить мужей-лентяев. А маршале и Мохаммало только восклицают:

— Ассабти! (Развалины!) Старые! Очень старые!

И делают жесты, которые говорят о многом... и ни о чем.

Можно ли отнести каменные круги и срезанные конусы к эпохе, предшествующей исламу, или даже ко временам до прихода сюда сомалийцев? Ревуаль видел подобные руины во многих других районах: это характерные памятники цивилизации. Но опять же, какой цивилизации?

Мусульманская гробница, очевидно, не старше тысячи трехсот лет, и в ней, наверное, покоится прах какого-нибудь великого сомалийского вождя. Просто не верится, что даже имя его забыто...

Получить сведения такого рода чрезвычайно трудно из-за отсутствия письменной традиции и равнодушия местных жителей к далекому прошлому. Они знают только аллаха, всемилостивого и всемогущего, Дарода, его пророка и своего предка, и заботятся лишь о повседневных делах. Даже если речь заходит об их собственной семейной истории, они могут вспомнить лишь деда или прадеда, но не дальше. Грозные силы природы потрясли не только эту землю: они рассеяли обитавшие здесь племена, и память о них угасла.

Глава седьмая

ВАДИ ЖЕНЩИН

Во время нашего марафонского бега к Гурруру однажды под вечер, после долгого перехода по мергелевым плато, Мохаммало неожиданно свернул направо к полоске зелени в глубине вади. Он объяснил, что это уже Гуррур, но не настоящий, что в настоящий мы войдем лишь много дальше. Для чего же тогда сворачивать сейчас? Что это еще за фантазия?

— Потому что они там!

— Кто? Что?

— Женщины...

— Где?

Я ничего не вижу, но у него глаз острее, чем у орла.

Все небо затянуло, однако серый свет резок и слепящ. Может быть, пойдет дождь. Наш ловелас ведет караван зигзагами по галечному руслу, обходя островки деревьев. Кажется, что ему давно знакома эта дорога, хотя в действительности он руководствуется лишь чутьем. И только повторяет без конца, что, мол, это место, вади Аррецимо, славится своими пастбищами. Он мчится, как угорелый, нам трудно за ним угнаться. Вскоре караван разделяется. Мохаммало, верблюды и погонщики исчезают. Мы с Муссой Аретом плетемся одни, еле сдерживая ярость.

Ах, вот и миджуртинка! Но далеко не первой молодости. Мне явно не везет! На ней ситцевое платье и покрывало багряного цвета, сейчас откинутае. Хотя красота ее давно увяла, следы еще остались. Миджуртинка воспламеняет старого солдата: позабыв о своей воинской сброе и оружии, он рассыпается перед ней мелким бесом. На его заикания она отвечает благосклонной улыбкой дуэньи. И, обольщенная галантностью маршале, показывает нам свое одинокое *гурги* и загон из ветвей, где козы уже заперты на ночь. Ей здесь жить еще два месяца.

— Те, кто помоложе, — покорно говорит она, — живут вместе, их много вон там...

Как раз туда и направился Мохаммало!

Быстрым шагом мы устремляемся за ним вдогонку. Ветви анкокипов хлещут нас по лицу. Колючки колют сквозь одежду. Ах, мошенник! Забрался в самые густые заросли, чтобы никто не мешал его амурам... Неожиданно мы выходим на поляну и видим поистине буколическую картину.

Огромная зонтичная мимоза укрывает согнанных на ночь коз, которых обнюхивают наши верблюды. Два *гурги* прилепились друг к другу, как два соломенных яйца. И две приветливые милые девушки слушают, как разливается перед ними Мохаммало, поддерживаемый голосами — а может быть, и сердцами — Мозы и Юсуфа.

Однако в хоре этого трио нет ни капли любовной поэзии! Речь идет всего лишь о молоке и масле. Эти парни просто ходячие утробы. Никакой в них чувствительности! Впрочем, я мог бы это предвидеть, зная суровую целомудренность сомалийцев. На побережье, в тесноте и многолюдстве, легкие связи с женщинами — обычное явление, но в горах — величайшая редкость. Может быть, потому, что мужчины здесь слишком часто сосут мирру?

Черт с ним, с молоком! Главное для меня — этот идиллический бивак; уютный свод из нежной зелени, под которым мы расстилаем циновки; отдых на свежем воздухе после тяжелого утомительного дня; высокомерные взгляды верблюдов, которые смотрят на нас, как строгие судьи; трогательные заботы, которыми окружают их мои спутники, более предупредительные по отношению к верблюдам, чем к прекрасному полу; и, наконец, молитвы, славящие всемогущего аллаха; и звездная ночь, опустившаяся на вади, когда птицы умолкли в ветвях.

Сон бежит от меня, потому что я слышу нежные тихие голоса, доносящиеся из *гурги* в двадцати метрах от нас. Но мечта зачастую слаще действительности. И я мечтаю, что засыпаю в персидском саду, где две девушки по мановению волшебной палочки превращаются в сонм гурий и убаюкивают меня дивным пением...

* * *

Пробуждение было так же чисто и прекрасно. Очаровательный малыш лет четырех робко приближается ко мне, путаясь в слишком длинной черной рубаше. На его бритой головке торчит лишь один хохолок. Прелестный сомалийский чертенок, вернее маленький святой, потому что на шее у него болтается большой кожаный амулет.

Он притащил нам молока в сосуде почти такой же высоты, как он сам. Это *годоф* — кувшин с расширяющейся горловиной и конической крышкой-пробкой, подогнанной с точностью до десятой миллиметра, чтобы предохранить содержимое от соприкосновения с воздухом. Он сделан из коры, обтянутой кожей, и украшен плетеным орнаментом.

В *годофе* оказалось чуть ли не десять литров снятого молока. Марешале заранее облизывается. Я учу его чокаться. Мы чокаемся раз пять-шесть... От удовольствия у него развязывается язык. Заикаясь больше обычного, он с жаром рассказывает мне о сражениях, в которых участвовал, о продвижении по службе, об отставке. Теперь он живет в Алуле со старшим сыном.

— Ты вдовец?

— Нет, у меня две жены, но коз тоже два стада, и женщинам приходится их пасти, поэтому я часто остаюсь один.

Такое патриархальное отношение к жизни вызвано отнюдь не эгоизмом мужчин. Мусса Арет, человек исключительно добрый, подтвердил это со всем чистосердечием.

— Ну что же, — говорю я, — пойду попрощаюсь с женщинами!

— Лучше не стоит, профессоре!

— Но я должен заплатить за молоко.

— Тогда я пойду с тобой.

Шиллинги, на которые я не скуплюсь, соблазняют юных красавиц. Их покрывала приоткрываются одновременно с моим кошельком. И мне удается их сфотографировать. Лица миджуртинок светлее, чем у мужчин, черты правильнее. У них газельи глаза, а их прически — наиболее ревниво оберегаемое сокровище каждой сомалийки — настоящие шедевры! Зачесанные назад волосы образуют два идеальных по форме шара по обеим сторонам затылка.

Одна особенность удивляет и будет меня удивлять повсюду: полное отсутствие музыкальных инструментов, даже таких примитивных, как деревянный ксилофон или дудка... У женщин в кочевых лагерях их тоже нет, как и у их ленивых мужей в селениях возле колодцев. А я бы так хотел услышать жалобную пастушью мелодию, которая позволила бы мне сказать словами Ростана: «Медлительно звучит свирель — то наши козопасы...» Но здесь нет ничего! Кроме красивых голосов. Монашеская жизнь со строгими правилами.

Марешале и Мохаммало, пораженные моим успехом, никак не могут опомниться. Я объясняю им, что надо знать женщин...

— Но ведь в том-то и дело, что ты их раньше не знал! — упорствуют они.

Объяснять бесполезно. Они никогда не научатся ухаживать за женщинами. И поскольку они боятся, что я задержу всех нежной болтовней с пастушками, — а солнце поднимается быстро! — маршале и Мохаммало тормозят меня и торопят.

— Пошли! Ты еще увидишь других, — лукавят они. — Сколько хочешь! Все вади будут теперь полны женщин.

Разумеется, они меня надули, потому что таких красавиц я уже не видел нигде, кроме вади Гуррура, да и-то лишь в течение нескольких часов, которые нам понадобились, чтобы подняться на оставленное нами вчера плоскогорье... Злясь на непрошенных опекунов, я сосредоточиваю все свое внимание на перепелках и на пышных деревьях, которые называются *гоб*⁵⁰. По-моему, я уже видел подобные деревья на юге Аравии.

Но вот мы снова идем по каменистой пустыне плато.

Глава восьмая

ГАЗЕЛИ

Вряд ли есть еще такие нечеловеческие, жуткие места, как плато, по которому движется наш караван. Горы не оживляют горизонт. Неблагодарная, твердая почва, усыпанная черными камнями, изматывает путника, решившегося вступить в это мертвое царство. Даже растения-скелеты попадают здесь словно для того, чтобы напомнить, что на нашей планете есть еще зеленые кусты и леса. Это настоящая пустыня, и нет ей ни конца, ни края.

Но такие пустыни как бы помогают человеческой душе возвыситься, ибо здесь ничто не мешает ее порывам. Человек остается на голой земле наедине с небом. Жара и усталость убивают плоть, высвобождая духовные силы. Из аскетизма внезапно рождается вера.

⁵⁰ *Ziziphus spina christi*.

Я всегда чувствую это особенно сильно, находясь среди простодушных мусульман, которые непрестанно взывают к аллаху и уповают на него во всех своих горестях. Набожный Моза то и дело обращается к богу с коротенькими просьбами, и маршале вторит ему даже издалека. Так же как Мохаммед в часы опасности в Индийском океане, он не просто читает молитвы, а беседует со всемогущим аллахом.

В таком настроении чем труднее становится дорога, тем быстрее мы идем, словно совершаем подвиг, который нам зачтется. День клонится к закату, но мы не считаем часов. И вскоре видим, что мы здесь не одни.

Метрах в четырехстах от нас пробегают ярко освещенные заходящим солнцем крупные газели с длинными жирафьими шеями.

— Гарануки⁵¹, — заикаясь, бормочет маршале, облизывая сразу пересохшие губы.

Мохаммало скидывает с шеи ружейный ремень и бросается вперед. Он хитрит, ложится, перебегает. К несчастью, кричаще синий тюрбан делает его слишком заметным. Пока он проделывает все эти сложные маневры, стадо описывает широкий круг и газели пробегают достаточно близко от нашего каравана, который продолжает двигаться.

Мусса Арет бранит своего сипая за то, что тот все испортил, и сожалеет, что не взялся за дело сам. В это мгновение раздается далекий выстрел, о результатах которого мы узнаем лишь позднее.

* * *

Мы разбиваем лагерь на голом плато под порывами жестокого западного ветра. Зелень и гурии Аррецимо для нас уже не более чем фантастические воспоминания... Моза с Юсуфом откатывают в сторону камни и сооружают из циновок заслон, чтобы уберечь нас и костер от ветра. Оба верблюда, спутанные тут же, укладываются и замыкают каре — есть им здесь все

⁵¹ Это газели Уоллера, или жирафовые антилопы. Они достигают высоты одного метра в холке. У самцов дважды изогнутые рога длиной до 30 см.

равно нечего. Этой ночью они будут ужинать и спать вместе с нами...

Погонщики вынимают из мешков сочные ветки с листвою; которые они нарезали в вади женщин, и кладут их между верблюдами, лежащими нос к носу. Не знаю, что смешней: потешная морда обжоры-Камбронна или его попытки стащить у товарища листик повкуснее.

Маршале долго ищет, к чему бы прислониться спиной, и наконец садится на корточки и обматывает ноги и поясницу своим тюрбаном. Обязанный таким образом, он становится похожим на странную сидящую мумию. Для сомалийцев это обычный способ отдыха. Я же предпочитаю лечь... С удовлетворением я ощупываю и разглядываю коническую окаменелую раковину с прожилками — единственное, что мне подарило это враждебное плато.

Ноги у меня сбиты в кровь, в то время как миджуртины отделались синяками благодаря своим открытым сандалиям на толстой деревянной подошве. На свежем ветерке боль в босых ногах у всех нас постепенно проходит, тем более что мы смазали ссадины миррой.

Мохаммало, который нигде не заблудится, легко нас находит. Он промахнулся по своему гарануку, черт его побери! Да нет, это был не из тех, что скакали вокруг нас, а совсем другой! Просто невероятно, сколько газелей в этом безводном аду! Впрочем, что удивительного! Они поразительно выносливы, а кроме того, всегда могут добраться стремительным галопом до сочной зелени вади и наестся вволю. Если же они уходят далеко от знакомого водопоя, им вполне хватает росы и даже сока трав, чтобы утолить жажду.

На протяжении этого перехода я убедился, что франколины и дик-дики также обладают необычайно высокой сопротивляемостью.

— Почему ты не подстрелил хотя бы дик-дика? — упрекает маршале неудачливого охотника. — Пара дик-диков ушла у тебя из-под носа, когда ты бросился за гарануками.

— Ба! Я предпочитаю крупную дичь.

Всех мучит голод. В котел, где уже потихоньку распаривается рис, мы снова закладываем куски старой козлятины, которые уже дважды варились, а потом вя-

лились на вьюках. Верблюды прерывают свою трапезу и принохиваются. Близкое соседство с людьми несколько им не льстит! Они бросают на нас уничтожающие взгляды и гримасничают каждый раз, когда ветер относит на них искры и дым костра.

Сегодня очередь Мозы запевать вечернюю молитву. Я уже говорил, что он очень похож на библейский персонаж? Так вот, в этот вечер он как никогда уподобился своему святому тезке Моисею, вызывавшему к Иегове в Синайской пустыне... Вдохновенный взгляд, борода, мрачный пейзаж — все как в священном писании!

Хорошо поставленным голосом Моза запекает «Аллах акбар!» и строфу за строфой читает наизусть всю молитву, ни разу не запнувшись. И все трое после каждой строфы хором подтверждают: «Айе!» — протяжно и горячо («аминь» по-сомалийски). Такое знание Корана и пламенная вера у простых погонщиков верблюдов удивляют меня.

Ветер и необъятное плато охраняют наш покой. Мне кажется, что я на берегу океана, как в Дурбо. Только море передо мною — каменное, без прибоя, мертвое и куда более страшное.

Кто-то щиплет меня за ногу, обрывая мои поэтические грезы. Это Камбронн, вытянув шею, пробует на зуб мой спальный мешок. Сообразив, кто меня тревожит, я наконец произношу вслух знаменитое слово генерала Камбронна:

— Ах ты дерьмо горбатое!

— Что ты сказал? — спрашивает маршале сонным голосом.

— Ничего особенного... Что идет дождь.

Действительно, с неба падают редкие капли, которые вряд ли смочат даже пастбища неприхотливых газелей.

Глава девятая

ГИГАНТСКИЕ ФИКУСЫ

Мы снова спускаемся в вади Гуррур. Теперь его не узнать: оно вьется между высоченными красными стенами, которые порой нависают над нашими головами.

Ущелье ослепляет пестротой светотеней и пышет удушающим зноем. Тем не менее кое-где в нем возвышаются огромные деревья. Их обильная свежая листва никак не вяжется с этой иссушенной местностью.

— Большие дарреи!⁵² Благословенный дар края!— декламирует маршале.

Подгоняя строптивых верблюдов, мы с трудом опускаемся в сухое русло. Устилающая его галька выкачивается из-под ног и сверкает так, что больно смотреть — она ослепительной белизны! Спотыкаясь на каждом шагу, кое-как добираемся до первого *даррея* и усаживаемся в тени между его корней, похожих на щупальца спрута.

Его ствол, добрых три метра в диаметре, напоминает ствол платана. Гроздь маленьких плодов, наподобие фиги, растут прямо на ветвях, а не среди листвы.

— Это хорошие плоды, маршале?

— Неплохие. Но самое лучшее у дарреев — листья. Их едят верблюды.

Кстати, наши верблюды остались на самом солнцепеке, чтобы пощипать листья с нижних веток.

— Мусса и Юсуф, — поворит маршале, — влезут сейчас на деревья и нарежут зеленых веток. Здесь это сделать проще, чем в Гурруре, на виду у хозяев деревьев.

Увы, он оказался неправ. Неожиданно с обеих сторон вادي появляются сразу два каравана. Верблюды легко вышагивают по скользкой, осыпающейся гальке. Один караван ведет огромный сомалиец, настоящий гигант, второй — босоногий мальчишка лет двенадцати. Пораженные встречей с белым человеком, они останавливаются. Мохаммало рассказывает все о себе и о нас, удовлетворяя естественное любопытство кочевников, затем спрашивает мужчину-великана, где мы, собственно, находимся:

— Мы, наверное, сейчас в Даррей-Сал Уене?

— Нет, немного южнее. Но в вادي Гуррур любое место носит название «Даррей» — до самого северного, Даррей-Донта.

⁵² Позднее, увидев сохраненные мною образцы плодов и листьев *даррея*, мадам Тардьо-Бло определила, что это — *Ficus Vasta Forsk.*

— Ты идешь к своему стаду?

— Да, и к своей жене.

— А ты, мальчик?

— Я отвез воду матери и теперь возвращаюсь домой.

Пронзительными криками они поднимают верблюдов и удаляются в противоположных направлениях.

Молоденький верблюжонок, взятый для тренировки, бредет, спотыкаясь, за последним караваном. Ступни его ног еще слишком малы для крупных камней. И он жалобно постанывает, не зная, что ему следовало бы радоваться, пока его не навьючили...

За этими двумя караванами мимо нашего развесистого дерева-коротышки проходит еще несколько. В общем-то число их невелико, но для такого малонаселенного района и это много. Эта местность вокруг Гуррура, видимо, страна обетованная.

Последним мимо нас проходит уродливый старик, погоняющий ослика, который с виду куда добрее и стройнее своего хозяина. Я отворачиваюсь от этой картины. Однако Мохаммало затевает с ним разговор, затем начинает спорить. Наконец, он объясняет мне:

— Я дойду с ним до его стада, это недалеко. Может быть, он продаст нам *кабретто*.

Они уходят по зеленеющей галерее по краю вади, середина которого целиком отдана царственным фикусам-*дарреям*. Выше на склонах ступеньками стоят *джеггары* и другие ладаноносные деревья, на которые я смотрю уже как на старых знакомых.

* * *

Наконец, наступило затишье, и Моза с Юсуфом могут теперь взобраться на гигантский фикус. Вскоре они исчезают в его верхних ветвях. Я их не вижу, но слышу, как стучат кинжалы. Может быть, мы совершаем преступление, уродуя деревья, эти исторические памятники, которым больше пятисот лет. О, они видели обращение и похуже! И несмотря ни на что, пышут здоровьем.

Однако, чем реже попадают источники жизни, тем тщательнее их оберегают: ни соседям, ни чужеземцам не будет пощады, если они вздумают посягнуть хоть на

одну зеленую ветку в самом оазисе Гурруре. Во всяком случае я бы им этого не посоветовал. По таким поводам начинаются местные феодальные войны между капорале. Поэтому наши погонщики и остерегаются.

Когда Моза и Юсуф спустились на землю с охапками зеленых веток, вернулся и Мохаммало. А с ним *кабретто* — старый козел — и его хозяин.

— О цене он хочет договориться с тобой, — заявляет Мохаммало, — только с тобой.

— Говорить не о чем: двадцать шиллингов — и ни пенса больше.

Обнаженный до пояса старик в одной набедренной повязке скручен и перекручен с головы до пят — в нем нет ни одной не то что прямой, но даже плавной линии, смотри на него хоть в профиль, хоть в анфас. Плечи согнуты, ноги раскорякой, шея кривая, пальцы скрючены, оба глаза косят... Если характер у него соответствует внешности, то лучшего воплощения для Шейлока не найти!

К тому же он глух, каждое слово приходится орать ему на ухо, в то время как козел издает у его ног душераздирающие вопли. После утомительной пантомимы старик наконец соглашается. Трижды пересчитав деньги, он заворачивает их в конец набедренной повязки и завязывает узлом. Просто поразительно, сколько предметов носят с собой местные жители таким образом за неимением карманов!

— погоди, я вернусь, — говорит он. — Я еще могу продать тебе молока.

Видя, что хозяин удаляется, старый козел начинает орать еще громче. Но вовсе не из любви к нему, а из предчувствия, что ему уже не вернуться к стаду... Он привык царствовать среди своих коз, и вдруг его грубо разлучили с ними, как бы свергли с трона, и он орет от тоски и страха перед близким концом.

— Пусть этот скупердяй уходит! — решает Мохаммало. — Молоко мы достанем сегодня вечером в Гурруре. А *кабретто* зарежем потом... иначе нам придется делить его со всеми мужчинами оазиса, а их слишком много.

Маршале с сожалением покидает вековую тень, чтобы вновь очутиться под палящим солнцем. Наши верблюды под мешками, с ветками фикуса поверх

вьюков, походят на странных чудовищ. А позади, стараясь оборвать веревку, тащится старый козел и орет так, что если не веревка, то наши уши наверняка скоро сдадут.

Форсированные марши у всех вызывают мечты о настоящем отдыхе в Гурруре. К тому же там я надеюсь встретить интересных людей. Ибо перед нами, в этих Фермопилах⁵³, только что прошли наиболее чистые представители истинного полукочевого народа.

Глава десятая

ПЕЩЕРА СЕМИ БРАТЬЕВ

Ущелья Гуррура оказались еще величественнее и грандиознее. Их белоснежные сухие русла с царственными фикусами обрамлены скалами восьмидесятиметровой высоты. Когда мы вошли в такое ущелье, то увидели, что вокруг колодца сгрудилось стадо коз, возвращающееся с плоскогорья, и большой караван, уже готовый отправиться в путь.

В караване верблюдов двадцать. Это не обычный караван, развозящий пастухам продовольствие: он либо отыскивает новое пастбище, либо спускается к побережью. Мужчина в пышном праздничном одеянии сопровождает двух своих жен, одинаково облаченных в фиолетовые платья. Подросток достает из колодца воду, чтобы напоить животных перед дальней дорогой.

Блеяние отгоняемых коз, ворчание верблюдов перед корытами с водой — весь этот гам пробуждает многоголосое эхо. А чудесный изумрудный цвет *дарреев* и нежная зелень камедных деревьев, вскарабкавшихся на самые вершины оранжевых утесов, образуют поразительную цветовую симфонию, звучащую в нагретом воздухе долины. Однако меня больше привлекают женщины, и это беспокоит нашего проводника.

⁵³ Фермопилы — узкий горный проход в Греции, где в 480 году до н. э. произошла знаменитая битва между греками и персами.—
Прим. ред.

— Ты что это надумал, профессор?—спрашивает он.

— Как «что»? Хочу их сфотографировать!

— И не пробуй даже: тут их муж.

— Вот я и хочу с ним договориться.

Он тщетно пытается меня удержать, но я уже приветствую хозяина каравана и, показывая на его супруг, произношу слово *сура* (картинка) и одновременно протягиваю ему пять шиллингов. Жадный блеск загорается в глазах гуррурца.

— Две жены—десять шиллингов!—объявляет он, нетерпеливо протягивая руку.

— Нет, деньги, когда сфотографирую. А то они поворачиваются ко мне спиной!

Я выжидаю, чтобы караван тронулся. Каждый верблюд связан веревкой, пропущенной через продырявленные ноздри, с хвостом идущего впереди животного. И управляют ими, естественно, женщины. Но едва я поднимаю фотоаппарат, одна закутывается в покрывало, а другая прячется за горб верблюда. Я опускаю свои шиллинги в карман. Муж начинает злиться. Я тоже.

В шумной сутолоке спора мне удается тайком щелкнуть несколько кадров, на которых, к сожалению, ни одна из женщин не смотрит в объектив. Это не то, чего я хотел, однако мошенник муж гневно требует обещанную плату. Если бы Мохаммало не вступился так горячо в защиту мусульманского целомудрия, ей богу, я не расстался бы со своими шиллингами. Каждую монету я сопровождаю громкими упреками. Плохое начало для знакомства с Гурруром, не лучше, чем в Эль-Гале!

Козы, успевшие напиться во время перебранки, уходят. Наши верблюды тоже утоляют жажду. Мы наполняем бурдюки, однако сами не пьем в ожидании благословенного обильного чая.

Пользуясь тем, что еще достаточно светло, я попытался—второй раз за наше путешествие—как следует вымыться. Выбрав полную колоду рядом с колодцем, я разделся донага—вокруг ни души—и начал намыливаться. Увы, старания мои были тщетны! Вместо очищающей пены на коже образовалась маслянистая пленка. И все потому, что в колодце пили верблюды и в воде растворилась их липкая слюна!.. Впрочем,

зачем мне теперь мыться? Я ведь так загорел, что грязь на мне не видна. Добился я одного: все тело у меня блестит, словно покрытое маслом, как у чемпиона по кэчу⁵⁴.

Когда я сказал, что вокруг не было ни души, это точно соответствовало истине. Но где же прятались жители Гуррура? Мохаммало, видя, как я, одеваясь, оглядываюсь по сторонам, понял мое недоумение и указал рукой:

— Воң там, наверху! Смотри лучше.

Напротив нас весь обрыв продырявлен пещерами. Самая большая находится метрах в пятидесяти над нами.

— Это пещера капорале.

Но и в ней не заметно никаких признаков жизни. Тем не менее Мохаммало без колебаний ведет нас к этой норе, где старый вождь его принимал однажды. Теперь-то он сразу вспомнил дорогу!

* * *

Лестница, вырубленная в скале, доводит нас до площадки в форме полумесяца, расположенной перед гротом, одна половина которого служит хлевом, а вторая — отгорожена искусственной стеной.

Хозяин ожидал нас в этом убежище, оставаясь для нас незримым. Он принял нас довольно холодно, пока Мохаммало торжественно не представил меня как профессора. Незаслуженное звание, которое ничего не означало для сомалийца, тем не менее произвело на него впечатление.

— Мачхе изи? — спросил я. — Как его зовут?

Капорале хаджи Осман Джеберанжо, сын и преемник старика, которого знал когда-то Мохаммало, приветствует меня со всем почетом:

— Галаб уа наксан!

Поскольку наши бурдюки снова полны, я предлагаю чай в качестве гостевого дара. Шустрые скальные крысы, *бахуне*, бесхвостые и с блестящей шкуркой, роются вокруг нас в камнях. Я едва удерживаюсь, чтобы не вскочить на ноги. Но опорожнив подряд три чашки

⁵⁴ Кэч (англ.) — вольная борьба без правил. — Прим. перев.

чаю, все же поспешно восхожу этажом выше, к другим пещерам.

По естественным ступеням, подобным тем, по которым мы добрались до пещеры Османа, я поднимаюсь к новым убежищам с такими же хлевами, которые временно пустуют. Если верить Страбону, троглодиты некогда приносили царям сабейским ароматные смолы. Видимо, они жили в таких же пещерах, которые во множестве зияют по обрывам. И теперь обитатели Гуррура продолжают древнюю традицию.

Когда я возвращаюсь, то вижу, что вся площадка перед жилищем Османа до самого края над обрывом устлана циновками. Этот балкон узок, но прелестен. Однако на мой чай нашелся новый любитель, куда менее симпатичный. Отхлебывая из чашки, он хмуро посматривает на меня. Но мне это безразлично: я слишком хочу спать.

Когда я открываю глаза, уже в сумерках, оказывается, что еще двое чаевничают всласть, не проявляя и тени благодарности. Что это? Может быть, мы изобрели новый способ привлекать аборигенов? Я снова засыпаю, а когда просыпаюсь, то вижу уже семерых, включая капорале... Семерых бородачей, которые пьют чай, так что пот катится градом!

— Эй, маршале! — говорю я. — Ты ведь знаешь, сахару у нас маловато. А эти парни сыплют по трети чашки. Так что завтра не жалуйся, если ничего не останется. Да кто они, черт возьми? Расположились, как у себя дома!

— Они и впрямь у себя дома, — отвечает добряк Мохаммало.

— То есть как это?

— Это семь сыновей покойного вождя, и они решили жить вместе в его пещере, вместе собирать благовонные смолы и вместе заботиться о своих женах и стадах в вади.

Хорошенькое дело! Это было бы даже трогательно, если бы один из незваных нахлебников, перейдя от косях взглядов к словам, не пробормотал что-то весьма нелестное по моему адресу.

— Что говорит этот ворчун? — спрашиваю я.

— О, так, пустяки! Он говорит: «Нам не нужны здесь белые...».

— Скажи ему, что мне сомалийцы тоже ни к чему, однако я пришел сюда... из дружбы к ним.

Это пышно переведенное заявление производит неожиданный эффект. Враги сразу становятся друзьями, хохочут, хлопают меня по плечам, пожимают руки. Я принят в их семью. Что ж, вечер будет прекрасным!

* * *

И вечер сразу стал таким, как только семь братьев, раздевшись и разувшись, присоединились к моим четверем спутникам для ночной молитвы. Ими руководит капорале.

— Аллах акбар! — провозглашает он и поет строфу за строфой, а его простодушные единоверцы вторят ему. Только вместо «аминь!», как это делают арабы, они возглашают хором по-сомалийски «Айе!» — «Да, воистину!».

Все они еле держатся на узком карнизе между отвесной скалой и пропастью, касаются друг друга плечами, когда сгибаются в поклонах, и толкаются, поднимаясь. Но, видимо, правоверным равновесие гарантировано... Они молятся истово, и громкие голоса эхом раскатываются по вади. И утесы, которые час-два назад отражали зной и свет солнца, сейчас отражают мелодии молитвы. «Вся вселенная пела в унисон...» — некогда написал Тейяр де Шарден⁵⁵. Вот это и происходит сейчас...

Я скромно держусь в стороне и, ей богу, если бы не знаменитая легенда о бедном мытаре, чувствовал бы себя навсегда отверженным⁵⁶.

В пещере напротив нас, на другом конце изогнутой полумесяцем террасы, ошеломленные верблюды с изумлением взирают на священнодействие людей и на тени, отбрасываемые костром. Пожалуй, их это не столько развлекает, сколько раздражает. А старый козел, который было уже смирился со своей судьбой, снова приходит в ярость и начинает блеять, как сумасшедший.

»

⁵⁵ Пьер Тейяр де Шарден (1881—1955) — известный французский палеонтолог, антрополог и филозоф. — *Прим. ред.*

⁵⁶ Евангельская легенда о бедном мытаре (здесь — грешнике), которому тем не менее было открыто царство божье. — *Прим. перев.*

Молитвы у всех пробуждают аппетит. «Поедим!» Все теснятся вокруг блюда с рисом — естественно, нашим... — которое Юсуф подал, ни о чем не спрашивая. Я понимаю намек Мохаммало: если бы он забил *кабретто*, от него бы тоже ничего не осталось!

За ужином завязывается неприхотливая, но вместе с тем интересная беседа. Для остальных сотрапезников это обычная болтовня, а для меня — источник этнографических знаний. В самом деле, после общих рассуждений о погоде и прочем заходит разговор о местных делах:

— Чья теперь очередь отвозить припасы женщинам?

— Как назвать сына третьего брата, который вот-вот родится там, на козьих пастбищах?

Выбрали имя Мусса.

И маршале, которого зовут так же, хихикает от удовольствия, став нежданно-негаданно крестным!

А чье-то стадо ушло слишком далеко по какому-то вади. Лишь бы оно не вторглось на пастбища Эль-Гала!

Переплетение высохших русел настолько запутанно, что пастухам иной раз трудно определить, где они: на своих пастбищах или уже на чужих. Обилие притоков сбивает с толку. Но права на пастбища священны, и я слышал намеки на торговлю оружием, скорее всего символическую: якобы кому-то из вождей удалось купить ружья, более эффективные, чем дротики, — и для защиты своих владений, и для охоты.

— А как с караваном на побережье? Когда отправимся?

Время подошло, потому что все благовонные смолы вокруг Гуррура вроде бы собраны и пора их сбыть до начала следующего сезона. На берегу моря сейчас в самом разгаре рыбная ловля, жизнь кипит, баркасов полно — только поспевай! Самое благоприятное время для продажи благовоний... и для необходимых закупок.

— В какой порт вы обычно отправляетесь? — спрашиваю я. — И какой дорогой?

Хаджи Осман отвечает:

— В Кандалу. А дорога у нас одна: мы ходим по ней из века в век! Миджуртины, живущие здесь, на плоскогорье, ходят тем же караванным путем.

— Что ж, теперь и я пойду по вашим следам.

— Эта дорога идет по глубоким вади — они тянутся цепочкой почти по прямой.

— Только не задевай бабуинов, которые живут вокруг двух единственных источников на этом пути. Зубы у них длинные, чуть что — вспорют тебе брюхо! И еще: рассчитывай на четыре хороших перехода, не меньше.

Значит, четыре дня пути, по тридцать километров каждый. Когда я назначил целью нашей экспедиции Гуррур, я не испытывал колебаний. Дальше Гуррура я не увидел бы и не узнал ничего нового. К тому же спуск по высохшим руслам этих рек, великой исторической караванной дороге миджуртинов, обещал много нового и интересного. И главное, все мы четверо действительно измучились. Я потерял в весе уж не знаю сколько. И даже мои привычные ко всему спутники устали от необычно напряженных переходов.

Все зевают, потягиваются. Для нас кладут дополнительные циновки. В пещере для животных верблюды улеглись, вытянули шеи и заснули. Только старый козел дремлет стоя. Прежде чем последовать общему примеру, мне хотелось бы все же проникнуть в тайну замурованной части пещеры. Марешале сообщает об этом Хаджи Осману.

Хаджи Осман поднимается и ведет меня к дверце из необструганного дерева в глинобитной стене. Он открывает дверцу и говорит:

— Входи! — таким же тоном, как если бы он сказал: «Сезам, отворись!»

Я ничего не вижу, нажимаю кнопку электрического фонарика и, ослепленный, замираю на пороге...

Луч фонарика вызывает целую феерию: здесь и светлый жемчуг, и темные топазы, и бледные аметисты... Что это? Пещера семи братьев или пещера Али-Бабы?

Надеюсь, вы догадались? В закутке всего лишь груды стекловидных благовонных смол, коричневой мирры, розовато-лилового анкокипа. Здесь весь годовой сбор бедного семейства, чтобы не сказать — рода. Плоды его трудов и опыта. Весь урожай сборщиков... И все их богатство!

Но в этой пещере оно сверкает, как царские сокровища!

Это одно из самых сильных впечатлений, которые остались у меня от Гуррура и страны миджуртинов.

ВЕРЕНИЦА БОЛЬШИХ ВАДИ

Первый переход начинается на плато, где караванная тропа ясно различима среди камней — движение здесь оживленное. Военная походная песня «Воздух чист и путь широк...» была бы нам весьма кстати, если бы в действительности путь не был предельно узок. Зато воздух и в самом деле божественно чист и свеж.

В полдень мы достигаем маленького высокогорного вади с едва заметным руслом — вади Бадилех — и находим здесь приют в тени анкокипов. Старого козла привязывают к одному из них так, что мы с ним оказываемся нос к носу. До сих пор он трусил на веревке за Мохаммало, как упрямая собака. А теперь, наверное, слышит, как Моза точит свой кинжал и Юсуф наполняет водой котел, в котором его сварят. Я глажу козла. Пусть знает, что хоть кто-то ему сочувствует. Он стоит, как каменный. Даже желтые глаза не моргают. Он все понимает, я в этом уверен. И когда приходит его час, он в отличие от козленка в Год Аде умирает, как подобает вожаку, — без единой жалобы.

Запах мяса привлекает с гор старую пастушку, которая пытается расположить нас к себе улыбкой Мадонны непорочной, чего о ней сказать уже нельзя. Меня всегда поражало, как женщины, выходя из пыльных ущелий и колючих кустарников, ухитряются не испортить свои длинные платья! Краски их одежд такие же яркие, как у святых на витражах.

Есть ей хочется, и она не стесняется! Однако категорически не хочет, чтобы ее фотографировали. «Майя! — вопит она. — Майя!» Дважды нет!

Наше жаркое, которое Хаджи Осман одобрил *семеном*, ей очень нравится. «Семен» — масло, похожее на рафинированный воск, и пахнет оно церковными свечами. Но зато какая это приправа!

Нарядные чибисы обследуют нашу посуду и багаж, подбирают зернышки риса и пронзительно кричат. У них белые щеки и хохолки, черные клювы и затылки, зеленюватые ожерелья, а на концах крыльев и на животе перья белоснежные. Над ними, чтобы не нарушать

традиции, кружат грифы-стервятники: они появились, как только мы разделали старого козла.

Через несколько километров после привала нам снова встретились точно такие же круглые площадки с могилами, выложенными из камней, какие мы видели между Эль-Галом и Гурруром. Дальше пошла местность, изборожденная трещинами.

Могучие деревья, *анжелы* (стволы, как у вязов, но листья маленькие и круглые), затеяют многочисленные овраги, которые сбегаются к зияющей пропасти: это место слияния вади Афиеро с вади Доголал.

Тропинка круто уходит вниз. Отсюда начинается цепочка пересохших русел, засыпанных галькой, по которой идти — мученье! Того и гляди подвернешь ногу... Здесь, на перекрестке ущелий, сгрудилось несколько *гурги*. Видимо, в них находят приют пастухи-кочевники по пути в Кандалу. Ребятишки и козлята попеременно доверчиво сбегаются со всего селения, чтобы поглазеть на наш странный караван: странный потому, что с ним шагает белый человек, стуча по камням палкой.

Мы долго пробираемся сквозь густые заросли по дну глубокого известнякового ущелья, над которым нависают ветви анкокипов и *джеггаров*. И останавливаемся на ночлег в том же ущелье, в компании дерзких пичужек: один нахальный воробей преспокойно уселся на мою ногу, а зеленый чибис приземлился прямо на плешивую голову Камбронна!

Юсуф и Моза взбираются на двадцатиметровые *анжелы*, чтобы нарезать для верблюдов их любимых листьев. Невидимые в густой зелени, они весело перекликаются между собой. И создается странная иллюзия, что два дерева разговаривают...

Поздно вечером пастух приносит нам молока. Оказывается, он давно нас заметил и справедливо рассудил, что нам захочется пить.

— Тут, по этим вади, проходит много караванов, — объяснил он.

* * *

Следующий день застает нас в вади Тайанэ.

Здесь, у слияния нескольких ущелий, в каменистом русле выкопаны ямы, поэтому это место называется

Аншор — Колодец. Тут мы и располагаемся днем на отдых. Десятка три верблюдов, которых ведут загорелые, как черти, погонщики в пестрых лохмотьях, пьют из каменных колод, отгоняя нахальных черных птичек из семейства вороновых, которых в Африке называют *пьяк-пьяк*. Их у водопоя целая стая! Более воспитанные горлицы кружатся в отдалении. На ветвях *анжела* щебечут в ожидании своей очереди птички с розовыми хохолками. Галья так раскалилась, что на солнцепеке на нее невозможно присесть. К счастью, в тени мимозы мы нашли прохладную землю.

Немного погодя за крутым поворотом вади перед нами открылось грандиозное нагромождение каменных глыб. Циклопические блоки, скатившиеся в глубину долины, разбросаны как попало — здесь царит первозданный хаос. Гнезда этих глыб на обрывах похожи на тоннели метрополитена. На утесах полновластно хозяйничают очень крупные бабуины, которые осыпают нас оскорблениями и градом камней. Раз эти киноцефалы поселились здесь, значит поблизости есть водопой.

И действительно, нависшие скалы скрывали от нас маленький бассейн. И красивую юную купальщицу, которая спокойно плескалась в нем, раздевшись донага, в то время как ее муж со своим маленьким братом после купанья обсыхали на солнце чуть поодаль. Никто не подозревал о нашем приближении, и мы стали невольными свидетелями этого сомалийского рая.

Вскоре наяда присоединилась к своим родичам, уже завязавшим оживленный разговор с Мохаммало. Лицо ее так же прелестно, как и тело. Кудри, приведенные в порядок после купанья, сверкают. Она в упор разглядывает меня без всякого смущения. Я даже не пытаюсь ее сфотографировать, боясь навлечь на себя гнев этой надменной Евы! К тому же маршале, несший фотоаппарат, из осторожности отошел в сторонку... Но и фотоаппарату и его носильщику далеко не уйти: некоторое время мы идем дальше вместе с этой семьей и мне удается сделать тайком несколько превосходных снимков моей соблазнительницы. Ее юный деверь Махмуд проникся ко мне симпатией, дал повод приблизиться и, сам того не желая, облегчил мне всю «операцию».

Километра через четыре, когда жара еще не начинает спадать, мы наталкиваемся на восхитительную

пару: бабушку в ярко-красном одеянии и маленькую внучку в синем. На внучку я, видимо, навожу страх. Обе они отдыхают в тени, пока мужчины их каравана кормят животных. Их жалкое имущество свалено сейчас в беспорядочную кучу: тут и циновки, и лохмотья, бурдюки с кислым молоком, но можете быть спокойны: отправляясь в путь, женщины ничего не забудут!

Дальше нам попадается труп верблюда со свернутой в агонии шеей, уже сильно раздувшийся от жары. Как ни странно, он цел и невредим. Ни одна гиена, ни один стервятник его не тронули. Тем не менее Мохаммало утверждает, что верблюд сдох дня два назад. Очевидно, четвероногих хищников отпугивает постоянное движение караванов по вади и близость становищ кочевников. Что касается хищных птиц, то свирепых черных грифов мы вообще ни разу не видели, а многочисленные стервятники, как я уже говорил, предпочитают более свежее, кровавое мясо.

Ночь мы проводим у слияния вади Тайанэ и вади Оболе, где долина сильно расширяется. Берега здесь более отлогие, и ладаноносные деревья постепенно уступают место хвойным зонтичным. По-видимому, я в последний раз люблюсь *джеггарами*.

Мой юный друг Махмуд не отходит от меня ни на шаг. Я для него — человек с луны; совершенно непонятный, но такой интересный! Однако вскоре общим вниманием завладевает маршале. Когда Мохаммало сказал, что мы доберемся до Кандалы гораздо раньше, чем рассчитывали, ибо наш караван идет быстро, маршале решил прифрантиться и обратился к одному из погонщиков:

— Моза, побрей-ка мне голову!

Его парикмахер пользуется старой бритвой «жилет», видимо, выброшенной кем-то из итальянцев в Хабо... И бреет он всухую! Тем не менее результаты вполне удовлетворительные. Голова старого солдата блестит, как яйцо. Бороды у него нет: у сомалийцев она отрастает нескоро, а вот у меня на щеках уже двухсантиметровая щетина. Мохаммало я сообщил, что такая борода — признак силы.

— Ну конечно! — соглашается он, массируя мне ноги. — Ты прыгаешь, словно кабретто!

— Возможно. Однако теперь ты помолодел, и я один остался с седой щетиной. Это уже нечестно!..

Для ночлега я выбрал полосу мягкого песка на пологом каменистом склоне. Маршале никак не может устроиться: он боится, что соскользнет вниз, если ляжет перпендикулярно склону, или скатится, если ляжет поперек. В конце концов он выбирает промежуточное, диагональное положение. Ночью его наверняка будут мучить кошмары.

Наши верные спутники, чибисы, размещаются вместе с калао, на ветвях большой мимозы напротив. Впервые за все время ласточки носятся низко у самой земли. Они первыми заметили черные тучи, собирающиеся на небе.

* * *

Третий день похода как будто бы не подтвердил радужные предсказания Мохаммало. Хотя мы держали быстрый темп, нечто среднее между маршевым шагом и спортивной ходьбой, мы долго не замечали никаких признаков близости побережья. Все та же галька, те же ущелья, правда более широкие с более пологими склонами, те же зонтичные мимозы...

Солнце безжалостно палит над открытой местностью. Не устояв перед зноем, два кочевника бросили своих верблюдов на солнцепеке, а сами укрылись под старыми зонтиками. Если эта мода распространится, все наши вышедшие из употребления зонтики осядут в Сомали!

Но ближе к вечеру, около четырех часов, я замечаю, что геологическая структура вокруг сильно изменилась. Мы идем вдоль серых известняковых скал, таких жестких и прочных, что мне лишь с большим трудом удастся отколоть образец. Дальше начинаются выходы красного базальта, похожие на великолепные церковные органы. Мы явно приближаемся к границам вулканического горного массива Эз-Мох⁵⁷, который возвышается к юго-западу от Кандалы.

⁵⁷ Взятые здесь образцы оказались базальтом с перидотом (разновидностью оливина) и базальтической лавой с вкраплениями пемзы.

Вскоре Мохаммало выводит нас по загроможденному обломками склону из ущелья. Мы выбираемся на плато, покрытое базальтовыми колоннами, представлявшимися нам снизу трубами органов.

Влажный и солоноватый ветерок опьяняет нас. В сумерках оранжевые лучи заката пробиваются сквозь вереницы темных облаков. При этом боковом освещении деревца вдали приобретают прозрачность изумрудов.

— Мохаммало! Ружье! — рычит вдруг, как лев, маршале.

Несмотря на все его немощи, зрение у маршале превосходное и он первым заметил два десятка *гарануков*, которые ощипывали с кустов листву. Твердо решив на сей раз преподать бывшему сипаю урок если не охоты, то хотя бы стрельбы, старый вояка храбро выступает вперед, становится на одно колено, вскидывает ружье к плечу и в тот же миг нажимает на спуск... А до газелей по крайней мере метров триста пятьдесят! Никто не знает, куда унеслась его пуля. Но *гарануки* обращаются в бегство, что для военного человека может сойти за победу. Тем не менее он считает своим долгом признаться:

— Не попал!

Но уважение к нему так велико, что никто не смеется.

Грациозные гарануки подсказали нам превосходное место для ночлега, и мы быстро добираемся до маленькой рощицы. Жиденькие кусты недостаточно защищают нас от влажного бриза, но мы рады и этому убежищу.

Расположились мы удачно. Слева от нас разворачивается горная цепь Эз-Мох, увенчанная вершиной в полторы тысячи метров, за которую цепляются кучевые облака. Мохаммало, знающий эти горы как свои пять пальцев, рассказывает мне о попадающихся здесь серых кристаллах *лахан*, которые «можно плавить вместе с медью». Это касситерит, оловянный камень, который наши древние предки использовали для выплавки бронзы. Кроме того, Мохаммало находил в этих горах прожилки тяжелого металла *разас*: галенит, свинцовую руду. Этот массив не похож на надоевшие нам известняки, он гораздо богаче.

У всех чудесное настроение. Мы уже представляем себе, как спустимся завтра в Кандалу, хотя Мохаммало предупреждает:

— Путь еще не близкий!

Но ведь он сам себе противоречит! Во всяком случае он не сумел нас обескуражить.

Последние куски *кабретто*, столько раз пережаренные и перекопченные, варятся потихоньку с остатками *семена*. Юсуф, из которого обычно слова не вытянешь, сегодня разговорился. Он признается, что соскучился по своей жене...

— Чего ты жалуешься! — обрывает его маршале. — Будь у тебя две жены, как у меня, тебе было бы вдвое хуже...

— Я не так богат, как ты! — огрызается бедняга Юсуф. — Жена стоит полторы тысячи шиллингов, разве я могу купить себе вторую? Вот разве что профессор даст щедрый бакшиш.

— Ты нам надоел своей болтовней! — заявляет бра-
вый ветеран. — Я хочу спать.

Наговорившись вдоволь, наевшись досыта и напившись чаю, мы укладываемся пораньше и дружно задаем храпака.

Просыпаюсь я от света восходящей луны, мокрый с головы до ног. Мои товарищи, промокшие, как и я, пытаются согреться у шипящего от сырости костра. Хорошо еще, что они догадались заранее прикрыть вещевые мешки и фотоаппаратуру непромокаемой плащ-палаткой.

Дрожа от холода, они обращаются ко мне с необычной для всех, кроме маршале, просьбой:

— Профессоре, дай сигарет!

Остатки моего запаса превращаются в дым, напоминающий благовоние курящегося *хаммама*.

Морской ветер на этих высотах еще неприятнее, чем дождь: на открытом плато горы конденсируют приносимую с моря влагу. Вот почему *гарануки* паслись среди этих кустов в ожидании влажной манны небесной.

Мы кашляем и отплеываемся наперегонки. Щелкаем зубами. Трясемся. Маршале от злости заикается все сильнее. Дорого же нам досталась эта ночь перед спуском в Кандалу!..

МЕРТВАЯ БОТИАЛА

На четвертый день ранним утром нам приходится снова сползать по крутому спуску градусов в шестьдесят в вади Мадлехе. Между скалами, окаймляющими эту крайне опасную тропу, пучками растет *индиш*, похожий на длинные зеленые макароны. Это изысканное лакомство верблюдов, и они застревают при малейшей возможности, предпочитая хорошую еду плохой дороге.

Еще двадцать километров тропа вьется по узкой траншее, где ничего не видно впереди. От этого глаза устают не меньше, чем ноги: все время те же деревца и те же камни. Однако навстречу попадаете все больше караванов.

Затем мы вступаем в более лесистую местность и решаем сделать короткий привал. Звук воды, текущей из наших похудевших бурдюков, приводит в волнение всех крылатых обитателей большой мимозы, под которой мы укрылись. Крохотные черные птички-мухи и черноголовые иволги с желтыми брюшками⁵⁸, прелестные пернатые отшельницы этой суровой земли, порхают вокруг.

Нас с маршале эти игры забавляют. А вот Мохаммало как упал, так и заснул прямо на гальке, не дожидаясь, пока Юсуф разложит циновки.

Около четырех часов, кое-как отдохнув и не утолив толком жажды, мы снова двинулись в путь. Все полагали, что до цели еще далеко, и решили, если понадобится, идти даже ночью. Пять человек и два верблюда продолжали ковылять по камням, увлекаемые лишь инерцией движения... Однако через пять-шесть километров наше вади неожиданно вышло в широкую долину.

— Это слияние с вади Туг Уенэ, которое идет от Эль-Гала! — восклицает Мохаммало. — Теперь я знаю... Сейчас ты увидишь развалины знаменитого города миджуртинов, Ботиалы⁵⁹.

⁵⁸ Несомненно, это *Oriolus monacus*.

⁵⁹ На некоторых средневековых картах Ботиала нанесена под названием Нилоптолемеум.

Кажется, что здесь встретились не высохшие русла рек, а столкнулись от страшного землетрясения сами горы. Они раскололись и опрокинулись, оставив на месте столкновения кучи белых обломков. Известняковые клещи, сжимавшие нас, разжались. Над вершинами отступивших скал высотой в сто метров снова засияло небо. Два стервятника величественно парили в нем, как неусыпные стражи чистой лазури.

В этой ни с чем не сравнимой рамке я не вижу, однако, ничего, кроме маленькой пальмовой рощи, питаемой подземными водами, полудюжины хижин, разбросанных в беспорядке, и трех старых, обветшалых дворцов.

Ботиала — сегодня только точка на карте — была некогда небольшой процветающей столицей. В начале XIX века один из ее граждан по-своему даже прославил родной город, убив в Мерее сына богора. Ботиала господствовала над путями, ведущими из глубины горного массива на Эль-Гал или на Гуррур и выходящими к морю через узкую горловину, устье главного вади. Отсюда ее второе название: Бендер-Кхор — порт (или бухта) лагуны. Путникам, прибывавшим со стороны моря, город, затаившийся среди скал, казался сомалийской Петрой.

Ботиала занимала единственное в своем роде положение на сухопутных и морских путях. Она контролировала внутренние территории и одновременно имела выход на морской простор, в недоступную для пиратов бухту. Наконец, ее колодцы считались неистощимыми.

Здесь была резиденция могучего султана, представителя миджуртинского короля. Кроме того, лет сто назад здесь жил знаменитый арабский купец. Им, видимо, и принадлежали два из трех дворцов, руины которых свидетельствуют о полном упадке. Они давно лишились резных *мушарабий*⁶⁰ на окнах, сейчас лишь грубые доски кое-как скрепляют готовые обвалиться стены. Мои спутники останавливаются для молитвы перед гробницей, где покоится марабут, почитаемый святой.

⁶⁰ *Мушарабия* — частая деревянная решетка на окне (в странах Востока). — *Прим. ред.*

Лишь благодаря своей былой славе, ключевому положению и превосходной воде это селение еще существует. Отсюда комиссарио Кандалы провел водопровод к своей медине.

Наш караван набрел на комиссарио в тот момент, когда он, проверив насос, уже уезжал. При виде нас он направляет ко мне свой лендровер, до предела набитый сомалийцами, которые воспользовались оказией.

— Осман Мухалле,— представляется комиссарио.— Меня предупредили, что ты скоро прибудешь. Хочешь сесть в машину? Место найдется. Дорога неплохая. И машина даст отдых твоим ногам.

Хорош бы я был, если бы в самом конце пути бросил своих товарищей, чтобы проехать на машине оставшиеся два-три лье!.. Нет, я не стану портить поэзию этого путешествия. К тому же мои спутники напряженно ждут, и я вижу, что от моего решения зависит, как они будут судить обо мне.

— Спасибо, но мы так сдружились, что я предпочитаю остаться с моими людьми до конца пути.

— Хорошо. Тогда — до завтра. Я приду навестить тебя к твоим знакомым с рыбозавода. Они тебя давно ждут.

Лендровер, подпрыгивая, спускается к дороге, ведущей к полуразрушенному итальянскому форту, и вскоре исчезает за поворотом.

Меня томит жажда — жажда по хорошей, холодной пресной воде, потому что с самого начала путешествия я не пил ничего, кроме обжигающего чая. Поэтому я бросаюсь к бетонированному резервуару, где стоит насос, и пью стакан за стаканом свежую воду. Мне она кажется слаще, чем выпитые за всю мою жизнь бокалы шампанского. После этого мы направляемся к лучшей хижине, наименее уродливой из всех, паразитирующих возле мертвых дворцов. И оказываемся в гостях у сына капорале Ботиалы!

Ибо в Ботиале, как ни странно, есть свой капорале... Его сын, еще совсем молодой человек, угощает меня табаком, который он достал в Кандале. И моя давно уже пустующая трубка начинает дымиться. Мы растягиваемся на циновках под открытым небом.

Все измучены до предела. Триста оставленных позади километров по каменистым и галечным тропам мож-

но считать за шестьсот. У нас нет сил даже разговаривать, и мы только слушаем, как каркают вороны, перекликаясь на отдаленных друг от друга утесах.

Из-за близости моря воздух ночью становится настолько влажным, что приходится прятаться под крышу. Хижина, где мы нашли убежище, разделена на две половины: жилую, на которой мы кое-как размещаемся, и кухню, служащую одновременно кладовой.

Сидя по-турецки, мы поглощаем ужин, приготовленный сыном капорале. Напряженную тишину нарушает лишь громкое чавканье. Затем марешале говорит мне плаксивым тоном:

— Хорошо, что ты остался с нами, профессоре...

— Конечно,— поддерживает его Мохаммало, однако, настроенный более реалистически, тут же добавляет: — Но у себя в Европе он о нас и думать забудет!

Я трясую его за плечо, сержусь, упрекаю, однако Мохаммало упорствует.

— Пойми! — твердит он. — Для нас ты значил очень много. А кто мы такие для тебя по сравнению с благовонными смолами и всякими камнями, которые тебя интересовали больше всего?..

— Кто вы для меня? Настоящие друзья, а друзей не забывают.

— Я тебе верю.

Юсуф попытался воспользоваться моим сентиментальным настроением.

— А ты не забудешь про мой бакшиш?

— Нет, но, когда с меня требуют бакшиш, я не даю ничего! Запомни, повторять я не буду.

Марешале задувает лампу. *Гурги* погружается в темноту и в смесь всевозможных запахов. Снаружи верблюды стонут, проклиная ветер. И я отчетливо слышу знаменитое слово Камбронна...

* * *

Будь у меня словарь побогаче, а у моих спутников — побольше понимания, я, может быть, сумел бы им объяснить, как много значило для меня наше путешествие.

Я оторвался от своей среды, от Европы, и проник в совершенно другой мир, можно даже сказать в дру-

кую эпоху. И с этим миром из другого времени я настолько сжился под солнцем переходов и у костров привалов, что чувствовал теперь настоящее духовное родство со своими спутниками. Необходимость постоянно объединять усилия связала нас неразрывными узами.

Не говоря уже о всяких псевдоисследователях, даже выдающиеся этнологи, стремясь обеспечить себе хотя бы минимум удобств для работы, зачастую отправляются в так называемые дебри на автомобилях и изучают только те племена, до которых можно таким образом добраться, то есть племена, уже сравнительно развитые, близкие к современной цивилизации. Они знакомятся с аборигенным населением так же, как знакомятся с войсками выпускники академий генерального штаба...

Однако, чтобы проникнуть в глубину простой, наивной, но зачастую возвышенной и благородной души солдата, надо самому покомандовать пехотным взводом и провести с ним не одну ночь в казармах. Так и с представителями примитивных — по-настоящему примитивных — народностей. Они открывают свою душу лишь тем, кто разделяет с ними все тяготы жизни.

Глава тринадцатая

ОБЛИК МАЛОИЗВЕСТНОГО НАРОДА

Неизменными и лучшими помощниками бесспорно были для меня мои спутники, истинные сомалийцы, как и те, которых мы встречали на караванных тропах. От них я почерпнул больше всего сведений. Тем более что население здесь настолько малочисленно, что на протяжении трехсот километров местные жители попадались крайне редко. Однако лучше несколько таких встреч на лоне дикой природы, чем общение с получивилизованной городской толпой.

Я уже говорил о религии миджуртинов и не стану к ней возвращаться. Религия косвенно влияет на воспитание детей, на сохранение обрядов и традиций.

Мальчиков подвергают обрезанию в возрасте двух или трех лет. Обряд не сопровождается никакими цере-

мениями. Инфибюляцию, или зашивание, девочек производят в возрасте восьми-десяти лет с помощью верблюжьего волоса, который употребляется также для перевязывания пуповины новорожденных.

Мужчины редко женятся в раннем возрасте: высокая цена на жену не по карману юноше, вступающему в жизнь. Достаточно вспомнить цифру, названную Юсуфом: полторы тысячи шиллингов!.. Но, скопив достаточную сумму, жених, разумеется, выбирает невесту помоложе, зачастую девочку-подростка. Даже старик, когда силы его убывают, а кошелек наполняется, мечтает обзавестись «достойной женой» во цвете лет.

Выкуп за жену — *ярад* вручается ее семье. Затем следует традиционный обмен клятвами в присутствии кади. После этого в отличие от арабов сомалийцы иногда устраивают свадьбу с плясками, особенно в прибрежных деревнях, где можно собрать достаточно народу. Обычай арабов и сомалийцев, исповедующих одну религию, имеют много общего, но сомалийцы сохраняют свою самобытность. После свадьбы невесту отводят в ее брачное жилище, из которого она в принципе не должна выходить первые семь дней.

После дефибюляции (расшивания) муж делает жене маленький подарок: несколько десятков шиллингов. И семейная жизнь начинается со всеми ее взлетами и, увы! падениями, с неизбежными столкновениями характеров двух совершенно незнакомых дотоле людей.

Развод производится свободно по желанию любой стороны. Однако требуется предварительное разрешение кади, который старается примирить супругов и только в случае неудачи санкционирует развод. Отвергнутая жена получает возмещение, *мехер*, но первоначальный *ярад* мужу не возвращают. К счастью для разведенной, вторично ее уже не зашивают...

Женщины, считающиеся в странах ислама людьми второго сорта и испытывающие поэтому врожденную покорность судьбе, очень редко требуют сами развода. Гораздо чаще инициативу проявляют мужья, причем по самым эгоистическим соображениям. «Она стареет... Она плохо готовит...» А на самом деле она просто перестала нравиться! В Хабо я видел мужа, настаивавшего на разводе. Судя по бегающим глазам, совесть у него была явно не чиста.

Супружеские измены до сих пор не являются поводом для развода. Но много ли их? И действительно ли сомалийцы так целомудренны, как я говорил?

В горах, несомненно, нравы довольно строгие. Сплетни там разносятся мгновенно: чем меньше у тебя соседей, тем лучше они осведомлены о каждом твоём шаге. Однако изолированность женщин на пастбищах в вадии заставляет думать, что некоторые снабжающие их припасами доброхоты могут быть и не столь целомудренны, как мои спутники... в моем присутствии.

На побережье картина совсем иная. Легкие связи здесь обычное дело. И мужья охотно позволяют себе то, что категорически запрещают своим женам. Мне объяснили на ушко:

— Главное, чтобы «никто ничего не видел»... И чтобы женщина была вдовой или незамужней...

Во втором случае естественно возникает проблема расшивания и зашивания... Ха! При желании нет ничего невозможного! Один ловкач доверил мне по секрету:

— Для меня флирт не имеет последствий, потому что каждую ночь я забавляюсь с другой...

Наряду с этими тайными шалостями существуют обычаи, соблюдаемые со всей строгостью. В Кандале я исподтишка любовался изящным личиком и великолепной прической Муррэ, жены Саида, повара моих итальянских друзей. Наконец за двадцать шиллингов он провел меня потихоньку на свой дворик, чтобы я мог ее сфотографировать. И тут выяснилось, что мы не поняли друг друга. Саид разрешил мне сделать *сур* только лица своей жены, но не прически!

— Волосы — самая сокровенная нагота женщины. Клянусь Кораном! Я не могу показать тебе прическу жены...

Дело кончилось тем, что минут через десять я вернулся один, словно что-то позабыл во дворике, и, улучив момент, тайком сделал «полную *сур*» красавицы, уже сбросившей свое покрывало — было сорок градусов в тени!

Скученность населения в многолюдных маленьких портах плохо отражается на здоровье сомалийцев, среди которых начали распространяться венерические бо-

лезни. Ничего подобного нет в горах, там жители страдают лишь от простудных заболеваний⁶¹.

Анри де Монфрейд вскользь упоминает о колдунах ибир (в единственном числе ибэри), чье наполовину врачебное, наполовину мистическое искусство было сходно с искусством целителей-дервишей. Речь идет о представителях низшей касты ибир, существовавшей при богорах. Они производили обрезания и инфибюляции и обладали талантами волшебников и певцов. Но я не нашел даже следов этой древней касты.

Зато вполне реально до сих пор существуют мидганы, другая низшая каста, о которой часто говорит де Монфрейд. Мидганы в большом количестве переселились в Южный Йемен. Некогда это были охотники, вроде современных бушменов⁶².

Мне кажется, что занятия этих людей, несправедливо считавшиеся низменными, сегодня, в новом сомалийском обществе, уже не вызывают такого презрения, как в былые времена. Итальянская оккупация, а затем освобождение страны неизбежно должны были сгладить противоречия между современностью и архаическим наследием феодальной эпохи. Миджуртинов осталось очень мало и они не могут, как прежде, жить разделенными на людей первого и второго сорта, на господ и париев. Однако наблюдения де Монфрейда, как всегда, оказались обоснованными.

* * *

На протяжении многих страниц я отмечал тяжелые условия жизни миджуртинов во внутренних районах страны.

⁶¹ Справедливости ради отметим также отдельные случаи туберкулеза и элифантиазиса (слоновой болезни), впрочем весьма редкие.

⁶² С мидганами связана интересная проблема. Не являются ли они промежуточным звеном между сомалийцами и предшествующими племенами (койсанами)? Этнологи Бауман и Вестерман в своей книге «Народы и цивилизации Африки», проводя аналогии между культурами мидганов и бушменов, пишут: «Различные признаки заставляют нас предположить, что первоначально все охотничьи племена (Восточной и Северо-Восточной Африки) принадлежали к одной расе людей со светлой кожей, точнее такого же типа, как койсаны или бушмены, как об этом, видимо, свидетельствуют некоторые факты, выявленные на северо-востоке».

Они не умеют строить плотин, не знакомы с орошением, а следовательно, не занимаются земледелием и вынуждены покупать рис, свой традиционный продукт питания, у перекупщиков с побережья. Кроме того, они приобретают у них сахар, чай и кофейную кожуру, *кешер*. Когда мы пришли к вади Аррецимо, «одинокие женщины» толкли *кешер* в ступках маленькими пестами.

У миджуртинов нет зерна, чтобы кормить птицу, а значит, нет и кур. Козы до какой-то степени обеспечивают их мясом и молоком. Однако презрение к собакам, этим «нечистым животным», делает труд пастухов утомительным и ненадежным.

Единственным транспортом остаются выносливые и неприхотливые верблюды. Корабли песчаных пустынь смело пересекают и каменистые нагорья.

Предположим, что средняя семья продает в год пятьдесят коз, пятьдесят килограммов благовоний, десять мер масла. Ее годовой доход не превысит тысячи трехсот — тысячи пятисот шиллингов. Это дает представление о том, сколько риса и хлопчатобумажных тканей она может потребить. Правда, часть мужчин оставляет стада на попечение жен и на восемь месяцев рыболовного «сезона» уходит работать на побережье.

В Кандале слуга моих итальянцев, которого я считал холостяком, в конце концов признался, что он женат.

— Где же твоя жена?

— В горах с нашими козами.

— И когда ты с ней увидишься?

— Когда закроется завод. Я приношу ей каждый раз в подарок красивое платье, а потом ухажу собирать благовонные смолы...

Энрико Черулли рассказывает о старом обычае, который сейчас, очевидно, к счастью, исчез, потому что я о нем даже не слышал. В былые времена убийство человека не каралось законом. Семья покойного сама мстила убийце или брала с него выкуп, *маг*, цену крови. Членовредительство компенсировалось по довольно забавной своеобразной таксе, например, за выбитый глаз давали двенадцать верблюдов...

В этом коротком обзоре я старался использовать все краски — и яркие и темные. Но надеюсь, читатель сам

понял, что миджуртины избежали худших зол современной цивилизации.

Глава четырнадцатая

ПОСВЯЩЕННАЯ ХЕМИНГУЭУ

От мертвой Ботиалы нам оставалось до финиша только пробежать круг почета. И пробежать даже не по кругу, через *кхор*, а по прямой.

Последние пятнадцать километров мы проходим за два часа... Но это совсем не похоже на простой спуск к морю. Оно долго прячется от нас за грядями невысоких холмов, и дорога по ним — нечто вроде американских горок (в Америке они называются русскими горками). Вдруг с последнего подъема море предстает перед нами, синее, чистое, необъятное... Я едва не закричал: «Таласса!» — как греки Ксенофонта⁶³, последние из славных десяти тысяч, добравшиеся до моря.

Широкий разрыв прибрежных скал обрамляет вид на бесконечный пляж. Слева от нас, на вертикальной стене розовато-лилового хребта Аиз-Мох, четко выделяются башни медины. Неподалеку от старого города в прибрежный песок зарылись десятки хижин. Внизу, прямо перед нами, яркий квадрат свежeweбеленных стен — явно чужеродное пятно итальянского происхождения.

Целый рой рыбацких лодок, распустив все паруса, бороздит синюю целину. Даже Хабо, стоящий на берегу неподвижного *кхора*, не был так величав, как этот берег.

Мы спускаемся прямо к морю.

Снова, в который раз, нас встречают с чисто итальянским радушием другие, незнакомые, но такие же дру-

⁶³ Ксенофонт (ок. 430—355/354 гг. до н. э.) — древнегреческий писатель, историк. В 401 г. участвовал в походе Кира Младшего, претендента на персидский престол, против его брата, царя Персии Артаксеркса. После гибели Кира был избран одним из предводителей греческих наемников, которые отступали от Вавилона через всю Малую Азию к побережью Черного моря. Увидев море, они вскричали: «Таласса!» («Море» — греч.). — Прим. ред.

жслиобные итальянцы. Оллари и Тринкоро — хозяева здешнего рыбозавода. Мы вспоминаем, что встречались недавно, еще до того, как я прилетел в Сомали. Они спрашивают меня с одинаковым интересом и о внутренних районах страны миджуртинов, куда сами не могут проникнуть, и о европейских новостях, увы, уже более чем двухмесячной давности... Я располагаюсь в комнате при рыбозаводе, а мои проводники — в старой крепости. Там они отдохнут, после чего вернутся к себе привычным коротким путем через горы.

Но мы еще увидимся! Нас разделяет всего полтора метра прибрежной полосы. Проводник-сержант еще покурит мои сигареты, благо я теперь не боюсь, что мне их не хватит. И, безбожно заикаясь, начнет вспоминать о наших ночевках... об этих прохвостах из Эль-Гала... о семи добрых братьях из Гуррура... «Ты помнишь?»

Я посещу также Османа Мухалле, и он проведет меня по скалам-лавкам своего города, насыщенного ароматом благовонных смол, которые я теперь сам видел на коре деревьев. Осман Мухалле познакомит меня с новым служителем мечети, недавно прибывшим из горных районов Эфиопии, вершины которых как бы помогают человеку приблизиться к небесам. Этот бородатый шейх будет неустанно восхвалять аллаха и верных слуг его, в том числе и меня, на что я искренне надеюсь.

* * *

В ожидании «дакоты», которая доставит меня в Могадишо, мне предстояло с неделю прожить у гостеприимных итальянцев. Самый благоприятный случай познакомиться с жизнью и работой сомалийских рыбаков.

Вновь обретая радости европейской ванны, бритвы, радио и неаполитанского вина, я сосредоточиваю все мои помыслы на рыбаках и их суденышках.

Больше всего меня занимают арабы, приплывшие от берегов Хадрамаута. Их привлекают высокие цены, которые платят в Сомали итальянцы. Гордые арабы, почти не общающиеся с местным населением, не случайно пользуются славой опытных мореходов. В их родных краях я познакомился с этими сынами бедуинов и оце-

нил их немногословие и холодное мужество. Готов держать пари, что если у меня останется от этих дней яркое воспоминание, то именно благодаря арабским рыбакам.

Однако следует действовать по порядку. Сначала надо узнать, как ловят по ночам сардинок, которых утром используют для приманки тунцов. Капитан-сардинец, коему меня препоручили, просит меня быть готовым к двум часам ночи, чтобы вместе с ним выйти в море.

Его маленькая флотилия состоит из баркаса с дизельным мотором и американской сетью, приспособленной специально для этого вида лова, вспомогательной моторки и большой лодки с прожектором. В эту лодку я и усаживаюсь.

Сардинец на «флагмане» плывет наугад примерно туда, где в этот час ночи собираются косяки рыбы. Он все время меняет курс. До меня доносятся его ругань, затем радостные восклицания. И в самом деле, в круге света, очерченном нашим прожектором, под водой мерцают сотни серебристых искр, подтверждающих, что мы, кажется, напали на косяк.

Потихоньку продвигаемся вперед еще на кабельтов. Теперь вода вокруг нас кишит сардинками. Рыбки, ослепленные ярким светом, вылетают из волн, как маленькие серебряные стрелы.

— Порядок! Начинай! — кричит капитан.

Он заглушил мотор и включил автоматический сбрасыватель сети. Сеть ложится на воду широким полукругом, маленькое *хури* стягивает концы, кольцо начинает сжиматься.

По мере того как охваченный сетью круг сужается, сардинки мечутся все отчаяннее. Яркий свет их завораживает, они забывают, что могут вырваться из ловушки, просто нырнув в глубину... В огражденном кругу площадью в несколько квадратных метров рыбешки устраивают феерический балет, выпрыгивают во все стороны, шлепаются нам прямо в лицо, ударяются о борта и трепещут на палубе большого баркаса. Тысячи сверкающих телец попали в плен.

Теперь наступает очередь маленького *хури* в центре круга. Молодой итальянец начинает работать вмести- тельным сачком с лодки. Каждая такая «ложка» вываливает в нашу посудину, играющую роль склада, по

крайней мере двадцать килограммов сардинок. Через пять минут живое серебро достигает наших щиколоток. Через четверть часа мы стоим в рыбе по колено. Еще несколько таких «ложек» и наша лодка берет полный груз — примерно двести пятьдесят килограммов.

Мы возвращаемся к четырем часам утра, край неба на востоке уже бледнеет. В порту все спят, кроме ночных сторожей. Четыре пятых улова мы вываливаем на мощеный двор; солнце быстро высушит рыбу, а потом ее отвезут на мельницу и там превратят в питательную муку. Остальных сардинок отправят в холодильник. На рассвете за сардинками выстроится очередь мальчишек с маленькими веревочными кошелками, в которых они отнесут своим *накудам* наживку.

Сардинки Аденского залива слишком крупны и не годятся для деликатесных консервов, поэтому их приходится использовать более вульгарным способом, превращая в рыбную муку. Но и в таком виде они представляют собой весьма питательный продукт.

Успешное применение сардинок для наживки вызывает лишь удивление. В самом деле, какого черта тунцы набрасываются на дохлую рыбешку, когда вокруг полно живой трепещущей рыбы? Мне кажется, тут действует закон наименьшей траты энергии... Тунцов привлекает добыча, которая скользит в воде по прямой линии, а не увертывается у них из-под носа.

* * *

Дня два-три спустя я сел в сомалийский парусник-*самбук* и мы отправились на поиски итальянского головного судна, отплывшего раньше на место рыбной ловли. Такие места обычно узнают по красноватому цвету воды. Его создает скопление планктона, главной пищи сардинок, которыми в свою очередь питаются тунцы.

Уже по дороге наш рулевой разворачивает длинный шнур с многочисленными крючками на поводках и сразу накальывает на каждый крючок приманку. Когда мы прибываем на место, за нами тянется несколько сот метров готового к ловле перемета.

На маленьком *хури* меня переправляют с *самбука* на более крупное судно, оснащенное самыми современ-

ными орудиями лова, которые должны принести хорошую добычу. Хозяин, могучий сицилиец, вытаскивает меня из *хури* к себе на борт, как рыбу из воды. Его округлые мускулистые руки и ноги кажутся непомерно толстыми по сравнению с худощавыми нервными конечностями остальных членов экипажа. И его мощный бас резко контрастирует с мелодичными нежными голосами рыбаков.

Он вытравил с километр тонкого, но очень прочного металлического троса, который различим за кормой лишь по редким баллонам поплавков. Поплавки подпрыгивают на воде, сигнализируя о поклевках. Когда большая часть поплавков запляшет, перемет будет вытянут и наживлен снова.

Вокруг нас скользит на волнах пестрая флотилия *самбуков* и простых рыбацких лодок; они следуют за нами, как утки за вожаком стаи. Мы плывем в полной тишине. Кажется, слышен даже посвист ветра под крыльями чаек... Охота на тунцов началась.

Но в это утро тунцы капризничают. Первый и второй заметы приносят всего несколько рыбин⁶⁴, которые корчатся и прыгают на палубе, пока арабы не оглушают их деревянными молотками.

Несколько довольно крупных рыб другого вида они выбрасывают обратно за борт⁶⁵, чтобы не нарушать однородности консервов. Их трупы плавают вокруг баркаса.

Наступает полдень. Юнга заваривает чай и жарит рыбу на *муфе*. Запах горелого рыбьего жира, смешанный с запахом газаolina, отбивает у меня аппетит. Тем более что баркас с выключенным двигателем подпрыгивает на волнах, как поплавок. Улов мизерный, однако рыбаки весело расправляются со своим завтраком. Капитан-итальянец тоже вскоре обретает бодрость.

— Святая мадонна! — раздражается он. — Надо попробовать еще раз. А ну, ребята, пошевеливайтесь!

И снова турникет разматывает трос и рыбаки наса-

⁶⁴ Эти *Thynnus orientalis*, весящие около 15 кг, гораздо вкуснее своих атлантических сородичей, достигающих длины 2 м. В Джибути их называют бонитами.

⁶⁵ В том числе за борт летят крапчатые пузаны, почти такие же крупные, как тунцы, с белым и сочным мясом. Итальянцы называют их *серниа*.

живают свежую наживку на каждый крючок. Километровый перемет уходит за корму в третий раз. Начинается третий раунд. Раунд, полный неожиданностей...

Вначале выживаем нескольких тунцов. Их больше, чем было раньше. Хозяин баркаса удовлетворенно насвистывает. Потом трос заедает, это вызывает недовольное ворчание. Что там? Попался тяжеловес? Нет, это оказывается здоровенная морская черепаха, пострадавшая из-за собственной жадности. Несчастную лакомку не выбрасывают за борт, отнюдь! Ее подвешивают за релингами. Поджаренное черепашье мясо здесь ценится очень высоко.

Трос продолжает наматываться под скрежет и пощелкивание турникета. Голоса рыбаков меняются в зависимости от добычи, которую они подбирают. Прозрачная вода позволяет заранее видеть, что попалось на крючки.

Ого! Что еще случилось? «Трос не идет!» Опять черепаха? Однако сопротивление слишком велико. Четыре руки вцепляются в трос одновременно. И вот из глубины всплывает, изгибаясь в яростных судорогах, настоящее чудовище... Это сине-красная рыбища длиной около трех метров с устрашающим бивнем на носу и высоким зазубренным спинным плавником, раскрытым, как веер. Сила ее такова, что, скорее, она сама перетянет рыбаков в море, чем они втащат ее на борт. Что делать? Попробовать все-таки? Или отпустить пленницу?

Капитан-сицилиец находит выход из положения: ударом топора он отрубает нос чудовища. Гигантская меч-рыба шлепается в море, вздымая фонтаны брызг, и уходит в глубину, оставляя за собой кровавый след.

Это была *Maкаiга indica*, похожая на тех, каких я видел с самолета, пролетая между Босасо и Кандалой. Обычно их называют парусниками: их спинной плавник походит формой на фокпарус. Это опасные и прожорливые хищники, способные проглотить целиком тунца, но не брезгующие и жалкой сардинкой... Такой парусник изображен на одной из фресок храма в Дейр-эль-Бахри, рассказывающей о стране Пунт.

Рыбу, выброшенную с нашего «флагмана», где отбор особенно строг, или с меньших лодок, боящихся перегрузки, во время приливов прибывает к бере-

гу. Особенно много выкидывают двухметровых синих акул⁶⁶. Сомалийцы засаливают их для себя или для перекупщиков из Адена — эти дары моря для них большое подспорье.

Кроме немногих тунцов мы доставляем в порт только нашу несчастную черепаху, подвешенную на носу. Когда *хури* буксирует ее к песчаному берегу, она в воде оживает. Но увы, мальчишки уже сбегаются к ней со всех сторон, потрясая заранее наточенными ножами...

* * *

Однажды вечером на нашем берегу было особенно оживленно: волны прибили большое количество знатной добычи: синих акул, рыб-молотов, морских черепах... Повсюду сверкали ножи разделщиков.

Большинство лодок уже вернулось в сопровождении крикливых чаек, норовящих стащить кусок повкуснее. Нет ничего забавнее этих птиц, нависающих над лодками, как пестрые тюрбаны из трепещущих крыльев, и нет ничего оглушительнее их разноголосого хора.

Однако Луиджи Оллари волнуется: две из пяти арабских лодок еще не вернулись.

Обычно арабы отправляются на лов первыми и первыми же возвращаются с хорошей добычей. Они умеют ловить рыбу на свои традиционные переметы с испытанными крючками и знают, где ее искать. Их *хури*, длинные и пузатые, непохожие на лодки сомалийских рыбаков, прекрасно держатся на любой волне. Маленькая складная мачта с простым парусом, который ставится и убирается в два счета, позволяет им легко добираться даже до дальних мест лова. А когда дует попутный ветер, они могут плыть буквально куда угодно. Ведь и сюда они приплыли от самого Хадрамаута, через весь Аденский залив!

Но вот появляется одна из запоздавших лодок. Рыбаки складывают мачту, сминая парус, *хури* скользит по инерции и врзается носом в песок, разукрашенный кружевом пены. Арабы прыгают в воду, одним толч-

⁶⁶ *Nyropriion hemiodon*.

ком вытягивают лодку на берег, выгружают тунцов. Затем, подложив под нос и под корму толстые шесты, поднимают на них лодку и бегом относят к своей временной хижине. Сомалийцы не прибегают к таким предосторожностям. Они просто втаскивают *хури* выше, чтобы их не смыло приливом.

Оллари окликает *накуду*:

— Эй! Твой товарищ остался в море, ты его видел?

— Нет. Но вы не беспокойтесь.

Пожалуй, больше всех волнуется весовщик... Все уже побывали со своим уловом у его весов, а затем у окошка кассира. Только последнего рыбака, пятого араба, весовщик никак не дождется.

— Ба! — говорит он нам. — Это настоящий ас. Такого можно и подождать еще с четверть часа.

Тем временем суета на берегу утихает. Все акулы уже разделаны. Чайки сели на песок и теперь разгуливают по пляжу, расклеывая рыбы головы или требуху. День клонится к закату. Весовщик нервничает:

— Странно! Залив как зеркало... Что же с ним произошло?

Мы замечаем, что земляки отсутствующего бросили свои хозяйственные дела в хижинах и вернулись на берег моря. Они стоят неподвижно, вглядываясь вдаль. Оллари спрашивает *накуду*, к которому уже обращался:

— Похоже, теперь ты сам волнуешься?

— Ха, ничуть. Он все равно вернется.

— Наверное, заплыл слишком далеко?

— Иншалла!

То есть: на все воля аллаха.

Слух об этом необъяснимом опоздании распространяется по всему берегу. Постепенно рабочие рыбозавода, закончив смену, присоединяются к досужим зевакам, всегда ищущим тему для болтовни. Маленькая толпа вглядывается в морскую даль, где затерялось последнее суденышко.

Закат отражается заревом пожара в зеркальных водах пустого залива. Арабы в презрительном молчании выслушивают предположения зевак, одно глупее другого. Сами они продолжают смотреть и ждать. И именно один из них, тот самый *накуда*, вдруг восклицает, когда никто еще ничего не видит:

— Вон он, глядите!

У нас не такое орлиное зрение, и, только проследив за жестом его руки, мы после нескольких секунд ожидания наконец замечаем вдалеке черную точку.

— Но почему... почему они идут не под парусом? — спрашивает Оллари.

— Наверное, есть причина, — невозмутимо отвечает араб.

— Во всяком случае так они доберутся до берега не раньше, чем через полчаса, — замечает Оллари.

Черная точка постепенно приближается, растет. Да, это в самом деле они. Когда лодка подходит достаточно близко, мы замечаем, что она без мачты и паруса — виднеются одни обнаженные головы гребцов.

— Похоже, они потеряли тюрбаны, — говорит кто-то из сомалийцев.

Накуда не удостоивает его ответом.

Несмотря на угасающий свет, хорошо видно, с каким усилием гребут рыбаки, а лодка почему-то движется еле-еле.

— Как по-твоему, что их так тормозит? — спрашивает меня Оллари.

Никто ему не отвечает, но видно, что арабы удивлены не меньше нас.

Наконец, *хури* поднимается на последнюю волну и тяжело рассекает ее в пене и брызгах, без обычной отточенной ловкости. У лодки совсем нет скорости, и она ударяется о дно, не достигнув пляжа.

Соскочившие в воду арабы, измученные, полуголые, с трудом выволакивают лодку на берег, вместо того чтобы вытолкнуть на сухое место одним рывком. И сразу же торопливо бегут к корме, отвязывают туго натянутую веревку, и все вместе впрягаются в нее. Из последних сил они подтаскивают к берегу гигантскую рыба-пилу⁶⁷.

Тело этой акулы достигает трех метров в длину, ее пила — полутора метров. Она еще бьется о якорную цепь, пытается ударить пилой рыбаков по ногам. По-

⁶⁷ *Pristus cuspidatus*, или рыба-пила, обитает в Индийском океане, в Аденском заливе и заходит даже в устья рек. Изображение этой огромной рыбы также фигурирует на фресках храма Дейр-эль-Бахри.

этому поймавший ее *накуда* прежде всего берет у кого-то топор и отсекает грозный зазубренный меч у самого основания.

Однако даже блестящая добыча не объясняет жалкого вида рыбаков и лодки... Что же произошло? Но *накуда* слишком измучен, чтобы рассказывать. Он уходит к себе в хижину, ведя за руку самого младшего из своих помощников.

Подробности мы узнали только позднее. В часы отдыха у очага склонность арабов к повествованиям всегда берет верх даже над усталостью. И тогда мельчайшие детали великих свершений оживают со всеми красками и динамизмом.

Ниже я воспроизвожу в западном стиле то, что удалось узнать бóям. Это приключение, я думаю, достойно того, чтобы рассказ о нем посвятить памяти Эрнеста Хемингуэя...

* * *

— Мы вышли в море, как обычно, очень рано,— начал *накуда* Абдуррахман.— И подняв наш маленький квадратный парус при хорошем ветре, заплыли довольно далеко. Лов был удачный. К полудню мы взяли девять отличных тунцов. Мои люди уже читали полуденную молитву, когда я решил повернуть к берегу. За кормой я оставил один перемет с наживкой.

Вдруг шнур натянулся так резко, что мы все почувствовали удар. Четверо моих рыбаков в этот миг стояли на ногах, как и подобает в час молитвы, и все они очутились за бортом. Остался я один, потому что вцепился в руль.

Я тотчас выпустил руль, чтобы подтянуть шнур перемета, но так спружинил, что сам едва не полетел в воду. Мои люди плавали вокруг и подбирали весла, чтобы поскорее вернуться в лодку. Однако, когда все они уцепились по неосторожности за один борт, наша таинственная рыба вдруг пошла к нам, шнур сразу ослаб, и мы перевернулись.

Изо всех сил мы старались выплеснуть воду из лодки, раскачивая ее с борта на борт. Чудовище невообразимой силы увлекало за собой *хури* и нас. Нам еле удавалось удерживать лодку на поверхности.

Так мы долго шли у рыбы на буксире. Наконец, нам удалось уравновесить лодку и забраться в нее. Там ничего не осталось: ни мачты, ни паруса, ни тунцов, ни гарпунов. А мы продолжали нестись неведомо куда.

Вдруг наш юнга Исса заметил чудовище, показавшееся на миг между двумя волнами.

— Рыба-пила, надо ее поймать! — закричал он.

Желание ребенка тотчас стало нашим, стало для нас делом чести. Эта акула была достойным противником. Неужели она заставит отступить арабских рыбаков? Никогда! Исса сказал верно: мы ее поймаем! И она нам заплатит за все убытки.

Но пока рыба-пила таскала нас за собой, как ей вздумается... Таскала целых два часа. И еще хитрила! То сопротивлялась упорно и долго, то вдруг ныряла в глубину и старалась утащить нас за собой. Нам все время приходилось бороться, табаня веслами из последних сил.

Пошел третий час, и мы почувствовали, что рыба слабеет. Я этим воспользовался. Мои парни налегли на весла, чтобы *хури* пошло назад и оказалось над рыбой. И тогда я ударил ее единственным грузилом для переметов, которое осталось в лодке. Но я ударил слишком сильно и свалился головой вниз за борт, прямо под пилу чудища. Один аллах тогда меня спас!

Теперь, хотя рыба была еще сильна, хозяевами положения стали мы. Я взял курс на Кандалу и уже не отклонялся в стороны. Конечно, рыба сопротивлялась. Постепенно она пришла в себя и снова пыталась нас таскать за собой. Но мы ей больше не уступали.

Борьба между нами шла не на жизнь, а на смерть.. Либо мы, либо она. В тот день победили мы..

Вы видели, как мы возвращались, измученные и счастливые, ограбленные и вознагражденные, ибо сто с лишним килограммов свежей рыбы-пилы стоят не меньше, чем потерянные тунцы.

Я подумал: как сильно этот рассказ напоминает о подвиге старого рыбака, описанного Хемингуэем, боровшегося до последнего, лишь бы не отдать свою большую рыбу морю.

Стремление шагнуть за горизонт — познать новое, неведомое, — присущее людям с давних времен, имеет множество различных проявлений. Одно из них, едва ли не самое интересное, — страсть к путешествиям, к познанию природы и людей дальних стран.

Француз Ф. Бальзан давно и стойко верен зову дороги. Он побывал в тропических дебрях Мозамбика и в пустыне Калахари, на горных дорогах Курдистана, в краю белуджей, в песках и оазисах Южной Аравии и во многих других и сегодня еще не очень доступных областях нашей планеты. Он с полным правом может претендовать на почетный во все времена титул путешественника. Но Франсуа Бальзан не просто путешественник. Он — писатель; рассказы о странах, где он побывал, о народах, среди которых жил, занимают в его творчестве особое место.

Путешествие Ф. Бальзана по Миджуртини (Северное Сомали) было в какой-то мере поиском связи прошлого с настоящим. Прошлое этого края — смешение реальности и легенд о стране сказочных богатств и чудес, которую древние египтяне называли «Пунт»; настоящее — бедная, полупустынная, гористая земля, на которой живут скотоводы-миджуртины, одно из сомалийских племен, часть складывающейся сомалийской нации. Действительно ли Сомали — это древний Пунт (как утверждает название первой главы книги Бальзана)? Какая связь между людьми, которые несколько тысяч лет назад поставляли благовония для храмов и золото для дворцов египетских фараонов, и сегодняшним населением Сомали?

Ответить на эти вопросы — значит очертить (по необходимости очень бегло) основные этапы истории (в особенности этнической истории) страны сомалийцев — Африканского Рога, а также прилегающих к ней областей. В какой-то степени это Ф. Бальзан и сделал. Но если его непосредственные впечатления и наблюдения не просто любопытны, но порой и весьма ценны (ибо литература об этих краях очень скудна), то его сообщения и мысли по вопросам этнической истории народов Сомали и Африки в целом — изложенные, впрочем, большей частью в предположительной форме — содержат немало ошибок и неточностей и нуждаются в соответствующих поправках. Следует сказать, что Ф. Бальзан, не имея специальной подготовки в области этнологии, во всех своих рассуждениях по этим проблемам основывался без сколько-нибудь серьезного крити-

ческого анализа и отбора на работах некоторых европейских ученых, чьи концепции либо уже полностью устарели, либо являются весьма дискуссионными.

Итак, попытаемся ответить на первый вопрос: действительно ли Бальзан побывал на земле Пунта? Есть исследователи — например, упоминаемый Бальзаном Дж. Ревуаль, — которые считают пунтийцев прямыми предками современных сомалийцев. Впрочем, аргументация их далеко не безупречна. Историки и сегодня не могут с уверенностью показать на карте то место, куда посылали египетские фараоны свои экспедиции за миррой, ладаном, слоновой костью, благородными металлами и прочими дарами далекой страны, лежавшей где-то «на краю земли», — ее называли «Та-нутер» («Страна Бога»). Первая такая экспедиция, о которой мы знаем, состоялась за 29 веков до нашей эры, при фараоне Снофру. С большими или меньшими перерывами они возобновлялись в течение почти трех тысячелетий. Об этом свидетельствуют разнообразные источники — надписи и изображения. В одной из надписей (она относится к XXI в. до н. э.) казначей фараона, возглавлявший экспедицию в Страну Благовоний, рассказывает, что он «благополучно вернулся из Пунта, причем воины его были с ним целы и невредимы и его корабли пристали к Сау». Где была эта гавань Сау? Есть предположение, что она находилась на побережье Красного моря, севернее Косейра: именно здесь была обнаружена надпись, поведавшая о том, что в Стране Бога был сооружен памятник фараону Сенусерту II в первый год его правления.

Интереснейшим памятником, много рассказавшим нам о связях Египта с Пунтом, является полупещерный храм с колоннадами, построенный в Дейр-эль-Бахри (около Фив) в память об успешной экспедиции, которая доставила царице Хатшепсут (XV в. до н. э.) громадные богатства. Надпись повествует, что корабли египетские были нагружены «весьма тяжело чудесами страны Пунт: всяким благовонным деревом божественной страны, грудой мирровой смолы и свежих мирровых деревьев, черным деревом и чистой слоновой костью, серебром и золотом, киннамоновым деревом, ладаном, притираниями для глаз, павианами, мартышками, собаками, шкурами южных пантер, туземцами и их детьми. Ничего подобного не привозилось ни одному царю, когда-либо жившему на севере». Такова надпись. Но кроме нее на стенах храма есть множество изображений, посвященных этой экспедиции, и среди них — изображения упомянутых «туземцев», то есть коренных жителей Пунта. Судя по этим изображениям, в стране Пунт обитали люди негроидной и эфиопской рас. О том, что жители Пунта имели черный цвет кожи, говорят также шумерские и аккадские клинописи.

Разнообразные источники (в том числе — приведенные выше) дают основания искать страну Пунт в тропическом поясе, на юго-восток от Египта. Некоторые ученые считают, что Пунт — это побережье Индийского океана в районе нынешней Танзании. Дело в том, что на языке суахили, который распространен в этой стране (и вообще широко в Восточной Африке), есть слово *rwaní* (берег), в точности передающее древнеегипетское название «Страны Бога». Но, как справедливо отметил крупнейший советский африканист Д. А. Ольдерогге, сопоставление *rwn* — *rwaní* не может быть безусловным аргументом (возможно ведь и случайное совпадение). Есть мнение, что Пунтом древних мог быть обширный регион, включающий африканское и аравийское побережье (с прилегающими к нему областями) Красного моря, Баб-эль-Мандебского пролива и Аденского залива. А известный русский востоковед академик Б. А. Тураев не сомневался, что страна Пунт — это Сомали, Африканский Рог. Думается, что к какому бы окончательному итогу ни пришли историки, уже сегодня можно достаточно уверенно утверждать, что сомалийское побережье с примыкающими к нему районами — где и в наши дни растут «благовонные» деревья — было (во всяком случае могло быть!) частью легендарной страны Пунт.

Следующий вопрос: кто жил в древности на этой территории? Предположение Ф. Бальзана о том, что жители Пунта «принадлежали к желтой расе, первоначально населявшей Африку» («наследниками» которой он называет современных бушменов и готтентотов), или что это была «раса выходцев из Индии», в первой своей части очень неточно, во второй — фантастично. Данные палеоантропологии показывают, что в Северо-Восточной Африке издревле обитали народы, относящиеся к эфиопской расе (в которую включаются и современные сомалийцы). Характерные внешние признаки людей этой расы — коричневый (разных оттенков, преобладает красноватый) цвет кожи; вьющиеся волосы (иногда почти курчавые), полные губы, узкое, высокое лицо с выступающим узким носом и целый ряд других. Что касается бушменов и готтентотов, действительно имеющих желтый (точнее: темно-желтый) цвет кожи, то они относятся к особой, койсанской расе, которая характеризуется сочетанием некоторых признаков, свойственных людям негроидной расы, и отдельных монголоидных черт; специфическая черта койсанов — упоминавшаяся в книге стеатопигия. Относительно монголоидных признаков бушменов и готтентотов существует множество гипотез; однако большинство антропологов не сомневаются в том, что процесс формирования койсанской расы проходил на территории Африки, точнее, в восточных и южных ее областях. Готтентоты и бушмены (вместе их сейчас около 100 тысяч человек, и живут

они почти все в Южной Африке) — «желтая раса» Бальзана — некогда, действительно, занимали обширные пространства в Восточной Африке (отдельные «островки» древнего койсанского населения до сих пор сохранились в материковой части Танзании). Но никогда они не составляли всего населения Африки и вряд ли жили так далеко на севере, на территории нынешнего Сомали. Негроидные народы банту, продвигаясь постепенно на юг и восток (из региона первоначального обитания: Судан — тропические леса Гвинейского побережья), частично ассимилировали, частично вытеснили бушменно-готтентотские племена в южную часть континента.

Относительно высказанного Ф. Бальзаном (который опирался на авторитет немецких этнологов Баумана и Вестермана) предположения, не являются ли мидганы, одна из каст старого сомалийского общества, «промежуточным» звеном между современными сомалийцами и койсанскими племенами, то можно лишь сказать, что оно практически никак не подтверждено. По одному-двум случайно совпадающим признакам нельзя говорить об историческом родстве народов.

Вообще древнейшая и древняя история народов Сомалийского полуострова исследована пока очень мало. Населена была эта территория издавна: об этом свидетельствуют костные остатки древних людей, каменные орудия (эпохи палеолита), наскальные рисунки. К более близкому к нам времени относятся остатки ирригационных сооружений, найденные на севере полуострова. Кто обрабатывал орошаемые земли на горных террасах, почему исчезла эта весьма развитая земледельческая цивилизация, — мы еще, к сожалению, не знаем. Даже для первого тысячелетия н. э. имеющиеся источники не дают возможности судить об этническом составе населения Африканского Рога сколько-нибудь достоверно. До X в., по-видимому, сомалийские племена жили в основном на севере полуострова. В последующий период происходило постепенное их продвижение к югу; к XIII в. сомалийцы жили уже почти по всей территории своего нынешнего обитания. С ними соседствовали те же народы, что и теперь: народы эфиопской расы (галла, данакиль) и на юге — негроиды (банту). Арабы проникали в страну Сомали издавна (из Южной Аравии); после возникновения в VII в. религии ислама и численность и роль их заметно возросли. Совершавшаяся постепенно исламизация сомалийцев, распространение различных элементов арабской культуры, арабского языка — все это оказало значительное воздействие на сомалийское общество; тем не менее сомалийцы остались «самими собой» — и в культурно-языковом отношении, и в плане чисто физическом. По своему антропологическому типу сомалийцы, как мы уже говорили, являются характерными

представителями эфиопской расы. Язык их относится к кушитской группе семито-хамитской семьи языков (в эту группу входят также языки беджа, агау, данакиль, галла и др.). Общая численность сомалийцев — около 4 млн. человек, из них в Сомалийской Демократической Республике живет более половины (остальные — в соседних странах, преимущественно в Эфиопии). В прошлом сомалийцы делились на много племен; в настоящее время в стране складывается единая сомалийская нация.

Особо следует остановиться на вопросе о «хамитичности» сомалийцев, о которой Ф. Бальзан говорит неоднократно (в первой главе, например: «Чистокровные хамиты, не имеющие ничего общего с негроидами, они не являются коренными жителями Черного континента»; чуть дальше: «...у него светлая кожа и правильные черты лица чистейшего хамитского типа»). Никакого «хамитского типа», чистого или нечистого, научная антропология не знает. Термины «хамиты» (заимствовано из Библии), «хамитские народы», «хамитские языки» были введены в этнологию в XIX в. «Хамитскими» немецкий ученый Р. Лепсиус назвал группу языков Африки, имеющих грамматический род. Однако дальнейшие работы многих лингвистов показали, что выделение этой группы никак не оправдано, что единства она собой не представляет; равным образом говорящие на этих языках народы не представляют собой расового единства, они относятся к различным антропологическим типам и расам. Тем не менее в силу трудно изживаемой традиции «хамитская» терминология, не имеющая никакого реального основания, сохраняется в зарубежной науке. И «виновна» в этом не только традиция.

Дело в том, что теория о «хамитских народах» в толковании многих ее сторонников имеет, несомненно, расистскую сущность. По их представлениям, в древности в Африке жили пассивные, неспособные к действительному развитию земледельческие негроидные народы. Затем из Азии сюда пришли (несколькими волнами) светлокожие «хамитские» народы — активные, воинственные скотоводы, которые были носителями более высокой культуры. Они подчинили будто бы «пассивных негров», изменив даже их языки, привили им многие элементы своей культуры, создали в Африке государства.

Хамитская теория, реакционная сущность которой очевидна, не выдерживает научной критики. Она опровергнута многими африканистами, советскими и зарубежными. Но в буржуазной науке она и поныне имеет немало последователей. Не избежал ее влияния и Ф. Бальзан.

Не можем мы принять и другого термина буржуазной науки,

используемого Бальзаном, — «примитивные народы», хотя в употреблении его этим автором нет пренебрежительного оттенка в отношении к народам или племенам, отставшим по тем или иным причинам в своем историческом развитии.

С того времени как автор книги путешествовал по Миджуртини, во всей стране произошли радикальные перемены. В жизни сомалийского народа важнейшее значение имеют сегодня те идеи, которые сформулированы в Хартии революции, провозглашенной после октябрьского революционного переворота 1969 г. Важнейшей задачей сомалийского народа Хартия назвала построение общества, основанного на труде и социальной справедливости. А год спустя, в октябре 1970 г., Верховный революционный совет страны провозгласил курс на строительство социализма в Сомалийской Демократической Республике. Во время официального визита в СССР в ноябре 1971 г. Президент Верховного революционного совета СДР генерал Мохамед Сиад Барре сказал: «Мы взяли за строительство страны на основе испытанной и проверенной системы научного социализма. Мы убеждены, что социализм — это единственная система, способная гарантировать нашему народу человеческое достоинство и возможность пользоваться богатствами своей страны».

Напряженная борьба за преодоление вековой отсталости, которую пытались законсервировать колонизаторы, за социальный, экономический, культурный прогресс — вот что характеризует сейчас всю жизнь сомалийского народа. Правительство национализировало банки и предприятия, принадлежавшие иностранцам. Граждане республики деятельно участвуют в освоении новых земель, строительстве дорог, школ, больниц. В стране реализуется пятилетняя программа (1971—1975), направленная на значительный подъем экономики и культуры. В республике ведется активная борьба с родо-племенными и феодальными пережитками, с трибализмом. Важным революционным актом революционного правительства явилась отмена титулов и привилегий бывших вождей кланов и племен. Ведется борьба с кровной мстостью, с фактами внесударственного решения межклановых и межплеменных конфликтов. 1971 год был объявлен годом борьбы с трибализмом.

Разностороннюю помощь и поддержку молодой республике оказывает Советский Союз. Советские люди рады всем достижениям сомалийского народа и искренне желают ему новых больших успехов.

С. Козлов

